

Е. Е. Бондарева, Н. И. Ильинская,
В. И. Мацапура

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС
ЛИТЕРАТУРА

6

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83.3(О)я721
I-73

Авторский коллектив:

Е. Е. Бондарева — «Введение», «Мифы и предания народов мира» (из греческой мифологии, из славянской мифологии), «Басни»; **Н. И. Ильинская** — «Мифы и предания народов мира» (библейские предания и притчи), «Страницы поэзии» (М. Лермонтов), «Мир приключений и испытаний» (Джек Лондон), «Уроки доброты» (В. Астафьев); **В. И. Мацапура** — «Страницы поэзии (А. Пушкин), «Мир приключений и испытаний» (Н. Гоголь, Ч. Диккенс, Д. Дефо); **Г. В. Биткивская** — «Уроки доброты» (А. Платонов), «Из сокровищницы мировой фантастики».

*Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ МОН Украины от 07.02.2014 г. № 123)*

Издано за счёт государственных средств. Продажа запрещена

Научную экспертизу проводил Институт литературы
им. Т. Г. Шевченко НАН Украины.

Психолого-педагогическую экспертизу проводил
Институт педагогики НАПН Украины.

Эксперты, осуществляющие экспертизу:

Сквиря Н. Н., научный сотрудник отдела славянских литератур Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ, кандидат филологических наук; **Снегирёва В. В.**, старший научный сотрудник лаборатории обучения русскому языку и языкам других этнических меньшинств Института педагогики НАПНУ, кандидат педагогических наук.

Ответственные за подготовку издания:

Ж. А. Кошклина, научный сотрудник ИИТСО МОН Украины; **С. П. Фомина**, зав. сектором науч.-методич. обеспечения содержания образования общеобразоват. учеб. заведен. с обучением на рус. языке и других языках нацменьшинств отдела науч.-методич. обеспеч. содержания образования общеобразоват. учеб. заведен. с обучением на рус. языке и других языках нацменьшинств и образовательных связей с диаспорой ИИТСО МОН Украины.

Бондарева Е. Е.

I-73 Интегрированный курс «Литература» (русская и мировая): учеб. для 6 кл. общеобразоват. учеб. завед. с обуч. на рус. яз. / Е. Е. Бондарева, Н. И. Ильинская, В. И. Мацапура, Г. В. Биткивская. — К.: Грамота, 2014. — 240 с.

ISBN 978-966-349-465-4

Учебник содержит материал, соответствующий действующей программе по литературе (русская и мировая) для общеобразовательных учебных заведений — художественные произведения, теоретические сведения, теоретико-литературные понятия, методический аппарат. С целью повышения эффективности использования предложенных материалов в учебнике предусмотрены тематические рубрики.

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83.3(О)я721

© Бондарева Е. Е., Ильинская Н. И.,
Мацапура В. И., Биткивская Г. В., 2014
© Издательство «Грамота», 2014

ISBN 978-966-349-465-4

Дорогие шестиклассники!

В прошлом году на уроках литературы вы впервые изучали произведения русской литературы в сопоставлении с мировой. Вы заметили, что произведения разных литератур имеют не только общие, но и отличительные черты. Сравнение выявило своеобразие русских, английских, украинских пословиц и поговорок, позволило заметить особенное в европейских и восточных сказках. Тайны природы и человеческих отношений открывались для вас в народных и литературных сказках, рассказах, повестях, романах. Вы читали стихи и прозу, произведения, созданные в глубокой древности и в наше время. Благодаря этому у вас сложилась хорошая основа для дальнейшего изучения интегрированного курса литературы.

В этом году вас ожидают новые открытия, в частности увлекательное путешествие в древнюю Элладу. Вы сможете сопоставить героев древнегреческих мифов с персонажами славянской мифологии. Вы прикоснётесь к мудрости библейских преданий и притч, познакомитесь с новым для вас жанром — басней, окупнётесь в неповторимый мир приключений и испытаний. Вы продолжите знакомство с творчеством А. Пушкина и М. Лермонтова, откроете для себя новых замечательных писателей — Н. Гоголя, Ч. Диккенса, Д. Дефо, Джека Лондона, А. Платонова, Р. Брэдбери и др.

Обращайте внимание на сведения в рубриках «Теория литературы», «Литературный комментарий», а также:

«В кругу других искусств»,

«Межлитературные связи»,

«Домашнее задание»,

«Ваш читательский опыт»,

«Диалог с текстом».

Вопросы и задания, помещённые в рубриках помогут вам разобраться в содержании произведений, понять мотивы и следствия поступков персонажей, определить значение важных деталей:

«Вопросы к иллюстрациям»,

«Развиваем речь»,

«Советуем почитать».

Мы желаем вам успешного учебного года и увлекательного путешествия в мир художественной литературы.

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ЧАСТЬ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Культурой называют всё то, что человечество создало за время своего существования: дома, храмы, дворцы, картины, музыку, книги и многое другое. Человечество состоит из отдельных людей. Всё, что ребёнок узнаёт в семье, школе, в общении со сверстниками и взрослыми, всё, что он делает, создаёт, читает, составляет его культуру. Как малые ручейки питают большие реки, которые затем сливаются в Мировой океан, так культурные достижения каждого человека формируют и развивают мировую культуру. Огромное значение в этом процессе принадлежит художественной литературе.

Литература отражает систему общечеловеческих ценностей, в которой чётко обозначены добро и зло, красота и уродство, хорошее и плохое и т. д. Чтение литературных произведений способствует расширению и приумножению наших знаний о разных временах и странах, о людях и народах, развивает наш ум и чувства, учит воспринимать прекрасное.

В пятом классе вы усвоили, что художественная литература, как и изобразительное искусство (в частности, живопись, графика, скульптура), архитектура, музыка, хореография, театр и др., является видом искусства.

С. Дж. Сини.
Читающая девочка. 1877 г.

Произведения разных видов искусства похожи тем, что в них всегда есть художественный образ — реальное явление жизни или вымышленное, состояние природы или человека, наполненное чувствами и мыслями автора. Но создаются художественные образы различными средствами, именно этим один вид искусства отличается от другого. Например, живописец использует краски, график — карандаш, музыкант — звуки, писатель — слова. Русский поэт Давид Самойлов своё восприятие осени выразил в таких строчках:

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

На ту же тему художник Василий Поленов написал картину «Золотая осень».

Поэт и живописец восприняли одно и то же время года, исходя из особенностей своего таланта и жизненного опыта. Поэтому их произведения отличаются.

Творцы художественной литературы — это писатели, создающие произведения разных жанров. Литературу часто называют *искусством слова*, а писателей — *мастерами слова*. От таланта и мастерства писателя зависит восприятие читателями его литературного труда.

Чтение художественного произведения — это прежде всего внимание к событиям и сопереживание героям, познавательный интерес к тому, чем закончится то или иное действие, как поведут себя персонажи.

Произведения искусства способны изменить нас к лучшему. Картине, спектаклю нужен зритель, концерту — слушатель, книге — читатель. Совсем не просто освоить созданное, скажем, писателем. Чтение требует от нас определённых усилий. Разные люди, читая одно и то же произведение, обращают внимание на разных героев, подмечают разные детали и открывают в произведении что-то новое именно для себя. Поэтому в современной культуре читателя считают в определённой степени соавтором писателя.

В. Поленов. Золотая осень. 1893 г.

В цивилизации Древнего Востока и Средиземноморья литература существовала в виде священных книг: Веды, Авеста, Библия. Такие книги были рукописными, а собственно литературу составляли комментарии или отсылки к священным книгам.

Художественная литература как результат писательского творчества возникла в Древней Греции. Там сформировалась сначала устная словесность — например, поэмы древнегреческого поэта Гомера «Илиада» и «Одиссея» были записаны намного позже их создания автором.

Теория литературы

Развитие понятия о художественной литературе

Художественная литература — это вид искусства, отражающий жизнь с помощью слова, письменного или устного. Вместе с другими видами искусства — музыкой, архитектурой, театром, изобразительным искусством — художественная литература является важной частью мировой культуры.

Главным признаком любого произведения искусства считается образность. Она создаётся с помощью художественного образа — реального явления жизни либо вымышленного, состояния природы или человека, наполненного чувствами и мыслями автора.

Художественную литературу называют ещё **искусством слова**, потому что писатель создаёт произведение с помощью искусного владения словом. Слово обладает способностью передавать одновременно звук, цвет, форму, чувства, мысли, действия и т. п. Поэтому считают, что литературное произведение может содержать элементы других видов искусства — музыки, театра, архитектуры, живописи и др.

Вопросы и задания

1. Расскажите о роли художественной литературы в развитии культуры человека.
2. Назовите известные вам виды искусства. Объясните, чем литература отличается от других видов искусств.
3. Составьте рассуждение о взаимоотношениях писателя, его произведения и читателя.
4. Сравните художественные произведения об осени поэта Д. Самойлова и художника В. Поленова. Что у них общего? Чем они отличаются?

МИФЫ И ПРЕДАНИЯ НАРОДОВ МИРА

Слово *миф* в переводе с греческого означает «сказание, предание». Мифы — это своеобразные сказки о сотворении мира и человека, а также легенды о подвигах героев. В мифах нашли отражение представления древних людей о том, как возник мир, как появились боги, всё живое на земле, в том числе и человек. Они не могли объяснить происхождение дождя, грома, молнии, стихийного бедствия и приписывали все эти явления особым силам — богам. Поэтому многие мифы повествуют о богах и о том, как они создали землю, небо, человека, животных, птиц, горы, моря, реки, как они следят за справедливым устройством жизни и повелевают природными силами.

Но в то же время миф отличается от сказки: в сказке действуют люди или животные, наделённые чертами людей, а мифы дают более общие знания — о происхождении, закономерностях развития мира, о человеческом обществе.

Первые мифы возникли очень давно, тогда человек ещё мало знал о себе и об окружающем его мире. Много тысяч лет отделяют нас от тех времён, когда были созданы первые истории о богах. Они передавались устно из поколения в поколение, в них верили, как в истину. Когда появилась письменность, мифы начали записывать, не переставая в них верить.

О. Г. Лаярд. Битва между вавилонским богом Мардуком и Тиамат — воплощением хаоса. Рисунок. 1853 г.

В процессе развития народы заимствовали друг у друга отдельные мифологические сюжеты, героев, образы.

Мифы разных народов имеют непохожие судьбы: например, у греков они сохранились практически в неизменённом виде, у славян по разным причинам исчезли или изменились до неузнаваемости, когда славянская мифология после крещения Руси приспособилась к христианской вере.

Древняя мифология вошла в современную жизнь. Знания о ней помогают понимать и воспринимать многие литературные произведения.

Теория литературы

Основная задача мифов состоит в стремлении дать образцы для подражания и обобщающие элементарные представления о природе всего сущего. Для мифов характерна масштабность повествования, поэтому они рассказывают о космосе, судьбах народов, тайнах стихий.

Мифы — это образы и представления о мире и человеке, связанные со своеобразным мироощущением древних людей и их стремлением найти ответы на конкретные вопросы.

Мифология — это совокупность мифов, возникших в представлении того или иного народа.

У каждого народа были свои мифы. Их записывали на разном материале — на папирусе, глиняных табличках, стенах пирамид, бумаге, камне, чтобы сохранить для потомков. Мифы стали основой для развития литературы, религии, искусства и даже науки. Общая идея всех мифов — это божественное происхождение мира как переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу.

Литературный комментарий

А. Монтичелли.
Щит Ахилла 1820 г.

Щит Ахилла выковал за одну ночь бог огня и кузнечного дела Гефест. В центре — небольшое возвышение, что символизирует земную твердь, имевшую, по мнению древних, форму щита со срединной горой, «пупом земли». На щите изображены земля, небо, звёзды, а также многочисленные эпизоды городской и сельской жизни.

Согласно мифам, такого щита не было ни у кого: ни у воинов, ни у божеств. По своему щиту древнегреческий герой Ахилл мог найти любую местность.

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Изучая историю древнего мира, вы узнаете об удивительной античной¹ Греции — стране высокой культуры, подарившей мировому искусству много сюжетов и образов: о красивых, но коварных богах, всемирном потопе, о том, как боги слепили из глины первую смертную женщину, а также о многочисленных подвигах, об аргонавтах — героях, отправившихся на корабле «Арго» под предводительством Ясона в Колхиду за золотым руном; о приключениях Одиссея; юноше Нарциссе и божественном пении Орфея...

Всё это отразилось в мифологии древних греков, которые верили во многих богов (такая вера называется *языческой*) и очень подробно описывали своё представление о них. В мифах древние греки объясняли происхождение и законы устройства мира, описывали, как произошло его упорядочивание из хаоса, толковали природные и космические явления, выстраивали внутренний мир человека.

По описаниям, поведению, чувствам большинство древнегреческих богов очень похожи на людей — это боги, живущие на горе Олимп. Их ещё называют *поколением Зевса* — главного бога древнегреческой мифологии. Но более древние боги не были такими красивыми и совершенными, как Зевс, его братья и сёстры. Например, один из самых древних богов Уран в мифологии был похож на устрасающее ночное небо, а отец Зевса, Крон (Кронос), олицетворял бесконечность времени.

Древние греки считали, что боги живут одной большой семьёй и активно вмешиваются в жизнь людей. Например, Зевс управлял всеми небесными явлениями, поэтому, когда сверкала молния и гремел

Бьяджо ди Антонио.
Сцена из истории аргонавтов. Конец XV в.

¹ Античный (от латин. *antiquus*) — древний.

И. Тишбейн. Герои Троянской войны (слева направо): Менелай, Парис, Диомед, Одиссей, Нестор, Ахилл, Агамемнон. 1829 г.

сивыми, а детей богов и смертных (то есть людей) наделяли особенной силой — это было *поколение героев*.

Герой призван выполнять волю богов на земле, отстаивать справедливость и упорядочивать жизнь. Поэтому герои в представлении древних греков обладали силой и сверхчеловеческими возможностями.

Ахилл, Геракл, Одиссей — герои древнегреческой мифологии — совершали подвиги. Они выделялись среди людей силой, мудростью, отвагой и приравнялись к богам. Но, как и все люди, эти герои были смертны. Очень показательна история героя Троянской войны Ахилла, сына царя Пелея и богини Фетиды. Герой наделён красотой, ловкостью, быстротой, силой, не имевшей себе равной. Мать очень хотела сделать сына бессмертным и окунула его в воды подземной реки Стикс, чтобы он стал неуязвим. И только пятка, за которую она держала младенца, не получила от Стикса защитной силы и осталась уязвимой. Раненный в пятку в одной из битв, Ахилл не смог оказать сопротивление и погиб. Отсюда и возникло устойчивое выражение *ахиллесова пята*, которое обозначает «уязвимое место». Возможно, в мифе содержится описание какого-то реального человека.

Верховным богом древних греков был Зевс — властитель неба, грома, молний и дождей. Взмахнёт Зевс рукой — удары грома раскатятся по небу, сверкнёт молния, и хлынет на землю дождь. Женой Зевса была Гера — царица среди богинь, защитница семейного очага.

Посейдон, брат Зевса, также считался владыкой морей. Когда он ударял своим трезубцем, на море поднималась буря, когда откладывал трезубец в сторону — волны утихали, а мореплаватели продолжали свой путь.

Владыкой подземного царства был Аид, брат Зевса. Он охранял мёртвых, не разрешая им вернуться на землю.

У Зевса было много детей. Самым красивым из них был Аполлон — бог света, обладавший грозной силой. Если человек внезапно

гром, греки говорили, что это гневается Зевс-громовержец. Бог морей Посейдон, бог подземного царства Аид, богиня мудрости Афина, богиня красоты Афродита и другие боги Олимпа во многих мифологических историях ведут себя, как люди: влюбляются, ссорятся, обижаются, мстят, страдают, радуются. Греки представляли олимпийских богов очень красивыми, а детей богов и смертных (то есть людей) наделяли особенной силой — это было *поколение героев*.

умирал, то греки считали, что его поразила стрела Аполлона. Его чтили как врача, покровителя искусства, поэзии и музыки. Аполлон также предсказывал будущее и возглавлял хор девяти муз — покровительниц искусств.

Сестра Аполлона, Артемида — богиня луны и охоты, заботилась о растениях и обо всём живом на земле.

Самой прекрасной на Олимпе считалась Афродита — богиня любви и красоты. Она пробуждала в сердцах людей любовь.

Люди и боги боялись Ареса — бога войны. С мечом в руке, в полном вооружении он мчался на колеснице по полю боя. Его сопровождали злые силы — богиня раздора Эрида и сыновья Деймос (Ужас) и Фобос (Страх). Зевс не любил Ареса. Он был свиреп и грозен, но удача не всегда сопутствовала ему.

На поле боя он часто уступал воинственной дочери Зевса, Афине Палладе — богине войны, а позднее богине мудрости.

Богом огня и кузнечного дела был Гефест. Он построил на Олимпе дворец для богов и ковал доспехи для героев в своей кузнице.

Вестником богов греки считали Гермеса, который покровительствовал путникам, пастухам и торговцам.

Помимо главных богов, окружающий мир был заселён божественными существами, обитавшими в долинах, горах, рощах, озёрах и морях. Это были нимфы — вечно юные прекрасные девушки. Греки считали, что если высыхал ручей или гибла оливковая роща, то с ними погибали и жившие там нимфы.

Древние греки не видели особой разницы между жизнью и смертью. Загробное царство казалось им продолжением земного. Когда человек умирал, то родственники старательно снаряжали его в дальнюю дорогу — в подземное царство Аида. Чтобы душа не заблудилась, её сопровождал Гермес — «проводник душ». У реки Стикс, служившей границей между миром живых и миром мёртвых, умерший уплачивал монетку Харону (Харон получил от Гермеса распоряжение не

Аполлон-кифаред.
г. Рим. Скульптура
II в. н. э.

Мирон. Афина.
Около 450 г. до н. э.

перевозить бесплатно и не иметь дела с живыми), чтобы тот перевёз душу на другой берег реки. Там трёхглавый пёс Цербер (Кербер) впускал всех, но никого не выпускал обратно. Перед умершим расстилалась бескрайняя равнина, по которой бродили тени. Чтобы не тревожить себя воспоминаниями, они пили воду из реки забвения Леты, забывали обо всех своих земных бедах и печалях. Попавшего сюда судили три царя (Минос, Эак, Радамант), заслужившие эту честь праведностью и добротой при жизни. Достойным людям даровалось бессмертие, и их тени отправлялись в страну вечной жизни Элизидум, а преступников сбрасывали в Тартар, где их мучили и терзали богини мести Эринии.

Вопросы и задания

1. Что такое *миф*? Какие мифы вы знаете или уже читали?
2. Подумайте, почему древние люди верили во многих богов.
3. Кто такие герои в древнегреческой мифологии? Назовите их.

4. Выберите правильный ответ.

Язычество — это

- А** поклонение героям
- Б** вера в одного бога
- В** вера во многих богов

В мифологии Древней Греции боги жили на

- А** горе Киферон
- Б** Кавказских горах
- В** горе Олимп

Боги-олимпийцы — это поколение

- А** Зевса
- Б** Урана
- В** Кроноса

Выражение *ахиллесова пята* означает

- А** неуязвимость
- Б** силу и отвагу
- В** тайное знание
- Г** уязвимое место

5. Установите соответствие.

1 Зевс	А бог моря
2 Афина	Б бог подземного царства
3 Афродита	В бог-громовержец
4 Аид	Г богиня мудрости
5 Посейдон	Д богиня красоты

6. Рассмотрите, как древнегреческий скульптор Мирон изобразил Афины Палладу.
7. Какие черты характера богини воплощены в этой скульптуре?
8. Почему у Афины на голове шлем?

Литературный комментарий

Прометей в мифологии Древней Греции — это двоюродный брат Зевса. Имя этого персонажа означает «мыслящий прежде», то есть *предвидящий*. Он наделён пророческим даром и в этом превосходит самого Зевса.

Прометей заботился о людях, которые жили в тёмных пещерах. Он похитил с неба божественный огонь, спрятал его в пустой трубочке камыша и передал людям как дар. Вместе с огнём люди получили также способность постоянно развивать свои знания.

Древнегреческий драматург Эсхил утверждал, что Прометей научил людей грамоте, науке чисел, подарил им умение мыслить, строить дома, корабли, различать времена года, приносить жертвы богам, шить одежды и носить их, заниматься различными ремёслами. Поэтому образ Прометея стал символизировать жажду знаний, а принесённый им с Олимпа огонь — прогресс в развитии человечества.

Огонь имеет два толкования — созидательное и разрушительное. Поэтому связанный с огнём образ Прометея имел и совершенно иное прочтение. Древнегреческий поэт Гесиод писал, что Прометей, похитив огонь, забрал у людей «золотой век», поскольку до этого они жили в изобилии, а огонь принёс на землю гнев богов, из-за чего человечество неминуемо катится в пропасть. Но в большинстве мифов похищение огня считается подвигом Прометея во имя человечества.

Этот героический поступок вызвал гнев Зевса, и поэтому наказание Прометея очень жестокое: его приковывают к скале, и каждый день к нему прилетает орёл и клюёт его печень. Прометей героически терпит все муки, и у него ещё хватает сил утешать страдальцев, которые делятся с ним своим горем.

Поэтому в мировую культуру образ Прометея вошёл как символ духовного и физического мужества.

Дурус.
Прометей и Гера.
Около 475 г. до н. э.

Прометейзм — способность жертвовать собой во имя других людей, быть образцом человеческого достоинства и величия.

Прометеев огонь — выражение, возникшее на основе мифа о Прометее. Оно употребляется в значении: священный огонь, горящий в душе человека; неугасимое стремление к достижению высоких целей в науке, искусстве, в служении людям.

МИФ О ПРОМЕТЕЕ¹

Пустынная, дикая местность на самом краю земли, в стране скифов². Суровые скалы уходят за облака своими остроконечными вершинами. Кругом — никакой растительности, не видно ни единой травки, всё голо и мрачно. Всюду высятся тёмные громады камней, оторвавшихся от скал. Море шумит и грохочет у подножия скал, и высоко взлетают солёные брызги. Далеко за скалами виднеются снежные вершины Кавказских гор. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные вершины. Безотрадная, суровая местность. Никогда ещё не ступала здесь нога человека.

Слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громатные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг.

Печальный, низко склонив голову, идёт за ними бог Гефест со своим тяжёлым молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен своими руками приковать друга своего Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетёт Гефеста, но не смеет он ослушаться своего отца, громовержца Зевса. Он знает, как неумолимо карает Зевс неповиновение.

Сила и Власть возвели Прометея на вершину скалы и торопят Гефеста приниматься за работу. Неохотно берётся он за свой громадный молот, только необходимость заставляет его повиноваться. Но торопит его Сила:

— Скорей, скорей бери оковы! Прикуй могучими ударами молота к скале Прометея. Напрасна твоя скорбь о нём: ведь ты скорбишь о враге Зевса.

Сила грозит гневом Зевса Гефесту, если он не прикуёт Прометея так, чтобы ничто не могло освободить его. Гефест приковывает к скале несокрушимыми цепями руки и ноги Прометея. Как ненавидит он теперь своё искусство — благодаря ему он должен приковать друга на вечные муки. Неумолимые слугители Зевса всё время следят за его работой. (...)

Скала содрогается от тяжких ударов молота, и от края до края земли разносится грохот могучих ударов. Прикован наконец Прометей. Но это ещё не всё, нужно ещё прибить его к скале, пронзив ему грудь несокрушимым остриём. Медлит Гефест.

¹ Большая часть мифа изложена по трагедии древнегреческого драматурга Эсхила «Прометей прикованный».

² *Скίφης* — древние племена, жившие в VII в. до н. э. — III в. н. э. в Северном Причерноморье.

— О, Прометей! — восклицает он. — Как скорблю я, видя твои муки!

— Опять ты медлишь! — гневно говорит Гефесту Сила. — Ты всё скорбишь о враге Зевса! Смотри, как бы не пришлось тебе скорбеть о самом себе!

Наконец всё окончено. Всё сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило остриё. Издеваясь над Прометеем, говорит ему Сила:

— Ну вот, здесь ты можешь быть сколько хочешь надменным; будь горд по-прежнему! Давай теперь смертным дары богов, похищенные тобой! Посмотрим, в силах ли будут помочь тебе твои смертные. Придётся тебе самому подумать о том, как освободиться из этих оков.

Прометей хранит гордое молчание. За всё время, пока приковывал его Гефест к скале, он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него, — ничем не выдал он своих страданий.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними ушёл и печальный Гефест. Один остался Прометей; слушать его могли теперь лишь море да мрачные тучи. Только теперь тяжкий стон вырвался из пронзённой груди могучего титана, только теперь стал он сетовать на злую судьбу свою:

— О, божественный эфир и вы, быстронесущиеся ветры, о, источники рек и несмолкающий рокот морских волн, о, земля, всеобщая праматерь, о, всевидящее солнце, обегаящее весь круг земли, — всех вас зову я в свидетели! Смотрите, что терплю я! (...) Ведь я же знал всё, что будет. Муки эти не постигли меня неожиданно. Я знал, что неизбежны веления грозного рока. Я должен нести эти муки! За что же? За то, что я дал великие дары смертным, за это я должен страдать так невыносимо, и не избежать мне этих мук. О, горе, горе!

Но вот послышался тихий шум как бы от взмахов крыльев, словно полёт лёгких тел всколыхнул воздух. С далёких берегов седого Океана, из прохладного грота, с лёгким дуновением ветерка примчались на колеснице к скале океаниды. Они слышали удары молота Гефеста, донеслись до них и стоны Прометея. Слезы заволокли прекрасные очи океанид, когда увидели они прикованного к скале могучего титана (...). Окружили скалу океаниды (...). Они боятся, что Зевс сделает ещё более тяжкими страдания титана. За что постигла его такая кара, океаниды не знают. Полные сострадания, просят они Прометея поведать им, за что покарал его Зевс, чем прогневал его титан.

Прометей рассказывает им, как помог он Зевсу в борьбе с титанами, как убедил он мать свою Фемиду и богиню земли Гею стать на сторону Зевса. Зевс победил титанов и сверг их, по совету Прометея, в недра ужасного Тартара. Завладел Зевс властью над миром и разделил её с новыми богами-олимпийцами, а тем титанам, которые

помогали ему, не дал громовержец власти в мире. Не доверял Зевс и Прометею и ненавидел его. Ещё сильнее разгорелась ненависть Зевса, когда Прометей стал защищать несчастных смертных людей, которые жили ещё в то время, когда правил Крон, и которых Зевс хотел погубить. Но Прометей пожалел не обладавших ещё разумом людей; он не хотел, чтобы сошли они несчастными в мрачное царство Аида. Он вдохнул им надежду, которой не знали люди, и похитил для них божественный огонь, хотя и знал, какая кара постигнет его за это. (...)

С трепетом слушали океаниды рассказ Прометея. Но вот на быстрокрылой колеснице принёсся к скале сам веший старец Океан. Океан пытается уговорить Прометея покориться власти Зевса: ведь должен же он знать, что бесплодно бороться с победителем ужасного Тифона. (...)

С болью в сердце покинул Океан Прометея. Он умчался на своей крылатой колеснице, а Прометей продолжил рассказ о том, что сделал он для людей, нарушив волю Зевса. В горе Мосхе, на Лемносе, из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил их счёту, чтению и письму. Он познакомил их с металлами, научил добывать их в недрах земли и обрабатывать. Прометей смирил дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли пользоваться люди силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряг коня в колесницу и сделал его послушным человеку. Мудрый титан построил первый корабль, оснастил его и распустил на нём льняной парус, чтобы быстро нёс человека корабль по безбрежному морю. Раньше люди не знали лекарств, не умели лечить болезни, но Прометей открыл им силу лекарств. Он научил их всему, что облегчает горести жизни и делает её счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовержец. (...)

Кончил Прометей свой рассказ. С изумлением слушали его океаниды. Дивились они великой мудрости и несокрушимой силе духа могучего титана, осмелившегося восстать против громовержца Зевса. (...)

Вдруг вдаль раздался чуть слышный, едва уловимый стон скорби и боли (...). Гонимая громадным оводом, посланным Герой, вся в крови, покрытая пеной, несётся в неистовом, безумном беге обращённая в корову несчастная Ио. Истомлённая, обессиленная скитаниями, истерзанная жалом овода, остановилась Ио перед прикованным Прометеем. Громко стелая, рассказывает она, что пришлось вынести ей, и молит вешего титана:

— О, Прометей! Здесь, на этом пределе моих скитаний, открой мне, молю тебя, когда же кончатся мои муки, когда же, наконец, найду я покой?

— О, верь мне, Ио! — ответил Прометей. — Лучше не знать тебе этого, чем знать. Много ещё стран пройдёшь ты, много встретишь ужасов на своём пути. (...)

Громко воскликнула Ио:

— О, горе, горе! О, сколько страданий сулит мне ещё злой рок! Сердце трепещет в груди моей от ужаса! Вновь овладевает мной безумие, снова вонзилось огненное жало в моё истерзанное тело, опять лишаясь я дара речи! О, горе, горе!

Безумно вращая глазами, в бешеном беге понеслась прочь от скалы Ио. Словно подхваченная вихрем, мчалась она вдаль. С громким жужжанием нёсся за ней овод, и, как огнём, жгло его жало несчастную Ио. Скрылась она в облаках пыли из глаз Прометея и океанид. Всё тише и тише доносились до скалы вопли Ио, и замерли они, наконец, вдали, подобно тихому стону скорби. (...)

(...) Вдруг задрожала земля, всё кругом сотряслось; раздалась оглушительные раскаты грома, и сверкнула нестерпимым светом молния. Забушевал неистово чёрный вихрь. Словно громады гор, поднялись на море пенистые валы. Заколебалась скала. Среди рева бури, среди грома и грохота землетрясения раздался ужасный вопль Прометея:

— О, какой удар направил против меня Зевс, чтобы вызвать ужас в моём сердце! Смотрите, как несправедливо карает меня Зевс!

Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековечный мрак¹.

Прошли века, и поднял Зевс на свет из тьмы Прометея. Но страдания его не кончились; ещё тяжелее стали они. Опять лежит он, распростёртый на высокой скале, пригвождённый к ней, опутанный оковами. Жгут его тело палящие лучи солнца, проносятся над ним бури, его измождённое тело хлещут дожди и град, зимой же хлопьями падает снег на Прометея (...). Каждый день громадный орёл прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу. Он садится на грудь Прометея и терзает её острыми когтями. Орёл рвёт своим клювом печень титана. Потоками льётся кровь, чёрными сгустками застывает она у подножия скал, разлагается на солнце и невыносимым смрадом заражает воздух. Каждое утро прилетает орёл и принимается за свою

Роспись лаконского Килика.
Прометей и Атлант.
Около 550 г. до н. э.

¹ Этим заканчивается трагедия Эсхила.

кровавую трапезу. За ночь заживают раны и вновь вырастает печень, чтобы днём дать новую пищу орлу. Годы, века длятся эти муки. Истомился могучий титан Прометей, но не сломлен его гордый дух страданиями.

Титаны давно примирились с Зевсом и покорились ему. Они признали его власть, и Зевс освободил их из мрачного Тартара. Теперь они, громадные, могучие, пришли на край земли к скале, где лежал скованный Прометей. Они окружили его скалу и убеждают Прометея покориться Зевсу (...). Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, ничто не может поколебать её, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них. Только одно беспокоит ещё громовержца — это та тайна, которую знает один Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана. Уже близко время, когда кончатся муки Прометея, родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков титана. Непреклонный Прометей по-прежнему хранит тайну, изнывая от мук, но и его начинают покидать силы.

(В изложении Н. Куна)

Литературный комментарий

Гэя — богиня земли, мать Зевса.

Ио — влюблённая в Зевса девушка, которую тот, опасаясь ревности Геры, превратил в корову. Гера наслала на неё овода, который больно жалил Ио, и девушке пришлось странствовать по Греции, Азии и Египту.

А. Ткачук. Статуя Фемиды. 2004 г.

Океан — титан, сын Урана и Геи, божество, омывающее землю, отец океанид. Известен своим миролюбием и добротой.

Тартар — в греческой мифологии жилище ночи, пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже царства Аида.

Тифон — чудовищный сын Геи и Тартара, дикое существо с сотней драконьих голов, у которого вместо ног — извивающиеся кольца змей.

Фемиды — богиня правосудия, дочь Урана и Геи. Она стала символом правосудия, поэтому всех, кто надевает судейские мантии и вершит суд, называют *служителями Фемиды*.

Образ титана Прометея, как вы уже знаете, был создан в Древней Греции несколько тысячелетий назад. Создатели мифов и разные авторы изображали его самоотверженным, мудрым, любящим людей, благородным, смелым, находчивым, непреклонным перед властью бога-вседержителя Зевса, стойким в испытаниях и т. п. Эти качества привлекали к Прометею внимание писателей разных стран. Вы ещё будете изучать произведения о нём в старших классах, например, в девятом классе — стихотворение английского поэта Джорджа Байрона. Украинские поэты Тарас Шевченко, Иван Франко, Леся Украинка также писали о Прометее. Максим Рыльский создал стихотворение о его торжестве: освобождённого от оков героя больше не будет терзать прилетающий орёл. Символом образа титана для поэта является огонь:

*Р. Красницкий.
Памятник Прометею.
г. Санкт-Петербург. 1974 г.*

Прометею, Прометею!
Чорний коршак не прилине:
Одігнав його навіки
Твій незгашений огонь.

(«Прометей», 1932 г.)

Вопросы и задания

1. Каковы в древнегреческой мифологии роль и функции каждого персонажа мифа?
2. Зачем в миф о Прометее введены образы океанид и несчастной Ио? Как изменилось бы наше восприятие Прометея, если бы этих персонажей не было? Что общего в образах Прометея и Ио? Чем они отличаются?
3. Почему в античной литературе было два разных толкования мифа о Прометее? Какое из этих толкований больше известно и закрепилось в мировой культуре? Как вы думаете, по какой причине? Назовите имена древнегреческих авторов произведений о Прометее.
4. Найдите в тексте описание гнева Зевса-громовержца. Какой приём использован в мифе для этого описания?
5. Для чего на Прометея наслан орёл? Как называется литературный приём, с помощью которого это подчёркивается?
6. Как описан в мифе о Прометее Кавказ? Подтвердите ваши рассуждения цитатой из текста мифа. Какие чувства навеивает читателю такое описание?

7. Как вы думаете, почему слуг Зевса зовут Власть и Сила? Что символизируют их имена? Найдите в тексте характеристику этих персонажей.
8. Как вы думаете, почему Гефест, будучи другом Прометея, всё-таки приковывает его к скале? Мог ли он поступить иначе?
9. Выберите правильный вариант ответа.

Прометей в мифологии — это

- А** сын Зевса
- Б** отец Зевса
- В** двоюродный брат Зевса

Чудовищного Тифона в древнегреческой мифологии победил

- А** Зевс
- Б** Уран
- В** Прометей

10. Установите соответствие на основе мифа о Прометее.

1 Зевс	А бог кузнечного дела
2 Фемида	Б вершит расправу над Прометеем
3 Гефест	В сочувствует Прометею
4 Океан	Г скитается
5 Ио	Д является матерью Прометея

Теория литературы

Герой древнегреческой мифологии **Геракл** (что в переводе с греческого означает «прославленный герой») был одним из сыновей Зевса. Коварная жена Зевса, богиня Гера, сыграла с ним злую шутку: он должен был находиться на службе у царя Эврисфея много лет и совершить 12 подвигов, чтобы освободиться и стать бессмертным. Подвиги посвящены упорядочиванию хаоса и победам над чудовищами, которые являются воплощением древних тёмных сил. Геракл смиренно нёс свою повинность и выполнял все задания. Трусливый царь Эврисфей очень боялся Геракла и надеялся, что герой не возвратится с очередного задания. Но Геракл всегда побеждал и приходил рассказать об этом Эврисфею. Гневу царя не было предела, поэтому каждое новое его задание было ещё опаснее предыдущего, а каждый новый подвиг Геракла приносил ему всё большую славу и делал его имя живой легендой.

Когда Геракл получил освобождение от службы у царя, он всё равно продолжал совершать великие подвиги. Во время совершения своего 12-го подвига Геракл освободил титана Прометея. Сюжет освобождения Прометея относится к циклу мифологических сказаний о Прометее, поэтому включён не во все переводы и пересказы мифов о Геракле.

12 подвигов Геракла

1. Немейский лев.	7. Критский бык.
2. Лернейская гидра.	8. Кони Диомеда.
3. Стимфалийские птицы.	9. Пояс Ипполиты.
4. Керинейская лань.	10. Коровы Гериона.
5. Эриманфский кабан и битва с кентаврами.	11. Цербер (Кербер).
6. Скотный двор царя Авгия, или Авгиевы конюшни.	12. Яблоки Гесперид.

Лукас Кранах Старший. Геракл и гидра. После 1537 г.

Л. Тютюн. Геракл и эриманфский кабан. 1904 г.

СКОТНЫЙ ДВОР ЦАРЯ АВГИЯ,

или АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

(шестой подвиг)

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды, сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми как снег ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвящённых богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял, подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в

один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвёл в него воду двух рек, Алфея и Пенея. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Пришёл Геракл к Авгию требовать награды, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад. (...)

(В изложении Н. Куна)

ЯБЛОКИ ГЕСПЕРИД

(двенадцатый подвиг)

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый, подвиг. Геракл должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа, Геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день её свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошёл он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады Гесперид. (...) На берегах Эридана с почётом встретили сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. (...)

Много ещё пришлось встретить Гераклу на пути своём опасностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О, великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на моё место и держать на плечах своих небесный свод.

Ф. Лейтон.
Геспериды. 1892 г.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод.

Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками.

— Вот три яблока, Геракл; если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты поддержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на своё место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжёлого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу её на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на своё место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушёл от титана, и снова пришлось Атласу держать, как и прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, великой дочери Зевса, Афине Палладе. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в садах. (...)

(В изложении Н. Куна)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРОМЕТЕЯ ГЕРАКЛОМ

Наконец и великий герой, которому суждено освободить Прометея, во время своих странствований приходит сюда, на край земли. Герой этот — Геракл, сильнейший из людей, могучий, как бог. С ужасом смотрит он на мучения Прометея, и сострадание овладевает им. Титан рассказывает Гераклу о злой судьбе своей и о том, какие ещё великие подвиги предстоит ему совершить. Полный внимания, слушает титана Геракл. Но ещё не весь ужас страданий Прометея видел Геракл. Вдали слышится шум могучих крыльев — это летит орёл на свой кровавый

В. Авраменко.
Иллюстрация к мифу
о Прометее. 1962 г.

пир. Он кружится высоко в небе над Прометеем, готовый спуститься к нему на грудь. Геракл не дал ему терзать Прометея. Он схватил свой лук, вынул из колчана смертоносную стрелу, призвал стреловержца Аполлона, чтобы верней направил он полёт стрелы, и пустил её. Громко зазвенела тетива лука, взвилась стрела, и пронзённый орёл упал в бурное море у самого подножия скалы. Миг освобождения настал. Принёсся с высокого Олимпа быстрый Гермес. С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему немедленное освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы. Согласился, наконец, могучий Прометей открыть тайну и сказал:

— Пусть не вступает громовержец в брак с морской богиней Фетидой, так как богини судьбы, вешие Мойры, вынули такой жребий Фетиде: кто бы ни был её мужем, от него родится у неё сын, который будет могущественней отца. Пусть боги отдадут Фетиду в жёны герою Пелею, и будет сын Фетиды и Пелея величайшим из смертных героев Греции.

Прометей открыл великую тайну, Геракл разбил своей палицей его оковы и вырвал из груди его остриё, которым пригвождён был титан к скале. Встал титан, теперь он был свободен. Кончились его муки. Так исполнилось его предсказание, что смертный освободит его. Громкими, радостными криками приветствовали титаны освобождение Прометея.

С тех пор носит Прометей на руке железное кольцо, в которое вставлен камень от той скалы, где терпел он столько веков невыразимые муки.

Вместо же Прометея в подземное царство душ умерших согласился сойти мудрый кентавр Хирон. Этим избавился он от страданий, которые причиняла ему неисцелимая рана, нанесённая ему нечаянно Гераклом.

(В изложении Н. Куна)

Литературный комментарий

В древнегреческой мифологии есть очень много образных выражений, которые со временем приобрели символическое значение и стали нарицательными. Их называют **крылатыми словами**. В поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» словосочетание *крылатые слова* встречается неоднократно: «Он крылатое слово промолвил»; «Между собой обменялись словами крылатыми тихо». С древнегреческими мифами по смыслу связано немало крылатых слов и выражений. Вот некоторые из них.

Сизифов труд. Выражение употребляют, когда говорят о тяжёлой, бесконечной и бесплодной работе. Коринфский царь Сизиф за оскорбление богов приговорён к вечной муке: попав в царство Аида, он должен поднимать на гору огромный камень. Достигнув вершины, камень каждый раз срывается вниз.

Кануть в Лету. Выражение означает быть забытым, навсегда исчезнуть. Лета — река забвения в царстве Аида. Души умерших пили из неё воду и забывали свою прошлую жизнь.

Яблоко раздора. Так говорят о причине ссоры, спора. Богиня раздора Эрида подбросила гостям на свадебном пиру яблоко с надписью «Прекраснейшей». Гера, Афина и Афродита претендовали на него. Парис, сын троянского царя Приама, присудил яблоко Афродите. В благодарность Афродита помогла Парису похитить Елену, жену спартанского царя Менелая. Это стало причиной Троянской войны.

Вопросы и задания

1. Составьте свой словарь мифов о Геракле и дайте толкование следующим персонажам греческой мифологии: Аполлон, Атлас, Афина Паллада, Гелиос, Геспериды, Гея, мойры, Хирон.
2. Как характеризуют Геракла совершенные им подвиги? Какие черты в характере героя подчёркивают его поступки? Подтвердите свои суждения цитатами из текста.

3. Выразительно прочитайте вслух фрагмент из мифа «Освобождение Прометея Гераклом». В зависимости от чего нужно менять интонацию при выразительном чтении этого произведения?
4. Прочитайте другие мифы о подвигах Геракла. Какой подвиг вам больше всего запомнился и почему?
5. Выберите правильный вариант ответа.

В древнегреческой мифологии Геракл состоял на службе у царя

- А** Эврисфея
- Б** Перикла
- В** Зевса

6. Все ли черты в образе героя Геракла можно назвать положительными? Есть ли среди них поступки, которые можно воспринимать по-разному? Обоснуйте свою позицию. Почему древние греки воспринимали все эти поступки как подвиги?
7. Какие ещё вы читали произведения, в которых герой, путешествуя, совершает подвиги?

8. Вы изучили несколько мифологических историй. Ознакомьтесь с ними вам помогут книги Н. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» и К. Гловацкой «Мифы Древней Греции». Безусловно, прочитать многие древнегреческие мифы, увидеть иллюстрации к ним, посмотреть художественные и мультипликационные фильмы можно также в Интернете.

Из словаря Н. Ашукина, М. Ашукиной «Крылатые слова» или из словаря В. Серова «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» узнайте о значении крылатых выражений: *ящик Пандоры*, *гомерический хохот*, *танталовы муки*, *олимпийское спокойствие*, *нить Ариадны*, *троянский конь*. Запишите в тетрадь толкование понравившихся вам 2–3 крылатых выражений.

ИЗ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Мифология древних славян отличается от мифологии других народов. Она возникла позднее чем, например, древнегреческая. Славянские мифы были тесно связаны со стихиями природы, хлеборобским или пастушьям бытом. У славян мифологическая символика соседствовала с атрибутами семейного быта, поэтому очень часто в мифах употреблялись слова *мать*, *отец*. Например, в *народном мифе о Солнце* главный персонаж носит имя *Мать-Сыра Земля*. Славяне считали Землю прародительницей всего сущего, называли её великим материнским лоном, из которого появился мир.

А. Ходыревская.
Мать-Сыра Земля.
2013 г.

В мифе дано объяснение появлению растительности и животного мира, происхождению человека, смене времён года, возникновению огня, обряду погребения.

Во внешности славянских языческих богов нет ничего страшного, пугающего: многие их описания сопровождают рос-

кошные образы окружающей природы. Большинство славянских богов не имеет таких чётких функций, как у древних греков.

МИФ О СОЛНЦЕ

Лежала Мать-Сыра Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Ярило: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать-Сыру Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Ярилы в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землёю, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло солнце красное. И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилиного света.

Мать-Сыра Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась.

Жадно пила она золотые лучи живоносного светила, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлилась по недрам её... Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого и от жарких поцелуев его разукрасилась злаками, цветами, тёмными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озёрами...

Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из её недр вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолкались мелкие насекомые, мушки да мошки.

И всё жило, и всё любило, и всё пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой Земле. Потом Земля породила человека. И когда он вышел из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжой — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встрепенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на громовую речь отца отвечал словами вешими, речью крылатою... И услышав то слово и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки пред ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра Земля стала тосковать, боясь, что всё

*В. Крыжановский.
Ярило. 2006 г.*

замёрзнет. Ярило утешил её, сказав, что опять вернётся, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших — заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов матери — опуская их в ложе её, т. е. зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование огня человеку.

(В пересказе А. Мельникова-Печерского)

Литературный комментарий

Род — создатель материального мира. У славян Род связан с идеей дерева жизни. Природа — это непосредственное детище Рода, она состоит при Роде.

Сварог — бог света и небесного огня. Богов, которые происходят от Сварога, называют *Сварожичами*.

В. Крыжановский.
Род. 2006 г.

В. Крыжановский.
Дажьбог. 2006 г.

Дажьбог — солнечный бог, который дарит добро и богатство. Соединённые в его образе два начала — небесный огонь и небесная влага — дают плодоносящее зерно.

Перун — бог-громовержец, повелитель молнии и грома, покровитель воинов. Гром и молния воспринимаются древними славянами двояко: в положительном смысле — как весть о плодородном дожде, в отрицательном — как разрушительная сила.

Стрибог — покровитель всех ветров: бог-разрушитель, воплощение сильного, ураганного ветра и создатель нежных мелодий лёгкого ветерка.

Велес — бог достатка, покровитель купцов и торговцев, защитник домашнего скота.

Мокша — богиня, связанная с женской работой в хозяйстве: рукоделием, ткачеством.

Купало — бог летнего солнца и любовного огня.

Ярило — божество, похожее на Купалу, только оживающее весной.

Троян — триединое, трисветлое божество, символизирующее триединство Ярилы, Купалы и Дажьбога. Наши предки делили год на три части: весну, лето и зиму. Ярило пробуждал природу весной, Купало даровал летнее плодородие, а Дажьбог поддерживал благополучие до следующего урожая.

В мифах разных народов отразилось поклонение солнцу как источнику жизни.

Бог солнца есть в мифологиях Древнего Рима, Индии, Японии и др. У древних греков — это Гелиос, у египтян — Ра. Разные народы в мифах отображали своё представление о природе и человеке. Греки считали, что Гелиос мчит по небу на колеснице, запряжённой четвёркой крылатых коней. Египтяне, чья жизнь была связана с Нилом, видели своего бога Ра проплывающим по небосводу в ладье. Они представляли его в виде человека с головой сокола и символическим изображением солнца. Ра почитался как царь и отец богов. Он отождествлялся с богом Амоном и изображался в облике фараона. Некоторые мифы о Ра связаны с представлениями египтян о смене времён года. Весенний рассвет природы возвещал возвращение богини влаги Тефнут, огненным оком сияющей на лбу Ра, и её вступление в брак с Шу. Летний зной объяснялся гневом Ра на людей.

В древнегреческих мифах есть своё объяснение того, почему природа то замирает, то возрождается. Об этом повествуется в мифе «Деметра и Персефона». Деметра — богиня плодородия и земледелия. Персефона — богиня земного плодородия. Миф связан со сказанием о похищении дочери Деметры Персефоны богом подземного царства Аидом.

До принятия христианства на украинских землях очень почитали Дажьбога. Это один из основных персонажей славянской мифологии. Помимо иных предназначений, с ним связывали изменение времён года. Это отобразилось и в устном народном творчестве, например в песнях:

Ой, соловейку, ти ранній пташку,
Ой чого так рано із вир'їчка вийшов?
Не сам же я вийшов. Дажбог мене вислав —
З правої ручейки — літо відмикати,
З лівої ручейки — зиму замикати...

(Українська народна пісня)

Ф. Лейтон. Возвращение Персефоны.
1891 г.

Древнеегипетский бог солнца Ра. Прорисовка с настенной живописи.
III тыс. до н. э.

Женские образы, созданные художником **Константином Васильевым**, прекрасны. Что ни полотно — то яркий, запоминающийся характер. Художник не только пишет конкретные образы, но и выносит на наш суд своё представление о русской красавице. Для К. Васильева этот образ, бесспорно, олицетворяет все те исконные нравственные начала, которые, независимо от внешности, делали женщину красивой.

В 1966 г. К. Васильев написал картину «Жница». Девушка стоит, опершись о берёзку, в глазах мечта, утомлённые руки сжимают серп, а на заднем плане — бескрайнее поле небурной ржи.

*К. Васильев.
Жница. 1966 г.*

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему главного персонажа мифа о Солнце зовут Мать-Сыра Земля? Какой скрытый смысл заложен в имени этого персонажа?
2. Миф описывает любовь Матери-Сырой Земли и Ярилы. Обоснуйте, почему именно Ярило вызывает у Матери-Сырой Земли такие чувства, что в результате происходит с миром. Проиллюстрируйте свои размышления ссылками на текст.
3. Какие ещё языческие боги славян описаны, но не названы в мифе? Что даёт вам основания так считать?
4. Почему в мифе сила Ярилы слабеет? Какими календарными процессами это объясняется?
5. Как вы объясните, почему в мифе идёт речь о смене лета зимой, а не осенью? Почему начало зимы в мифе связано с началом Огня? Почему наши предки чествовали дарение огня человеку?

6. Установите соответствие на основе мифа о Солнце.

1 Ярило	A его породила Земля
2 огонь	B светлое божество, пронизывающее слои мрака
3 человек	B божество долгой зимы

7. Выпишите из текста несколько понравившихся вам метафор. Для чего они использованы в мифе? Подберите к ним интересные образные синонимы.
8. Известны ли вам мифологические сюжеты других народов о появлении огня? Как его объясняют древние греки? Есть ли что-то общее у древних греков и славян?

9. Рассмотрите картину К. Васильева «Жница». Как вы думаете, есть ли у этой девушки что-то общее с Матерью-Сырой Землёй?

10. Какой фрагмент славянского мифа о Солнце наиболее соответствует этой картине и почему? Подтвердите свои размышления фрагментами из текста мифа.

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ПРИТЧИ

Библия — одна из древнейших памятков мировой письменности. Это собрание разных по содержанию и форме текстов, созданных в период с XII в. до н. э. до II в. н. э.

Библия в переводе с греческого означает «книга». Название происходит от сирийского порта Библ, откуда в Грецию завозили папирус. Названная Книгой Книг, Библия является величайшим памятником духовности и культуры. Это — Священная книга, собрание древних текстов (66 книг), состоящее из двух частей: Ветхого (Старого) Завета и Нового Завета.

Ветхий Завет, в котором рассказывается о сотворении мира, великих исторических событиях, взаимоотношениях древних народов с Богом, содержит 39 книг. Новый Завет включает собрание из 27 христианских книг. Сюда входят четыре Евангелия, написанные учениками Иисуса — Матфеем, Марком, Лукой, Иоанном, а также истории о деяниях, то есть действиях, поступках святых апостолов (так называют учеников Христа), их послания, Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис. Эта часть Библии наиболее важна для христианства.

Священное Писание несёт свет истины, утверждает ценность человеческой жизни, учит следовать принципам добра, любви, милосердия и прощения.

Главной темой Нового Завета является Божественное учение Иисуса Христа и Его земная жизнь. Евангелия (в переводе с греческого — «радостная (благая, хорошая) весть» рассказывают о рождении Иисуса в Вифлееме (сейчас это одно из наиболее почитаемых христианами мест), о Его служении людям, о распятии на кресте за людские грехи¹. Но самое главное — они сообщают человечеству радостную весть о чудесном воскресении Христа.

Г. ван Хонторст.
Поклонение пастухов. XVII в.

¹ Грех — 1) нарушение религиозных предписаний, правил; 2) то, что лежит на совести, отягощает её как чувство вины; 3) предосудительный поступок.

Иисус жил среди рыбаков, плотников, сборщиков податей, проповедующий¹ Своё учение простым людям. Духовные истины Он излагал в понятной для них форме житейских историй. Чаще всего ими становятся *притчи* — поучительные рассказы с иносказательным духовным содержанием. В Евангелиях их насчитывается более тридцати, среди которых — *притча о блудном сыне*, *притча о добром самарянине*³.

Теория литературы

Притча — небольшой рассказ, содержащий поучение в иносказательной форме. В буквальном переводе с греческого притча означает «сравнение явлений и вещей». Это история, в которой за бытовым сюжетом скрывается глубокий мудрый смысл. Его и нужно «разгадать» читателю.

В притче персонажи обычно безымянны и лишены черт характера. Главное для них — ситуация выбора. Например, блудный сын не хочет жить праведно в родительском доме и выбирает разгульный образ жизни. Учителя Закона⁴ делают свой выбор между ложным благочестием и истинным милосердием. Задача читателя или слушателя — оценить этот выбор с точки зрения добра и зла, жизни и смерти, правды и лжи и сделать правильные выводы.

Благочестие ложное — соблюдение христианских заповедей и исполнение внешних правил поведения в противоположность благочестию истинному, которое проявляется в заботе о ближних, неравнодушии к чужой беде.

Вопросы и задания

1. Что представляет собой Библия? Почему её называют также *Книгой Книг*?
2. Что называется *притчей*?

¹ *Проповедь* — 1) произведение ораторского типа, содержащее требования этического, преимущественно религиозного характера; 2) речь религиозного характера, произносимая в церкви священнослужителем в конце литургии.

² *Блудный* — по евангельской притче это младший сын, который ушёл из родительского дома, а после скитаний и беспутной (легкомысленной) жизни раскаялся и вернулся к отцу.

³ *Самарянин (самаритянин)* — житель Самарии, одной из частей Иудеи. К самарянам иудеи относились с презрением, считая их язычниками, нарушителями Закона.

⁴ *Учитель Закона, законник* — человек, знающий и строго соблюдающий религиозные правила и обряды иудеев.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ

У одного человека было два сына. Младший сказал отцу: «Отдай мне часть имущества, что мне причитается». И тот разделил имущество между сыновьями. Через несколько дней младший сын, всё распродав, уехал с деньгами в далёкую страну. И там, ведя беспутную жизнь, промотал всё, что у него было. После того как он всё истратил, в той стране начался сильный голод, и он стал бедствовать. Он пошёл и нанялся к одному из местных жителей, и тот послал его в своё имение пасти свиней. Он уже готов был есть стручки, которыми кормили свиней, ведь ничего другого ему не давали. И тогда он, одумавшись, сказал себе: «Сколько работников у моего отца, и все едят до отвала и ещё остаётся, а я тут погибаю с голоду! Пойду вернусь к отцу и скажу ему: “Отец, я виноват перед небом и перед тобою. Я больше недостоин зваться твоим сыном, считай, что я один из твоих работников”». И он немедля пошёл к отцу.

Он был ещё далеко, когда отец увидел его, и ему стало жалко сына. Он побежал, бросился к сыну на шею и поцеловал его. Сын сказал ему: «Отец, я виноват перед небом и перед тобою. Я больше недостоин зваться твоим сыном». Но отец сказал слугам: «Быстрее принесите самую лучшую одежду и оденьте его. Наденьте ему перстень на руку и сандалии на ноги. Приведите и зарежьте откормленного телёнка. Будем есть и веселиться. Ведь это мой сын: он был мёртв, а теперь ожил, пропадал и нашёлся». И они устроили праздник.

А старший сын был в это время в поле. Возвращаясь, он подошёл к дому, услышал музыку и пляску и, подозвав одного из слуг, спросил, что там происходит. Тот ответил: «Вернулся твой брат, и отец твой зарезал откормленного телёнка, потому что он вернулся жив и здоров». Старший брат так рассердился, что не захотел войти в дом. Тогда вышел отец и стал его уговаривать. Но он ответил отцу: «Вот, я столько лет работаю на тебя, как раб, и ни в чём тебя не ослушался, а ты ни разу не дал мне даже козлёнка, чтобы я мог повеселиться с друзьями моими. А вернулся этот сын твой, — и ты зарезал для него откормленного телёнка!» Но отец сказал ему: «Сынок, ты всегда со мной, и всё, что есть у меня, твоё. Тебе бы надо радоваться и веселиться, что он, твой брат, был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся».

Рембрандт. Возвращение блудного сына. 1669 г.

Библия была переведена на все языки мира. Её сюжеты остались жить в веках и во все времена питали воображение мастеров искусства. Библейские сюжеты и образы вдохновляют писателей, художников и композиторов на создание великих произведений. Одним из таких шедевров мировой культуры является картина голландского художника *Рембрандта* «Возвращение блудного сына» (1669). Она находится в музее Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург). Темой для написания картины послужила евангельская притча о том, как после долгих скитаний в жестоком мире блудный сын вернулся с несбывшимися надеждами к покинутому им отцу. В эту картину автор вложил весь свой жизненный опыт человека и художника.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему младший сын потребовал у отца часть своего имущества?
2. Как он распорядился добром, которое ему дал отец?
3. Расскажите, о чём стал думать блудный сын, когда понял пагубность своих дел. Какое решение он принимает?
4. Как вы думаете, что заставило его раскаяться в недостойных поступках?
5. Какие действия отца показывают, что он рад возвращению сына и прощает его?
6. Как вы думаете, почему старший брат обиделся на отца? Не проявляются ли в этом такие черты его характера, как зависть, неблагодарность и неумение прощать?
7. Можно ли утверждать, что в «Притче о блудном сыне» воплощается любимая тема Христа — отеческая нежность и бесконечная милость Бога к грешнику?

8. Разбейте текст на смысловые части и озаглавьте каждую из них.
9. Подготовьте чтение в лицах. Какие интонации будут преобладать в речи отца, блудного сына, старшего брата?
10. Какие слова и выражения из текста подсказывают ту или иную интонацию?

11. Рассмотрите картину Рембрандта. Как вы думаете, почему художник выделяет на картине руки отца и босые ноги сына?
12. Один из искусствоведов считает главным героем картины «Возвращение блудного сына» отца и предлагает для неё такое название «Отец, прощающий блудного сына». Согласны ли вы с его мнением? Предложите своё название картины.

13. Прочитайте другие библейские истории или притчи.

Литературный комментарий

Иудейские старейшины завидовали Иисусу Христу. Желая поставит Его в сложную ситуацию, они задавали каверзные вопросы¹. Особенно часто Иисуса обвиняли в том, что Он не различал людей по национальности, происхождению или богатству, общаясь со всеми на равных. В ответ на вопрос, кого следует считать своим ближним, Христос рассказывает притчу о добром самарянине. Оказалось, что священник и левит², то есть ближние, которые просто обязаны помочь иудею (очевидно, жителю Иерусалима³ или Иерихона⁴), на самом деле таковыми не оказались. В то же время самарянин — традиционный враг евреев — спасает путнику жизнь. Важно понимать, что этот добрый человек подвергает себя опасности с нескольких сторон. Во-первых, разбойники могут также напасть и на него. Во-вторых, если самарянина увидят вместе с израненным иудеем, то могут обвинить в преступлении, которого он не совершал. В-третьих, он мог бы навлечь на себя гнев самарян тем, что помогает врагу. Добрый самарянин совершает поступок, невиданный по отваге и милосердию. Но глубинный смысл притчи не лежит на поверхности. Она несёт в себе загадку, которую нужно разгадать.

К. Блох. Нагорная проповедь.
1890 г.

ПРИТЧА О ДОБРОМ САМАРЯНИНЕ

Некий учитель Закона, желая испытать Иисуса, спросил Его:

— Учитель, что я должен делать, чтобы получить вечную жизнь?

— А что об этом говорится в Законе? — спросил его Иисус. — Что ты там читаешь?

— «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем, всей душой, всеми силами и всеми своими помыслами». И «люби ближнего, как самого себя», — ответил тот.

¹ *Каверзный вопрос* — вопрос, содержащий каверзу, то есть хитрость, подвох.

² *Левит* — у древних евреев священнослужитель низшего разряда.

³ *Иерусалим* — столица Иудеи.

⁴ *Иерихон* — город, расположенный недалеко от Иерусалима.

С. Бакалович. Добрый самаритянин. Начало XX в.

— Ты правильно ответил, — сказал Иисус. — Поступай так и будешь жить. Но тот, желая оправдаться, спросил Иисуса:

— А кто мне ближний?

Иисус в ответ сказал:

— Шёл человек из Иерусалима в Иерихон и попал в руки разбойников. Они его ограбили, избили и ушли, бросив полумёртвым. И случилось так, что шёл той же дорогой священник, но, увидев его, перешёл на другую

сторону. Так же поступил и левит: дойдя до того места и увидев раненого человека, он перешёл на другую сторону. А самарянин, который тоже путешествовал той же дорогой, натолкнулся на него и, увидев, пожалел, подошёл к нему и, омыв вином и смазав оливковым маслом его раны, перевязал их, посадил его на собственного мула, привёз в гостиницу и там за ним ухаживал. А на следующий день, уезжая, он дал хозяину гостиницы две серебряные монеты и сказал: «Позаботься о нём, а если истратишь сверх того, на обратном пути я тебе отдам». Кто из троих, по-твоему, оказался ближним пострадавшему от разбойников?

— Тот, кто проявил к нему милосердие, — ответил тот.

— Иди и поступай так же, — сказал Иисус.

Вопросы и задания

1. Что необычного в этой притче? Часто ли враги приходят на помощь своим недругам?

2. Какие слова Иисуса являются в этой притче главными?

3. Как вы думаете, знает ли самарянин Закон или он совершает добрый поступок по зову сердца?

4. Кто выполняет божественные заповеди?

5. Чему учит притча о добром самарянине?

6. Почему христиане называют Иисуса добрым самарянином?

7. Прочитайте в словаре различные определения слова *милосердие* и проиллюстрируйте примерами из «Притчи о добром самарянине».

8. Встречались ли вам люди, которых можно назвать *добрыми самарянами*?

9. Посмотрите фильм «Библейские притчи» (http://www.youtube.com/watch?feature=player_detailpage&v=w8ujLwidR64). Что вы дополнительно узнали из этого фильма об Иисусе Христе?

Послушайте и оцените красоту музыки И. С. Баха, которая звучит в фильме.

Давным-давно, никто и не припомнит когда, человек научился выражать поучительную мысль в краткой форме, например в пословицах. Со временем возникла потребность проиллюстрировать наизидание каким-нибудь примером из жизни. Чтобы рассказ был занимательным и чтобы поучение не было слишком прямолинейным, в роли персонажей изображали животных, рыб, птиц, растения, вещи и т. п. Такие рассказы стали называть *баснями*. Произошло это слово от древнерусского глагола *баяти* — рассказывать. Поучительный вывод басни стали произносить в начале или (чаще) в конце занимательного рассказа. Вывод, или мораль, является важной частью басни, что отражено в таких пословицах, как «Басни толком красны», «Басня моралью красна», «Басни — ложь, но в них намёк, добрым молодцам урок».

Каждый народ имеет своих знаменитых баснописцев, например, у древних римлян это Федр, у французов — Ж. де Лафонтен, у немцев — Лессинг, у украинцев — Л. Глибов и т. д.

В этом разделе вы познакомитесь с баснями древнегреческого поэта Эзопа и произведениями русского баснописца XIX в. Ивана Андреевича Крылова. Их басни восхищали и слушателей, и читателей многих поколений. Надеемся, что и вам они понравятся.

Кот, сторожащий гусей.
Рисунок на папирусе. Египет.
Около 1120 г. до н. э.

ЭЗОП (VII–VI вв. до н. э.)

Рождение жанра басни связывают с именем древнегреческого баснописца Эзопа, которого причисляли к семи выдающимся мудрецам античности. И хотя все сведения о его жизни легендарны, Эзоп, по видимому, всё-таки был реальным человеком. По мнению древнегреческого историка Геродота, Эзоп родился рабом, жил на острове Самос, позднее служил при дворе лидийского царя Креза. Был убит жрецами¹ в Дельфах, потому что высмеивал богов.

Чем же снискал себе такую славу человек рабского происхождения, которого современники и потомки считали достойнее жрецов и богачей?

Люди из народа были по-своему очень мудры и остры на язык: они могли метко, порой даже в обидной форме, высмеять любые недостатки знати. Из таких народных насмешек, вероятно, и зародился жанр басни, который сразу же стал довольно глубоким и структурированным.

В иносказательном сюжете басни действующими лицами чаще всего выступают условные басенные звери. Но под видом животных в баснях аллегорически изображены определённые люди или социальные явления.

Все басни Эзопа написаны прозой. Очень долгое время они существовали устно. Первый сборник «Эзоповых басен» на рубеже IV–III вв. до н. э. составил Деметрий Фалерский². Этот сборник положил начало традиции басенных записей. В него включены более трёхсот произведений разных баснописцев.

В V. до н. э. началась литературная обработка басен Эзопа. Басни Эзопа просты и кратки, их сюжет не отягощён второстепенными подробностями. Басенный язык простой и близкий к разговорному. Сюжеты взяты из жизни.

Чаще всего в баснях Эзопа встречаются такие животные персонажи, как лисица, лев, змея, волк, собака, осёл. Причём характеры этих зверей меняются в зависимости от сюжета басни, то есть все они интересуют автора не сами по себе, а как носители определённых функций. Эзоп придумал свой особый, иносказательный, язык, который так и называют — **Эзопов язык**.

¹ Жрец — служитель религиозного культа.

² Деметрий Фалерский (350–283 гг. до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и философ. Один из основателей Александрийской библиотеки.

Теория литературы

Бáсня — это короткий рассказ, написанный в стихах или прозой, который отличается иносказательным сюжетом и через иносказание и аллегорию высмеивает человеческие пороки или недостатки общества.

Экспозиция — это изображение положения действующих лиц, обстоятельств и обстановки, в которой они находятся до начала действия.

Морáль басни — меткий вывод, который делает автор из описанной им ситуации. Мораль, как правило, располагается в конце басни, как бы подытоживая её.

Сначала басни активно использовались в школах на уроках риторики (красноречия), но очень быстро стали популярным жанром массовой литературы.

Читая басню, мы должны показать, что верим в её достоверность. Поскольку описанная ситуация чаще всего имеет бытовой характер, нужно научиться с помощью интонации выделять реплики каждого действующего лица, используя жесты и мимику.

Благодаря басням сформировался и так называемый **эзопов язык** — своеобразный способ формулирования двусмысленных мыслей с намёками, недомолвками, иронией, фигурами умолчания, аллегориями.

Структуру басни можно представить следующей схемой: *экспозиция — замысел — повествование — неожиданный результат — реплика-мораль*.

Рассмотрим басню Эзопа «Отец и сыновья» (перевод Л. Толстого), относительно приведённой выше структуры.

Экспозиция	Замысел	Повествование	Неожиданный результат	Реплика-мораль
<i>Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались.</i>	<i>Вот он велел принести веник и говорит: — Сломайте!</i>	<i>Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.</i>	<i>Они легко переломали прутья поодиночке.</i>	<i>Отец и говорит: — Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь — вас всякий легко погубит.</i>

Л. Пэйн. Иллюстрация к басне Эзопа «Ворон и Лисица». 2005 г.

ВОРОН И ЛИСИЦА

Ворон добыл мяса кусок и сел на дерево. Захотелось Лисице мяса, она подошла и говорит: «Эх, Ворон, как посмотрю на тебя, — по твоему росту да красоте только бы тебе царём быть! И, верно, был бы царём, если бы у тебя голос был».

Ворон разинул рот и заорал что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит: «Ах, Ворон, коли бы ещё у тебя и ум был, быть бы тебе царём».

(Перевод Л. Толстого)

ВОЛК И ЯГНЁНОК

Волк увидел — Ягнёнок пьёт у реки.

Захотелось Волку съесть Ягнёнка, и стал он к нему придирааться.

«Ты, — говорит, — мне воду мутить и пить не даёшь».

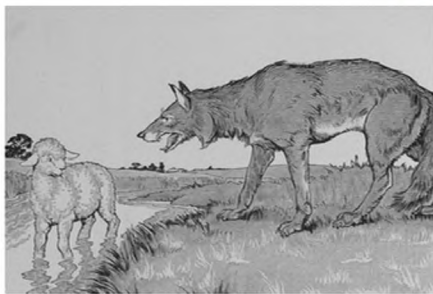
Ягнёнок говорит: «Ах, Волк, как я могу тебе воду мутить? Ведь я ниже по воде стою, да и то кончиками губ пью».

А Волк говорит: «Ну, так зачем ты прошлым летом моего отца ругал?»

Ягнёнок говорит: «Да я, Волк, и не родился ещё прошлым летом».

Волк рассердился и говорит: «Тебя не переговоришь. Так я натошак, за то и съем тебя».

(Перевод Л. Толстого)

М. Винтер.

Иллюстрация к басне Эзопа «Волк и Ягнёнок». 1919 г.

Вопросы и задания

1. Когда возник жанр басни? Что способствовало его возникновению?
2. Что вы знаете о жизни Эзопа?
3. Почему не все произведения из сборника «Эзоповы басни» принадлежат именно Эзопу?
4. Изображение положения действующих лиц, обстоятельства и обстановки, в которой они находятся до начала действия, — это
 - А мораль
 - Б сюжет
 - В экспозиция

5. Прочитайте ещё несколько басен Эзопа. Проверьте, все ли они соответствуют схеме: экспозиция — замысел — повествование — неожиданный результат — реплика-мораль.
6. Почему в басне «Волк и Ягнёнок» Волк придирается к Ягнёнку?
7. Выберите правильный вариант ответа.
Басня — это
 - А короткий рассказ, который отличается иносказательным сюжетом и высмеивает человеческие пороки или недостатки общества
 - Б стихотворение о животных, их повадках и привычках
 - В притча о выдающихся людях

Время жизни древнегреческого баснописца Эзопа

- А VII–VI вв. до н. э.
- Б IV–III вв. до н. э.
- В III в. н. э.

8. Установите соответствие в терминах.

1 экспозиция	А меткий вывод в басне
2 мораль	Б намерение персонажа чего-то достичь
3 замысел	В изображение до начала действия

9. Называет ли автор басен какие-либо качества характера своих персонажей? Каким образом мы узнаём об их характерах? Что мы можем сказать о том, какими качествами наделены персонажи басен «Ворон и Лисица», «Волк и Ягнёнок»?
10. Определите, есть ли чётко обозначенная мораль в басне Эзопа «Волк и Ягнёнок». Подтвердите свои соображения текстом из басни.
11. Что общего у басни и сказки о животных и чем они отличаются? (Для примера возьмите понравившуюся вам басню с персонажами-животными и вспомните любую сказку, которую вы изучали ранее.)

12. Рассмотрите иллюстрации Л. Пэйн и М. Винтера к басням Эзопа. Удалось ли художникам выразить черты характера персонажей басен? Свой ответ обоснуйте.

ИВАН КРЫЛОВ (1769–1844)

Иван Андреевич Крылов родился в г. Москве. Родители видели одарённость сына, но из-за бедности не могли отдать его учиться. Некоторое время мальчик занимался вместе с детьми богатых покровителей. Однако после смерти отца он был вынужден устраиваться на работу.

Переехав в Петербург в 1782 г., юноша поступает на должность канцеляриста, пробует писать для театра, занимается журналистикой. Он очень много читает, изучает иностранные языки.

С 1797 г. И. Крылов жил в Украине в имении князя С. Голицына и выполнял обязанности личного секретаря и домашнего учителя. Там И. Крылов написал пьесу «Триумф, или Подщита», комедию «Пирог», басню «Свинья под Дубом». Однако его творчество оставалось тайной для окружающих. Многие даже и не догадывались, что перед ними талантливый писатель.

Начиная с 1806 г. И. Крылов пишет басни. Первые опубликованные произведения — «Дуб и Трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое Молодых» — показали огромный дар автора. В баснях он говорит о событиях в России и недостатках её граждан: о неумении выбирать занятие по своим способностям («Квартет»), бессилии слабого перед сильным («Волк и Ягнёнок»). Его басенные герои стали одновременно носителями таких человеческих пороков, как лень («Ворона и Лисица»), зависть, угодничество. Крылов наделяет своих героев вполне человеческими мыслями и поступками.

П. Клодт. Памятник И. Крылову
(фрагмент). г. Санкт-Петербург
1855 г.

Ясностью, красотой и плавностью изложения язык басен И. Крылова напоминает произведения устного народного творчества. Многие выражения воспринимаются как поговорки и пословицы, употребляются как крылатые слова и выражения: *тришкин кафтан*, *демянова уха*; *«А ларчик просто открывался»*; *«А Васья слушает да ест»*.

Сейчас читать басни И. Крылова так же интересно, как и при жизни их автора.

Теория литературы

Аллегория — изображение отвлечённого понятия или явления через конкретный образ (например, лиса — аллегория хитрости, заяц — трусости). Синонимом термина *аллегория* может быть *иносказание*.

Ирбния — это отрицательная оценка предмета через его осмеяние: истинный смысл события маскируется автором, и, иронизируя, мы высказываем прямо противоположное тому, что подразумеваем.

В 1855 г. в г. Санкт-Петербурге в Летнем саду был установлен первый в России памятник Ивану Крылову. Его создал известный скульптор **Пётр Клодт** (1805–1867). Художник запечатлел в нём ещё живые воспоминания петербуржцев: как баснописец гулял в этом парке, а иногда, присев на скамейку, что-то сочинял.

Скульптор поместил на барельефе памятника басенных героев. Прочитайте басни писателя и вы сможете увидеть, как верно П. Клодт выразил их характеры.

Украинский поэт Евгений Гребинка (1812–1848) написал в 1838 г. стихотворение «Лавровый венок». В основе этого произведения — впечатления от праздника, устроенного русской интеллигенцией в честь 50-летия литературного творчества И. Крылова. Выражая восхищение поэзией И. Крылова, присутствующие увенчали его лавровым венком по античной традиции. Во все времена такой награды удостоивались только всенародно любимые поэты. Когда вечер подходил к концу, И. Крылов снял венок и подарил каждому гостю по лавровому листику. Символический дар получил и Е. Гребинка, уже известный к тому времени автор басен.

Т. Шевченко. Портрет неизвестного. 1837 г. Согласно предположениям, на портрете изображён Е. Гребинка.

Вопросы и задания

1. Какой литературный жанр прославил И. Крылов? Какие у него были предшественники в этом жанре?

2. Объясните смысл крылатых выражений из басен И. Крылова.

3. Рассмотрите внимательно изображение фрагмента памятника И. Крылову в Летнем саду. Каких персонажей изобразил скульптор, какие пороки они воплощают?

Выпишите в тетрадь два крылатых выражения из басен И. Крылова. Устно объясните их смысл.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лещь гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце лещей всегда отыщет уголок.

С. Яровой.

Иллюстрация к басне
И. Крылова «Ворона
и Лисица». 1989 г.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяна с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

1808 г.

Вопросы и задания

1. Какие народные сказки о лисе вы помните? Какой она изображена в этих сказках?

2. Определите тему басни. Какие персонажи в ней изображены? Что мы узнаём об их характерах? Как И. Крылов показывает хитрость Лисицы и доверчивость Вороны?

3. Как автор выражает характер персонажей с помощью их речи?

4. В каких словах выражена мораль басни? Как вы понимаете её смысл?

Подготовьтесь к выразительному чтению басни «Ворона и Лисица» в лицах.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
 Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
 Но мы Истории не пишем;
 А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
 И надобно ж беде случиться,
 Что около тех мест голодный рыскал Волк.
 Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
 Но, делу дать хотя законный вид и толк,
 Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым

Здесь чистое мутить питьё
 Моё

С песком и с илом?
 За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позволит,
 Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
 От Светлости его шагов я на сто пью,
 И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу». —

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
 Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуйте, мне ещё и от роду нет году», —
 Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
 «Нет братьев у меня». — «Так это кум или сват
 И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
 Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И, если можете, то мне всегда вредите,
 Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —

«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
 Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

РЫЛОМ

А. Лантев.

Иллюстрация к басне
 И. Крылова «Волк и
 Ягнёнок». 1951 г.

Е. Рачёв.

Иллюстрация к басне
 И. Крылова «Волк и
 Ягнёнок». 1961 г.

1808 г.

Вопросы и задания

1. Вспомните, какими чертами характера наделены герои басни в народных сказках о животных.

2. Как изображает И. Крылов встречу Ягнёнка с Волком? Почему он называет её «бедой»?

3. Почему для изображения Ягнёнка употреблено слово *добыча*? Объясните его смысл.

4. Как в тексте басни показано, что все нападки Волка на Ягнёнка совершенно несправедливы?

5. Объясните смысл морали этой басни.

6. Рассмотрите иллюстрации к басне И. Крылова «Волк и Ягнёнок». Как удалось художникам Е. Рачёву и А. Лаптеву выразить черты характера персонажей басни? На какой иллюстрации аллегория басни прочитывается выразительнее?

Выучите наизусть басню «Волк и Ягнёнок».

Сюжет о вороне и лисице встречается уже в баснях Эзопа. Только у древнегреческого сочинителя басен лиса выманивала не сыр, а мясо. Интересную басню на эту тему написал французский поэт Жан де Лафонтен (1621–1695). Прочитайте её и сравните с басней И. Крылова.

ВОРОН И ЛИСИЦА

Дядюшка Ворон, сидя на дереве,
Держал в своём клюве сыр.
Дядюшка Лис, привлечённый запахом,
Повёл с ним такую речь:
«Добрый день, благородный ворон!
Что за вид у вас! Что за красота!
Право, если ваш голос
Так же ярок, как ваши перья, —
То вы — Феникс наших дубрав!»
Ворону этого показалось мало,
Захотелось ему блеснуть и голосом.
Разинул клюв — и выронил сыр.
Подхватил его лис и молвил: «Сударь,
Запомните: всякий льстец
Кормится от тех, кто его слушает, —
Вот урок вам, а урок стоит сыра».
И поклялся смущённый ворон (но поздно!),
Что другого ему урока не понадобится.

П. Корейя. Памятник Жану де Лафонтену. г. Париж. 1983 г.

В этом разделе вас ожидает встреча с шедеврами русской поэзии. Но прежде чем вы откроете их для себя, попытаемся разобраться, каково значение слова *поэзия*. В переводе с греческого языка — это «творчество».

В «Словаре русского языка» указывается, что *поэзия* — *искусство образного выражения мысли; стихи, ритмическая речь*. Это слово употребляется и в переносном значении: *что-либо прекрасное, возвышенное, глубоко воздействующее на чувства и воображение*.

Размышляя о поэзии, многие писатели подчёркивали, что её источником является окружающая нас в жизни красота. Например, Николай Гоголь писал: «Родник поэзии есть красота».

Знаменитый художник Леонардо да Винчи, размышляя о связи между поэзией и живописью, подчёркивал: «Поэзия — это живопись, которую слышат».

Поэзию неоднократно сравнивали с музыкой, поскольку ей, как и музыке, свойственны ритм, мелодичность звучания, повторы звуков. Действительно, в звучании поэзии есть своя музыка — музыка слов. Не случайно многие поэтические произведения положены на музыку.

В Древней Греции произведения, которые исполнялись под аккомпанемент лиры, назывались *лирическими*, или *лирикой*.

Лирика — одна из разновидностей поэзии. Это небольшое стихотворное произведение, в котором выражены мысли, чувства, переживания автора.

Поэтическое слово имеет огромное воздействие на читателя. Оно обращено к нашей душе и нашему разуму.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН (1799–1837)

Александр Сергеевич Пушкин родился в г. Москве. Здесь прошли его детские годы. О своей любви к этому городу он напишет во многих произведениях.

С детских лет на будущего поэта благотворно влияла литературная атмосфера, царившая в родительском доме. Здесь он впервые увидел известных русских поэтов. С юных лет у будущего поэта пробудился интерес к литературе. Александр был свидетелем бесед на литературные темы и чтения стихов.

В 1811 г. Александр поступил в Лицей, который был открыт 19 октября в Царском Селе по указу царя.

В первый класс этого привилегированного учебного заведения, которое приравнялось к университету, были зачислены тридцать мальчиков.

У каждого лицеиста была своя комната. Александр называл свою комнату *кельей*.

Занятия в школе были организованы таким образом, что лицеисты проводили семь часов в классах, а время между занятиями отводилось на прогулки, игры, гимнастику, чтение, беседы.

Александр Пушкин получил в Лицее разнообразные и прочные знания и навыки. Он хорошо знал мифологию, историю, латинский язык, усовершенствовал знания русского и французского языков, научился хорошо плавать, стрелять, ездить верхом, фехтовать. Но самое главное — здесь стал расцветать его поэтический талант. В Лицее поощрялось занятие литературным творчеством. Выпускались рукописные литературные журналы, газета, был свой театр, проводились творческие встречи с известными писателями.

Александр начал писать стихи с тринадцати лет, а с 1814 г. его поэтические произведения уже печатались в ведущих в то время литературных журналах.

8 января 1815 г. на одном из очередных экзаменов в Лицее должны были присутствовать именитые гости и среди них — русский поэт Гаврила Державин. На этом экзамене Александр прочитал своё стихотворение *«Воспоминания в Царском Селе»*. Державин был восхищён его чтением. Он заметил и выделил талант юного поэта.

Позже, вспоминая этот день, А. Пушкин напишет:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

В стихотворениях, созданных в лицейский период, юный поэт писал о дружбе, любви и свободе. В дальнейшем эти темы станут ведущими в его лирике.

В 1817 г. А. Пушкин окончил Лицей, ставший для него вторым домом. Впереди была жизнь, посвящённая творчеству. Но своих друзей-лицейстов он помнил всегда. В стихотворении «19 октября» (1825) он назвал отношения между лицеистами *прекрасным союзом*, а Царское Село — *Отечеством*.

Двусложные размеры стиха. Понятие о строфе. Развитие понятий о рифме и ритме

В 5 классе вы познакомились с понятием «стихотворная речь». Вы уже знаете, что стихотворная речь делится на стихи — стихотворные строчки — и что это деление является главным её признаком. К другим важным признакам стихотворной речи относятся ритм и рифма.

Ритм в стихотворении основывается на равномерном чередовании ударных и безударных слогов. Ударный слог произносится более энергично, а безударный — менее отчётливо. В зависимости от такого чередования выделяют двусложные и трёхсложные размеры (с трёхсложными размерами — дактилем, амфибрахием и анапестом — вы познакомитесь позже).

Ритмической единицей стиха является стопа. *Стопа* — это повторяющаяся группа слогов. В двусложных размерах стопа состоит из одного ударного и примыкающего к нему безударного слога. Среди двусложных стоп различают *ямб* — стопу, в которой ударный слог следует за безударным, и *хорей* — стопу, в которой ударный слог предшествует безударному. Условно обозначив ударный слог $\acute{}$, а безударный слог \smile , запишем схему ямбической стопы $\smile \acute{}$ и схему хорейской стопы $\acute{} \smile$. Запомним, что в двусложной стопе должен быть, как правило, только один ударный слог, а очередность ударных слогов образует размер.

Чтобы определить стихотворный размер, нужно записать стихотворную строчку, поставить ударение в каждом слове, обратить внимание, на какие слоги падает ударение — чётные или нечётные, и посчитать количество безударных между ударными. Если ударение в стихе падает на чётные слоги — 2, 4, 6, 8, а между ударными слогами находится один безударный, — значит перед вами ямб.

Выделим в схеме стопы, отделив одну от другой вертикальной или косой линией, и посчитаем их количество, чтобы определить, какой это размер — трёхстопный, четырёхстопный или шестистопный. Ведь количество стоп влияет на интонацию стиха, его ритм. Например:

Ещё в полях белеет снег $\smile \acute{}/\smile \acute{}/\smile \acute{}/\smile \acute{}$

Поскольку в данной строчке ударение падает на чётные слоги — 2, 4, 6, 8, а общее количество стоп в стихе — четыре, значит размер отрывка из стихотворения Ф. Тютчева «Весенние воды» — четырёхстопный ямб.

Рассмотрим другой пример, из стихотворения А. Пушкина «Зимний вечер»:

Буря мглою небо кроет... — ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪

Здесь ударный слог предшествует безударному (хореическая стопа), ударение падает на нечётные слоги — 1, 3, 5, 7, а общее количество стоп — четыре. Таким образом, размер данного отрывка — четырёхстопный хорей.

Ритму стиха способствует не только стихотворный размер — определённое чередование ударных и безударных слогов, но и рифма. *Рифма* — созвучие окончаний стихотворных строк.

Основной ритмической единицей стихотворной речи является стих. Каждый стих существует не изолированно, а в тесной связи с другими стихами.

Сочетание стихов, объединённых общей рифмовкой и представляющих ритмико-синтаксическое целое, называется *строфой*. Строфы отделены друг от друга большой паузой (в отличие от маленькой паузы в конце стиха). Они бывают разными по величине. Например, самая маленькая строфа — двустишие, в котором два стиха рифмуются между собой. Самая распространённая в русском стихе строфа — четверостишие, в котором могут встречаться разные способы рифмовки.

Ямб — двусложный размер с ударением в стопе на втором слоге, а в стихе в целом — на втором, четвёртом, шестом, восьмом и т. д. слоге.

∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪

Хорей — двусложный размер с ударением в стопе на первом слоге, а в стихе в целом — на первом, третьем, пятом, седьмом и т. д. слоге.

— ∪ / — ∪ ∪ / — ∪ ∪ / — ∪ ∪

Строфа — это группа стихов с определённым расположением рифм, обычно повторяющихся в других группах.

Вопросы и задания

1. Расскажите, как проявляется ритм в природе и в поэзии.
2. Какие размеры называются *двусложными*?
3. Что нужно сделать для того, чтобы определить стихотворный размер?
4. Дайте определение понятия *строфа*.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
 Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
 Пора, красавица, проснись:
 Открой сомкнуты негой¹ взоры
 Навстречу северной Авроры²,
 Звездою севера явись!

Вечор³, ты помнишь, вьюга злилась,
 На мутном небе мгла носилась;
 Луна, как бледное пятно,
 Сквозь тучи мрачные желтела,
 И ты печальная сидела —
 А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
 Великолепными коврами,
 Блестя на солнце, снег лежит;
 Прозрачный лес один чернеет,
 И ель сквозь иней зеленеет,
 И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
 Озарена. Весёлым треском
 Трещит затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велеть ли в санки
 Кобылку бурую запречь⁴ —

Скользя по утреннему снегу,
 Друг милый, предадимся бегу
 Нетерпеливого коня
 И навестим поля пустые,
 Леса, недавно столь густые,
 И берег, милый для меня.

1829 г.

А. Иткин. Иллюстрация
 к сборнику стихов русских
 поэтов. 1971 г.

¹ *Нега* — состояние полного довольства, блаженство, приятное состояние.

² *Аврора* — в древнеримской мифологии — богиня утренней зари, рассвета.

³ *Вечор* (разг. устар.) — вечер.

⁴ *Запрячь* (*запрягать*) — привязывать посредством упряжи лошадь к повозке.

Вопросы и задания

1. Расскажите, какое зимнее утро вам нравится. Сравните свои впечатления с описанием зимнего утра в стихотворении А. Пушкина.
2. Какое настроение преобладает в этом стихотворении: радостное, весёлое или унылое, мрачное?

3. Как связано название стихотворения с его содержанием?
4. Сравните первую и вторую строфы стихотворения. Как вы думаете, отличается ли настроение, выраженное в них?
5. Найдите в тексте стихотворения эпитеты и метафоры. Какие из указанных изобразительно-выразительных средств показались вам необычными? При помощи каких эпитетов и метафор автор передаёт ощущение яркости и блеска?

6. Опишите устно, какой рисунок вы могли бы нарисовать к стихотворению.
7. Выразительно прочитайте стихотворение, пытаясь подчеркнуть особенности его ритма.
8. Выпишите из текста стихотворения слова, которые вы встретили впервые, и объясните их значение.

9. Сравните первые три строфы стихотворения «Зимнее утро» А. Пушкина с переводом Я. Черногуза на украинский язык.

ЗИМОВИЙ РАНОК

Мороз і сонце — день чудесний,
Ще бачиш сні, красуне-весно,
Вже час, кохана, пробудись:
Одкрій зінці ніжні, зоре,
Навстріч північній ти Аврорі
Зорею півночі явись.

Учора хуга лютувала,
На мутнім небі мла лігала,
Зблід місяць, наче полотно,
Жовтів крізь хмари він похмурі,
І ти сиділа у зажурі —
А нині... виглянь у вікно:

Під голубими небесами
Мов чарівними килимами,
На сонці сяйвом сніг лежить;
Лише прозорий ліс чорніє,
Крізь іній хвоя зеленіє,
Під кригою ріка блищить.

10. Как вы думаете, удалось ли поэту-переводчику передать особенности ритма стихотворения, стихотворный размер и отдельные детали стихотворения А. Пушкина?

11. Прослушайте стихотворение А. Пушкина «Зимнее утро» в исполнении И. Смоктуновского.

Выучите наизусть стихотворение «Зимнее утро» А. Пушкина.

Литературный комментарий

Арина Родионовна Яковлева (1758–1828) — крепостная крестьянка, няня в семье Пушкиных. Она воспитывала Александра, его старшую сестру Ольгу, а также младшего брата Льва. Дети любили её. Это была простая русская женщина. Она находилась рядом с Александром в годы его детства до поступления в Лицей. Позже они виделись с большими перерывами, потому что после окончания Лицея поэт жил в Петербурге (1817–1820) и пребывал в южной ссылке (1820–1824), куда его отправили за вольнолюбивые стихи.

После ссылки А. Пушкину было разрешено жить в селе Михайловском. Здесь поэт был лишён привычного для него великосветского окружения. Его неизменным собеседником в этот период (1824–1826) была Арина Родионовна, которая заботилась о нём, делилась своими воспоминаниями о прошлом. От няни Александр услышал рассказы о своём предке — Абраме Петровиче Ганнибале, которого называли арапом Петра I. С её слов А. Пушкин записал семь сказок, которые она рассказывала ему долгими зимними вечерами.

Образ няни нашёл отражение во многих произведениях поэта. О ней он пишет в стихотворении «Зимний вечер». Строки, посвящённые Арине Родионовне, есть и в стихотворении «...Вновь я посетил», написанном уже после её смерти:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.

Стихотворение А. Пушкина «Няне» — послание.

Я. Серяков. Барельеф с изображением Арины Родионовны Яковлевой. 1840-е годы

Посланием называется произведение, написанное в форме письма или обращения к реальному или воображаемому адресату.

НЯНЕ

А. Иткин. Иллюстрация
к сборнику стихов русских
поэтов. 1971 г.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы¹
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спичи
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...
То чудится тебе...

1826 г.

Вопросы и задания

1. Что нового вы узнали о няне А. Пушкина? Расскажите, какую роль она сыграла в жизни поэта.

2. Докажите, что стихотворение «Няне» является посланием.

3. Что характерно для образа няни в стихотворении поэта? Какой вы её представляете?

4. Какие чувства по отношению к няне выразил в стихотворении его автор?

5. Выпишите из текста стихотворения эпитеты и метафоры. Как они характеризуют образ няни?

6. Каким стихотворным размером написано стихотворение А. Пушкина «Няне»?

7. Прочитайте выразительно стихотворение.

8. Объясните, почему стихотворение начинается с обращения: «Подруга дней моих суровых...» При подготовке к ответу учитывайте материалы комментария.

9. Опишите, как изобразил няню А. Пушкина скульптор Я. Серяков. Сравните созданный им барельеф с другими скульптурными изображениями Арины Родионовны, используя Интернет: http://ru.wikipedia.org/wiki/Яковлева_Арина_Родионовна.

10. Прочитайте поэму «Руслан и Людмила» и другие стихотворения А. Пушкина.

¹ Светлица — чистая, светлая комната, гостиная.

Литературный комментарий

В основу баллады¹ «*Песнь о вещем Олеге*» (1822) были положены эпизоды из жизни древнерусского князя Олега, которые поразили воображение поэта. Сюжет для своей баллады он почерпнул из древней летописи «*Повесть временных лет*», составленной в Киеве монахом Нестором на рубеже XI–XII вв. В этом летописном документе князю Олегу посвящён отдельный раздел. Олег происходил из варягов³, был родственником Рюрика, который сделал его опекуном своего сына Игоря⁴. В 882 г. Олег завладел Киевом после того, как его воины убили правивших там князей Аскольда и Дира, расширил свои владения, подчинил своей власти славянские племена, объединил славянские земли. Он перенёс столицу из Новгорода в Киев и назвал Киев *матерью городов русских*. Возникло новое государство, которое историки позже назвали *Киевской Русью*.

В 907 г. Олег совершил поход на Константинополь. В знак победы над Византией он оставил свой щит на воротах города. Когда Олег возвратился в Киев, жители города, «...дивясь его храбрости, уму и богатству», назвали его *вещим*.

Написание «*Песни о вещем Олеге*» поэта вдохновили эпизоды из летописи, в которых рассказывается о том, как волхвы⁵ предсказали князю его гибель и как сбылось это пророчество. Вот как изложена эта история в «*Повести временных лет*» Нестора Летописца: «Олег княжил в Киеве долгие годы и находился в мире со всеми странами. Однажды он призвал к себе волхвов-прорицателей и спросил: “Отчего суждено мне умереть?” И волхвы ответили: “Примешь ты, князь, смерть от своего любимого коня”. Олег приказал увести коня, кормить его и беречь, а себе взял другого. Через четыре года вспомнил князь о

*Неизвестный художник.
Поход князя Олега на Царьгород.
Радзивилловская летопись.
Конец XV в.*

¹ *Баллада* — стихотворение с острым, напряжённым сюжетом, в основе которого чаще всего лежит историческое событие или предание.

² *Вещий* — предвидящий будущее, пророческий.

³ *Варяги* — древнерусское название жителей Скандинавии, совершавших в IX–XI вв. походы во многие страны Европы. Варягами называли наёмных дружинников русских князей, а также купцов.

⁴ *Игорь Рюрикович* — великий князь киевский, правивший в 912–945 гг.

⁵ *Волхвы* — название языческих жрецов у древних славян. Колдуны, знахари, ворожеи умели предсказывать будущее.

коне и спросил, где он сейчас и здоров ли. Ответили князю: “Уже три года прошло, как умер твой конь”. Тогда воскликнул Олег: “Солгали волхвы: конь, от которого они сулили мне смерть, умер, а я жив!” Он захотел увидеть кости своего коня и поехал в чистое поле, где лежали они в траве, омытые дождями и выбеленные солнцем. Князь тронул ногой конский череп и сказал, усмехнувшись: “От этого ли черепа смерть мне принять?” Но тут из конского черепа выползла ядовитая змея и ужалила Олега в ногу. И от змеиного яда Олег умер. И оплакивали его все люди плачем великим, погребли на горе, которая называется Шековица. До сего дня есть там могила Олега. А всего княжил Олег 33 года».

В балладе «Песнь о вещем Олеге» поэт стремился сохранить черты летописного стиля, передать исторический колорит и верования древних славян. Основной темой стихотворения является тема судьбы.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам¹,
Их сёлы и нивы за буйный набег
Обрёл он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в царградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и галаньях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

В. Васнецов. Встреча Олега с кудесником. 1890-е годы

¹ *Хозары (хазары)* — кочевой народ, который обитал в областях, граничивших на юге с Киевской Русью.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ¹, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод, и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;

¹ *Праща* — древнее оружие — приспособление для метания камней.

В. Васнецов. Прощание Олега с конём. 1890-е годы

И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под узды отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевой поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег. —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?

Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне¹, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга² на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822 г.

¹ *Тризна* — обрядовые действия и пиршество в память умершего у древних славян.

² *Ольга* — жена князя Игоря, правившая после его смерти.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвели на вас события, изображённые в произведении?

2. Удалось ли поэту передать дух и обстановку седой древности?

3. Основой для написания «Песни о вещем Олеге» послужила

А народная легенда

Б летопись

В житие Олега

4. Кто такой вещий Олег? Откуда А. Пушкин почерпнул сюжет для создания баллады?

5. Поделите балладу на части и дайте название каждой из них. Запишите в тетради основные события баллады в виде плана.

6. Как князь отнёсся к предсказаниям волхва? Поверил ли он ему?

7. Выпишите из текста эпитеты, с помощью которых автор характеризует героев баллады?

8. Определите тему стихотворения А. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

9. Выразительно прочитайте стихотворение, подчёркивая особенности его ритма.

10. Рассмотрите картины В. Васнецова. Удалось ли художнику передать чувство горестной разлуки с верным конём, которое испытывал князь?

Выучите наизусть отрывок из стихотворения А. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (по выбору).

Сравните первые две строфы пушкинского стихотворения с переводом Ю. Карского на украинский язык. Удалось ли переводчику передать особенности содержания и ритма баллады А. Пушкина? Прочитайте перевод «Песни о вещем Олеге» полностью, воспользовавшись Интернетом.

ПІСНЯ ПРО ВІЩОГО ОЛЕГА

Збирається віщий Олег-воївник

З хазарами знов воювати:

За напад — мечам і пожарам прирік

Він ниви хазарські і хати.

Із військом своїм, в царгородській броні,

Князь їде полями на вірнім коні.

Із темного лісу старий чарівник

Виходить назустріч поволі,

Перунові тільки покірний старик,

Провісник він людської долі.

В мольбах, в ворожбі все життя він провів.

І князь біля нього коня зупинив.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)

Детство Михаила Юрьевича Лермонтова прошло в имении Тарханы Пензенской губернии (Россия). Когда мальчику исполнилось три года, умерла его мать. Бабушка поэта — умная и властная богатая помещица — посвятила внуку свою жизнь, устранив от воспитания его отца. Атмосфера семейных распрей, доставившая писателю много страданий, стала одной из тем в его творчестве.

Бабушка не жалела средств на образование мальчика. Он играл на скрипке и рояле, пел арии из любимых опер и сочинял музыку, легко решал сложные математические и шахматные задачи, владел несколькими иностранными языками, занимался живописью, лепил из воска. Будущий поэт слушал народные песни, рассказы об Отечественной войне 1812 г., о царе Иване Грозном, бунтовщиках Степане Разине и Емельяне Пугачёве, наблюдал народные игры и хороводы. Но среди этих занятий главными были чтение художественной литературы и созерцание природы.

Уже в Тарханах проявился интерес М. Лермонтова к литературе и поэтическому творчеству. Рано повзрослевший, он пробует силы в сочинении стихов и стремится, чтобы его произведения были достойны занять место рядом с поэзиями А. Пушкина.

В 1827 г. семья переезжает в Москву. Через год М. Лермонтов поступил в благородный пансион, в котором проучился два года, а в 1830 г. он стал студентом Московского университета. Это время было очень плодотворным в творческой биографии писателя. К этому периоду относятся первые известные стихотворения поэта, а к 1830–1832 гг. — почти две трети его поэтических произведений. Среди них — «Молитва», «Жалобы турка», «Благодарю!», «Нищий», «Желанье», «Парус». Свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом.

Литературный комментарий

Стихотворение «Парус» вошло в сокровищницу мировой поэзии как одно из самых блистательных лирических произведений. Вынужденный оставить Московский университет, М. Лермонтов весной 1832 г. переезжает в Петербург, чтобы продолжить учёбу. Однако

учиться в столичном университете ему не пришлось. Думая о своей дальнейшей судьбе, он бродит по Петербургу и его окрестностям, часто в одиночестве гуляет у Финского залива. Здесь и был написан знаменитый «Парус».

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832 г.

М. Лермонтов. Морской вид с парусной лодкой (фрагмент). 1828–1831 гг.

Вопросы и задания

1. Какие чувства и мысли возникают, когда видишь море и слышишь шум прибоя, ощущаешь запах морских водорослей?
2. Какие чувства и мысли вызывает стихотворение «Парус»?
3. Совпадают ли ваши наблюдения о реальном море с поэтической картиной в стихотворении М. Лермонтова? Что общего, а что различного?

4. Как вы думаете, почему стихотворение называется «Парус»?
5. С помощью каких художественных средств создаётся в стихотворении образ паруса?
6. Назовите пары слов с противоположным значением. Как они характеризуют парус?
7. Обратите внимание на краски в стихотворении. Какая гамма преобладает? Какое настроение создают эти краски? Встречался ли раньше лазурный цвет в стихотворениях М. Лермонтова?
8. Как вы думаете, почему парус назван автором *мятежным*? В каком значении — прямом или переносном — употребляется это слово? Обратитесь за помощью к словарю.

9. Образ «море — жизнь» является традиционным в поэзии. Море и волны символизируют различные волнения, бедствия и изменения в человеческой жизни. Как вы думаете, что символизирует парус? Выберите один из вариантов ответа, объяснив свою точку зрения, либо предложите свой вариант, опираясь на текст стихотворения.

- А** парус — это символ одиночества и грусти человека, брошенного в житейском море
- Б** парус — это символ свободы, сознательного выбора человеком своей судьбы
- В** парус — это символ мятежной души, которой трудно отыскать свой берег

10. В стихотворении гениально соединяются две темы: художественная картина моря (первые строчки четверостиший) и голос автора, его размышления о парусе (последние строчки четверостиший). Подчеркните эту особенность.

11. Рассмотрите акварельный рисунок М. Лермонтова «Парус». Сравните его с одноимённым стихотворением поэта. Сходна ли картина моря или есть отличия? Какое настроение передаёт морской пейзаж? Совпадает ли оно с настроением в поэтической картине моря?

12. Выучите наизусть стихотворение «Парус» М. Лермонтова.

13. Прочитайте стихотворение «Парус» М. Лермонтова на украинском языке в переводе Л. Первомайского и сравните его с оригиналом. Насколько точен перевод? Сохранены ли переводчиком образы, интонация, размер подлинника (оригинала)?

ПАРУС

Самотній парус ген біліє
 В морськім блакитнім тумані.
 Що він знайти в чужині мріє,
 Що в рідній кинув сторони?

Лютує вітер, хвиля грає,
І шогла гнеться і скрипить, —
Дарма, він щастя не шукає
І не від щастя геть біжить.

Над ним струмок ясніш лазурі,
День золотий над ним встає,
А він, мятежний, прагне бурі,
Неначе в бурі спокій є.

Литературний коментарій

Стихотворення «Три пальми» має подзаголовок «Восточное сказание», поскільки дія відбувається «в пустельних степах арабської землі», тобто на арабському Сході. Літературознавці вважають це твір балладой. Для балладного жанру характерні казочна або історична тема, наявність сюжету, поєднання реального і фантастичного, драматичність фіналу. Баллада, зберігаючи драматичність сюжету, дає поету більше свободи в використанні поетических тем, сюжетів, образності, ніж лірика.

В Сирії стихотворення М. Лермонтова перекладено на арабський мову і включено в шкільну програму. Сирійські школярі вивчають його наизусть.

ТРИ ПАЛЬМИ (Восточное сказание)

В. Поляков. Иллюстрация к стихотворению М. Лермонтова «Три пальмы». Конец XIX в.

В пустельных степях арабской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать¹:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки²,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали..
И, стан худошавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса³ вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван⁴:
В тени их весёлый раскинулся стан⁵.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

¹ *Роптать* — выражать недовольство.

² *Выюк* — груз, привязанный к бокам лошади или верблюда.

³ *Фарис* (арабск.) — всадник, витязь.

⁴ *Караван* — ряд выючных животных, перевозивших людей и грузы по степям, горам и пустыням.

⁵ *Стан* — остановка в пути, временный лагерь.

Но только что сумрак на землю упал,
 По корням упругим топор застучал,
 И пали без жизни питомцы столетий!
 Одежду их сорвали малые дети,
 Изрублены были тела их потом,
 И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
 Урочный¹ свой путь совершал караван;
 И следом печальным на почве бесплодной
 Виднелся лишь пепел седой и холодный;
 И солнце остатки сухие дожгло,
 А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
 Не шепчутся листья с гремучим ключом:
 Напрасно пророка о тени он просит —
 Его лишь песок раскалённый заносит,
 Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
 Добычу терзает и шиплет над ним.

1839 г.

Вопросы и задания

1. Читали ли вы раньше это произведение? Какое впечатление оно произвело на вас?
2. Что осталось непонятым? Прочитайте внимательно пояснительные слова к тексту.

3. Перечитайте текст и определите в нём смысловые части. Назовите их.
4. Если задание оказалось сложным, воспользуйтесь подсказкой. Для этого расположите пункты плана в нужной последовательности.

А ропот и упреки пальм небу, Богу

Б описание каравана

В гибель пальм — «питомцев столетий»

Г безжизненная опустошённая пустыня

Д описание оазиса — райского уголка в пустыне

5. Сравните начало и финал баллады. В чём сходство и в чём различие? С помощью каких художественных средств показаны эти различия?
6. Какими метафорами автор передаёт гибель «питомцев столетий»?
7. Есть ли в тексте олицетворения? Каково их назначение?

¹ Урочный — обычный, постоянный.

8. Какой мотив усиливает автор, вводя в балладу образ коршуна, рвущего добычу? Не встречался ли вам этот образ в фольклоре?
9. В комментариях к произведению говорится, что это баллада. Согласны ли вы с таким определением жанра? Опираясь на текст, назовите признаки баллады.
10. Аллегоричная атмосфера литературной баллады допускает различные её толкования. Какая, по вашему мнению, основная мысль произведения?

Выберите один из вариантов, объяснив свою точку зрения, либо предложите свой, опираясь на текст стихотворения:

- А** пальмы возроптали на Бога и были наказаны; их стремления никто не оценил; караван получил то, что хотел, — отдых, дрова, воду, а на гибель гордых деревьев никто не обратил внимания
- Б** душа, открытая миру, встречает на своём пути озлобление, обман, неблагодарность; так и три пальмы, казалось бы, дождавшиеся осуществления своей мечты, становятся жертвой человеческой жестокости и неблагодарности
- В** красота гибнет тогда, когда её не ценят; эгоистичные люди, которые во всём видят только свою пользу и выгоду, оставляют после себя лишь пустыню и разрушения

11. Найдите в тексте отрывки или строки, которые могли бы стать подписями к иллюстрации В. Полякова, и зачитайте их.
12. Какие бы вы использовали краски?

Литературный комментарий

«*На севере диком стоит одиноко...*» — это вольный перевод стихотворения немецкого поэта Г. Гейне «Сосна стоит одиноко...». Вольный потому, что русский поэт значительно отступает от подлинника. Тема произведения Г. Гейне — разлука двух влюблённых. Сосна (в немецком языке это существительное мужского рода) тоскует по своей женской половине — пальме. М. Лермонтов избегает родовых различий, поэтому в его стихотворении любовный мотив заменяется мотивом одиночества и разобщённости людей в мире. Одета «*снегом сытучим*» сосна и южная пальма находятся на противоположных географических полюсах — севере и юге. Однако несмотря на это, они пребывают в одинаковом душевном состоянии: сосна «*стоит одиноко*», а прекрасная пальма «*одна и грустна*». Одиночество той и другой подчёркивается схожим пространственным расположением: сосна стоит «*на голой вершине*», а пальма — «*на утёсе горючем*».

На севере диком стоит одиноко
 На голой вершине сосна.
 И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
 Одеята, как ризой¹, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой;
 В том крае, где солнца восход,
 Одна и грустна на утёсе горячем
 Прекрасная пальма растёт.

1841 г.

Картина «На севере диком» написана **Иваном Шишкиным** в 1890 г. по мотивам стихотворения М. Лермонтова, когда готовилось к выпуску собрание сочинений поэта. У художника мало «зимних» сюжетов, и картина «На севере диком» — один из самых ярких примеров его обращения к зимнему пейзажу. Суровый нрав севера пленяет художника своей красотой и силой. Используя богатую палитру оттенков, он мастерски передаёт и состояние зимнего оцепенения, и чувство гнетущего одиночества. Полотно «На севере диком» передаёт те же чувства, что и стихотворение великого поэта, но другими средствами — с помощью живописи.

И. Шишкин. На севере диком. 1891 г.

Вопросы и задания

1. Какие мысли и чувства вызывает у вас это стихотворение?
2. Какие картины вы представили? Можно ли утверждать, что это стихотворение — поэтическая картина природы?

3. Прочитайте первую строфу стихотворения. С помощью каких художественных средств автор создаёт атмосферу холода и одиночества, окружающую сосну?
4. Случайно ли поэт употребляет сравнение «одета, как ризой»?
5. О чём мечтает сосна? Соответствует ли её мечта реальности?
6. Что общего в судьбе двух деревьев, растущих в разных концах света? Что их объединяет?
7. А можно ли преодолеть это одиночество? В какой ситуации возможна встреча?

¹ *Риза* — богатое, украшенное золотом одеяние, обычно царское.

8. Рассмотрите картину И. Шишкина. Удалось ли автору передать атмосферу одиночества сосны? Каково её окружение?
9. Что можно сказать о палитре художника? Какие тона в ней преобладают?
10. Насколько точно художник описал то, что сосна «*снегом одета, как ризой*»? Что она дремлет?
11. Нарисуйте рисунок, который бы передавал одиночество пальмы или сосны (*по выбору*).

12. Кроме М. Лермонтова, стихотворение Г. Гейне в разное время переводили Ф. Тютчев, А. Фет, А. Майков, З. Гиппиус и др. Эти переводы были ближе к подлиннику или рассматривались как повод для создания вполне самостоятельных стихотворений. Прочитайте стихотворение в переводе Ф. Тютчева. Сравните его с переводом М. Лермонтова.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга длеет.

Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветёт, одинока...

Литературный комментарий

«*Из Гёте*» («Горные вершины...») — стихотворение позднего творчества М. Лермонтова. Одни литературоведы считают его переводом «Ночной песни странника» немецкого поэта-классика И. В. Гёте, другие — поводом для создания самостоятельного произведения. Но все сходны в том, что М. Лермонтов создал шедевр мировой поэзии.

* * *

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

1840 г.

А. Васнецов. Юнгфрау. 1912 г.

Вопросы и задания

1. Какие чувства и мысли вызывает у вас это стихотворение?

2. Прочитайте выразительно стихотворение и постарайтесь передать его поэтическую интонацию.

3. Как вы думаете, где находится автор стихотворения, созерцающий ночной пейзаж?

4. Что в этом пейзаже вызывает у него чувство покоя, освобождения от дневных тревог? В каких строках это выражено?

5. Какими средствами создаётся атмосфера умиротворения и просветления, присущая этому художественному тексту?

6. Приходилось ли вам ощущать такое же состояние особенной свежести и тишины, когда вы находились в горах? В долине горной речки?

7. Приходилось ли вам бывать в горах ночью? Можете ли вы дополнить картину ночи в горах своими наблюдениями?

8. Стихотворение М. Лермонтова иллюстрировали знаменитые художники: А. Васнецов, В. Конашевич, Ф. Константинов. Его положили на музыку многие композиторы, среди которых — А. Варламов, Н. Метнер, В. Ребриков.

Прослушайте с родителями романс «Горные вершины» А. Варламова в исполнении знаменитого украинского тенора И. Козловского и Ж. Таланова (Эл. адрес: <http://video.mail.ru/mail/sapsho-83/1731/1733.html>). Оцените красоту музыки, оригинальный дуэт маститого певца и юного исполнителя.

9. Прочитайте стихотворения «Морская царевна», «Листок», «Два великана» и другие поэтические произведения М. Лермонтова.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ИСПЫТАНИЙ

Приключения и испытания играют важную роль в жизни человека, поэтому и существует приключенческая литература, приключенческие фильмы и компьютерные игры, основанные на преодолении героями препятствий. Без приключений трудно представить фольклорные и литературные сказки, исторические и фантастические романы и повести.

Читая книги о приключениях, мы попадаем в мир вымысла и фантазии, получаем возможность посетить неведомые страны и необитаемые острова, испытываем яркие эмоции, разгадываем загадки и тайны. Как правило, мы хотим подражать главному герою, вместе с ним совершаем подвиги, оказываемся в рискованных ситуациях, проявляем смекалку и находчивость.

Однако не следует думать, что приключенческая литература призвана только развлекать, поскольку в ней встречаются таинственные похищения и преследования, удивительные загадки. Лучшие образцы приключенческой литературы учат, что в жизни торжествует добро и правда, заставляют нас думать и сопереживать героям, расширяют наш кругозор.

В этом разделе вы познакомитесь с замечательными произведениями — повестью Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством», рассказом Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» и романом Д. Дефо «Робинзон Крузо». В каждом из этих произведений вы встретитесь с героями, которые путешествуют, попадают в необычные ситуации, борются и побеждают. Прочитав эти произведения, вы поймёте, что их значение не ограничивается рассказом о приключениях героев. Их смысл значительно глубже, а приключения героев помогают нам понять этот смысл.

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ (1809–1852)

Николай Васильевич Гоголь внёс большой вклад в развитие не только русской, но и мировой литературы.

Писатель родился в селе Великие Сорочинцы Полтавской губернии. Детские годы Николая прошли в родовом имении Гоголей-Яновских — в селе Васильевка (ныне — Гоголево) на Полтавщине. Здесь он впервые услышал украинские народные песни, легенды и мифы, наблюдал народные обряды и обычаи. Впечатления, полученные в детстве и юности, позже нашли отражение в его творчестве.

Николай Гоголь принадлежал к старинному казачьему роду. Один из его предков, Остап Гоголь, упоминается в летописных источниках. Отец писателя, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, любил театр, писал пьесы на украинском языке. Мать, Мария Ивановна, хорошо знала украинский фольклор, древние предания. Николай рано научился читать, а в пять лет уже пробовал писать стихи.

В 1818 г. Николай вместе с братом Иваном поступил в Полтавское уездное училище. Полтава стала первым городом, который увидел будущий писатель. Здесь были театр, гимназия, исторические памятники, связанные с победой русской армии во главе с Петром I над шведами. В 1821 г. узнав о том, что в Нежине открывается гимназия, отец решил направить Николая в это учебное заведение.

Здание Гимназии высших наук. Сейчас — Нежинский государственный педагогический университет имени Николая Гоголя

Гимназия в Нежине была в то время одним из лучших учебных заведений в Украине. Учителя давали гимназистам достаточно глубокие знания по многим предметам. Особое внимание уделялось духовному воспитанию, чтению Библии, изучению истории, а также знанию языков — русского, латинского, немецкого и французского.

Учёба в Гимназии высших наук (1821–1828) стала важным периодом в творческом развитии будущего писателя. В Нежине он написал стихотворную балладу, трагедию, повесть, сатиру. Творческая атмосфера, царившая в гимназии, способствовала развитию литературного таланта юноши.

По результатам экзаменов Н. Гоголь вошёл в число лучших выпускников гимназии.

Первыми произведениями, прославившими имя писателя, стали повести, опубликованные под общим заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Теория литературы

Понятие о повести

Повесть — прозаическое произведение, которое по объёму больше, чем рассказ, и меньше, чем роман. В повести описывается ряд событий, раскрывается определённый период из жизни главного героя и детально изображаются связанные с ним второстепенные персонажи.

Понятие о юморе

Талант Гоголя-юмориста ярко проявился во многих повестях его первого сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Об умении писателя вызывать улыбку одним из первых сказал А. Пушкин: «Вот настоящая весёлость, искренняя и непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность!» Юмор Н. Гоголя тесно связан с юмором народным, фольклорным.

Юмор — особый вид комического, изображение героев в смешном виде. В отличие от сатиры, юмористический смех весёлый, добродушный, доброжелательный. Такой смех не обличает, а указывает или намекает на недостатки, которые не носят характера пороков.

Вопросы и задания

1. Какие особенности характерны для жанра повести?
2. Что означает понятие *юмор*? Приведите примеры юмора.

Литературный комментарий

«Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н. Гоголя — сборник повестей, действие которых происходит в Украине. Восемь повестей, включённых в состав сборника, объединены вымышленной фигурой издателя — пасечника Рудого Панька. Эти повести объединяет также украинская тема, интерес к украинской жизни, народному быту, характерам, к украинскому фольклору, обычаям, поверьям. Несмотря на то, что книга «Вечера на хуторе близ Диканьки» была написана давно, повести и сегодня воспринимаются как настоящие шедевры — «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница», «Заколдованное место», «Вечер накануне Ивана Купала»,

Н. Курочкина. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Сорочинская ярмарка». 2008 г.

«Ночь перед Рождеством», «Страшная месть» и др. Герои книги — простые, весёлые и бесстрашные украинские парубки, красивые и гордые девушки, их родители, казаки. Наряду с представителями реального мира в повестях Н. Гоголя встречаются и мифологические персонажи — черти и ведьмы. В первом гоголевском сборнике много сказочного и фантастического.

Повесть **«Ночь перед Рождеством»** была опубликована в 1832 г.

во второй части сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Основные события, изображённые в ней, происходят в Диканьке в конце XVIII в. в ночь накануне Рождества. Этот праздник играет важную роль в повести. Он является первопричиной всех чудес и необычных приключений, о которых поведал рассказчик. С ним связано особое настроение произведения — торжественное, весёлое, праздничное, пронизанное ожиданием чуда, ведь рождение Христа для каждого верующего человека — само по себе чудо. Писатель рисует мир, воспринятый сквозь призму Рождества. Он пишет о рождественских обрядах и традициях — о колядовании, о приглашении на кутью. Николай Гоголь воспел рождественскую ночь как событие радостное и светлое.

В соответствии с древними верованиями славян веселье помогало в борьбе с нечистой силой, проявлявшей особую активность в ночь перед Рождеством. Писатель изобразил чёрта смешным, посмеялся над злым духом, представителем тьмы, над его внешностью и поступками. Кузнец Вакула не боится чёрта и побеждает его, а помогает ему в этом его христианская вера, мужество и решительность. Как и в сказках, добро побеждает зло.

В речи рассказчика и героев повести «Ночь перед Рождеством» встречается много украинских слов. Николай Гоголь умышленно употребляет эти слова. Он специально поместил словарики в начале первой и второй частей сборника с пояснениями наиболее часто употребляемых украинских слов. Такие слова придают произведению писателя украинский колорит, с их помощью автор подчёркивает, что основное действие повести происходит в Украине. Некоторые из этих слов, фраз или оборотов поражают своей необычностью и могут вызвать у современного читателя улыбку.

В повести встречаются исторические персонажи — императрица Екатерина II и князь Григорий Потёмкин — государственный и военный деятель, а также содержатся намёки на исторические события, предшествовавшие ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г.

«Ночь перед Рождеством» относится к такой разновидности повести, как *рождественская*. В мировой литературе встречаются и другие произведения, действие которых связано с праздником Рождества, например, рождественская сказка «Щелкунчик» Э. Т. А. Гофман.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа¹. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряжившихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель (...), то он бы, верно, приметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. (...) А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверх. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестели. Вдруг с другой стороны

Кадр из кинофильма «Вечера на хуторе близ Диканьки».
Режиссёр А. Рой. 1961 г.

¹ Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богач. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто от того пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. Замечание пасичника. (Прим. Н. Гоголя.)

показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец¹: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побегит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул её назад, как бы обжёгшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём ни бывало, побегал дате.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. (...) Но какая же была причина решиться чёрту на такое беззаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашён дьяком на кутью (...). А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который чёрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всём околотке. (...) Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых: и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного Суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою погибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами,

¹ Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец. (Прим. Н. Гоголя.)

поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притворца, и с той поры чёрт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для этого решился украсть месяц в той надежде, что старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла поза селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. (...) А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу. (...)

Вопросы и задания

1. Выразительно прочитайте описание зимней ночи в начале повести. Какие детали зимнего пейзажа кажутся вам особенно важными?
2. Что вы знаете о колядках и древнем обычае колядования?
3. Какие события, происходящие в небе в рождественскую ночь, кажутся вам необычными, фантастическими?
4. Перескажите близко к тексту описание чёрта. Как вы думаете, этот персонаж в изображении писателя смешной или страшный?
5. Какая картина, нарисованная Вакулой на церковной стене, стала причиной того, что чёрт захотел отомстить кузнецу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахе и запаске, а в каком-нибудь капоте, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

О. Ионайтис. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 2010 г.

По выходе отца своего она долго ещё принаряжалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве чёрные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевились и обвились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — и, отодвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: — Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец, — и хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и ещё хвалит себя вслух!

«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня», — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Всё это накопил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» И, усмехнувшись, повернулась она в другую сторону и увидела кузнеца...

К. Лавро. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 2005 г.

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна; и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз — вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришёл сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопаткою? Вы все мастера

подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, мое серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто ж тебе запрещает, говори и гляди! (...)

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, находившиеся уже на неприемном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его. (...)

«Не любит она меня, — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою; мучит меня, бедного; а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать — ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепнувших жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу, — сказал бы я царю, — ни каменев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно. (...)

«Чего мне больше ждать? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова.

Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...» (...)

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чёрт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смёрзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатою горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. (...)

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядеть, не назвал ли сын её Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посередине хаты, вылезла из печки, скинула тёплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие годы. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешая, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести её сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. (...)

Кадр из кинофильма «Вечера на хуторе близ Диканьки».
Режиссёр А. Роу. 1961 г.

Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатою. Две пары дюжих волов всякой раз высовывали свои головы из плетёного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую

куму — корову, или дядю — толстого быка. (...) Всё это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдёт в её руки, и удвоивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын её Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы наверно не допустил её мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. (...)

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить всё к своему месту, но мешков не тронула: «Это Вакула принёс, пусть же сам и вынесет!» Чёрт между тем, когда ещё влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега. (...)

Внезапно начавшаяся метель помешала планам казака Чуба и его кума навестить дядя. В темноте они заблудились и разошлись в поисках дороги. Кум набрёл на шинок, а отец Оксаны — казак Чуб — пришёл к своей хате и начал стучать в дверь. В ответ он услышал голос Вакулы и решил, что ошибся и попал в чужую хату. Не желая, чтобы кузнец узнал его, Чуб переменил свой голос и сказал, что пришёл «*поколядовать немного под окнами*». Поскольку Вакула не узнал в пришедшем Чуба, он попросил его уйти, но, увидев, что тот действует наперекор ему, поколотил его.

Вопросы и задания

1. Как относится к Оксане кузнец Вакула? О каких чертах характера свидетельствует монолог Оксаны перед зеркалом?
2. Опишите, как выглядела Солоха, мать кузнеца Вакулы. Как вы думаете, почему Солоха относилась к Чубу более приветливо, чем к другим казакам?

В то время, когда проворный фронт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Всё осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатю не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц! (...)

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв

спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала весёлая красавица, оборотившись к одной из девушек, — у тебя новые черевички! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевички.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевички, какие редкая панночка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесёшь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девичья толпа.

— Да, — продолжала гордо красавица, — будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесёт те самые черевички, которые носит царица, то вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

— Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, Бог с ней! будто только на всём свете одна Оксана. Слава Богу, дивчат много хороших и без неё на селе. Да что Оксана? с ней никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух пронесил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевички, выйду за тебя замуж!» Всё в нём волновалось, и он думал только об одной Оксане. (...)

Чёрт начал ухаживать за Солохой, но в это время послышался стук в дверь и голос головы. Солоха побежала отворить дверь, а чёрт спрятался в мешок. К Солохе поочерёдно начали приходить новые гости — голова, дьяк Осип Никифорович, казак Чуб, и все они оказывались в мешках, поскольку не желали встречаться друг с другом. Вернувшись домой, кузнец Вакула решил вынести из хаты мешки, не посмотрев, что находится внутри.

(...) Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто

между колядками слышалась какая-нибудь весёлая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпуская шедровку и ревел во всё горло:

Шедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку каши,
Кильце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухошавая рука старухи, которые одни только вместе со степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. (...)

Кузнец остановился со своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нём вздрогнули; бросивши на землю мешки, так, что находившийся на дне дяк заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрёл он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны. (...)

— А, Вакула, ты тут! здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленькой мешок! А черевички, которые носит царица, достал? достань черевички, выйду замуж! — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... — произнёс он наконец. — Но Боже Ты мой, отчего она так чертовски хороша? Её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в прорубе, и поминай как звали!»

Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом:

— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивлённою, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст Бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не по-

К. Лавро. Иллюстрация
к повести Н. Гоголя
«Ночь перед
Рождеством». 2006 г.

минайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панахиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией Матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдётся в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

— Он повредился! — говорили парубки.

— Пропавшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я, в самом деле, бегу? — подумал он, — как будто уже всё пропало. Попробую ещё средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придётся пропадать!»

При этом чёрт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвёл сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, стряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. (...) Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. (...)

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки, перед небольшою кадлушкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки.

«Нет, этот, — подумал Вакула про себя, — ещё ленивее Чуба: тот, по крайней мере, ест ложкою, а этот и руки не хочет поднять!» (...)

— К тебе пришёл, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! — Кузнец иногда умел вернуть модное слово; в том он понаторел в бытность ещё в Полтаве, когда раз-малёвывал сотнику дощатый забор. — Пропавшая приходится мне, греш-

ному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта. Что ж, Пацюк? — произнёс кузнец, видя неизменное его молчание, — как мне быть?

— Когда нужно чёрта, то и ступай к чёрту! — отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришёл к тебе, — отвечал кузнец, отвешивая поклон, — кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доделал остальные галушки.

— Сделай милость, человек добрый, не откажи! — наступал кузнец, — свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшена или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами, — произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» — безмолвно спрашивала его мина; а подуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни калушки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаню. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, — говорил он сам себе, — как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмокнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и ещё сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлёпнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» — подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаню. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько...

К. Лавро. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 2006 г.

Однако что за чёрт! ведь сегодня *голодная кутья*, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж чёрт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но чёрт, наклонив своё собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

— Это я — твой друг, всё сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, — пискнул он ему в левое ухо. — Оксана будет сегодня же наша, — шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял, размышляя.

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!

Чёрт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя, — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, возводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут чёрт засмеялся от радости (...).

— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хват чёрта за хвост.

О. Ионайтис. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 2010 г.

— Вишь, какой шутник! — закричал, смеясь, чёрт. — Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сем слове он сотворил крест, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок. — Постой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел (...)! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе (...)! В Петембург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя подымающимся на воздух.

Вопросы и задания

1. При каких обстоятельствах в повести впервые заходит разговор о черевиках? Как реагирует Оксана на обещание кузнеца Вакулы достать ей такие «черевики, какие редкая панночка носит»?
2. Что пообещала Оксана кузнецу в присутствии своих подружек?
3. Что заставило кузнеца обратиться за помощью к Пацюку? Свидетелем каких фантастических событий стал Вакула в его доме?

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри её что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? «Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть её первой красавицей на селе. Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет (...). И ветреная красавица уже шутила со своими подругами.

— Пойдите, — сказала одна из них, — кузнец позабыл мешки свои; смотрите, какие страшные мешки! (...) я думаю, куда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам, верно, счёту нет. (...)

Оксана предложила девушкам перенести мешки к себе в хату. Толпа побежала за санками. В это время Чубов кум, возвращаясь из шинка, увидел на дороге мешки. Вдвоём с ткачём они принесли один мешок в хату кума и были поражены, когда увидели, что из него вылез казак Чуб, а за ним оказался дьяк.

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет с нас и этого», — лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки.

Голова решил молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок, — глупые дивчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице, может быть, до завтра.

Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь с санками по скрипучему снегу. (...) Наконец приехали, отворили настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок. (...)

Начав развязывать мешок, девушки поняли, что в нём кто-то сидит, закричали. Войдя в хату, Чуб стал свидетелем того, как из мешка вылез голова.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как

муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапку. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чёртом. Его забавляло до крайности, как чёрт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чёрт, думая, что его собираются крестить, летел ещё быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен. Всё было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... много ещё дряни встречали они. Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло далее (...) и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чёрт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне посреди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громятся четырёхэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырёх сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики-форейторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдёт по улице в шубе, то и заседатель то и заседатель! (...) Его слова прерваны были вопросом чёрта: «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут, где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; всё бы таки посоветоваться с ними».

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!

Чёрт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошёл, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку (...).

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

— Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подальше.

— А вы не узнали? — сказал кузнец, — это я, Вакула, кузнец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

— А! — сказал тот же запорожец, — это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, земляк, зачем тебя Бог принёс?

— А так, захотелось поглядеть, говорят... (...)

— После потолкуем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

— К царице? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою!

— Тебя? — произнёс запорожец с таким видом, с каким говорит дядька четырёхлетнему своему воспитаннику, просящему посадить его на настоящую, на большую лошадь. — Что ты будешь там делать? Нет, не можно. — При этом на лице его выразилась значительная мина. — Мы, брат, будем с царицею толковать про своё.

— Возьмите! — настаивал кузнец. — Проси! — шепнул он тихо чёрту, ударив кулаком по карману.

Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил:

— Возьмём его, в самом деле, братцы!

— Пожалуй, возьмём! — произнесли другие.

— Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зелёный жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший (...) человек сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понёсся в огромной карете. (...) когда с обеих сторон мимо него бежали назад четырёхэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям.

«Боже ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец. — У нас днём не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени и начали подыматься на блистательно освещённую лестницу.

— Что за лестница! — шептал про себя кузнец, — жаль ногами топтать. Экие украшения! (...) Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец всё ещё не переставал

удивляться. Вступивши в четвёртую, он невольно подошёл к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с Младенцем на руках. «Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он, — вот, кажется, говорит! кажется, живая! а Дитя Святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! Боже ты мой, какие краски! тут вохры¹, я думаю, и на копейку не пошло, всё ярь² да бакан³: а голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведён был блейвасом⁴. Сколь, однако ж, ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и щупая замок, — ещё большего достойна удивления. Эх какая чистая выделка! Это всё, я думаю, немецкие кузнецы, за самые дорогие цены делали...»

(...) Запорожцы прошли ещё две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошёл в сопровождении целой свиты величественного роста довольно плотный человек в гетьманском мундире, в жёлтых сапожках. Волосы на нём были растрёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величественность, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво (...), засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его каждое слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошёл к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

— Все ли вы здесь? — спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

— *Та вси, батьку!* — отвечали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудете говорить так, как я вас учил?

— Нет, батько, не позабудем.

— Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев.

— Куда тебе царь! это сам Потёмкин, — отвечал тот.

В другой комнате послышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назади. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

— Помилуй, мамо! помилуй!

¹ *Вохра* (охра) — жёлтая или красная минеральная краска.

² *Ярь* — блестящая зелёная или голубая краска.

³ *Бакан* — багряная краска.

⁴ *Блейвас* — белила.

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте, — прозвучал над ними повелительный и вместе с тем приятный голос. (...)

— Не встанем, мамо! не встанем! умрём, а не встанем! — кричали запорожцы.

Потёмкин кусал себе губы, наконец подошёл сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоящую перед собою небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе всё и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

— Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор ещё не видела, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасиби, мамо!* Провиант дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, — почему ж не жить как-нибудь?..

Потёмкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил..

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперёд:

— Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чём-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *поворотить в карабинеры*; теперь слышим новые напасти. Чем виновато Запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию чрез Перекоп и помогло твоим ене-ралам порубать крымцев?..

Потёмкин молчал и небрежно чистил небольшою щёткою свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина. (...)

«Теперь пора! Царица спрашивает, чего хотите!» — сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю.

— Ваше царское величество, ве прикажите казнить, прикажите миловать! Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости,

А. Бубнов. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Первая половина XX в.

сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. (...) Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошёл.

— Встань! — сказала ласково государыня. — Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это не трудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! (...) Однако ж, — продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, — я слышала, что на Сечи у вас никогда не желятся.

— *Як же, мамо!* ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, — отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам себе, — верно, недаром он это делает». (...)

В это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшение! — вскрикнул он радостно, ухватив башмаки. — Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах, (...) какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара. (...)

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всём: правда ли, что цари едят один только мёд да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решил замолчать; и когда государыня, обратившись к старикам, начала спрашивать, как у них живут на Сечи, какие обычаи водятся, — он, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: «Выноси меня отсюда скорее!» — и вдруг очутился за шлагбаумом.

По селу пошли разные слухи о том, что случилось с кузнецом Вакулой.

(...) Оксана смутилась, когда до неё дошли такие вести. Она мало верила (...) толкам баб; она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что, если он в самом деле ушёл с намерением никогда не возвращаться в село? (...) Он же так любил её! Он долее всех выносил её капризы! (...)

Настало утро. Вся церковь ещё до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зелёных и жёлтых

кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукаатов, старались пробраться ещё ближе к иконостасу. Но впереди всех были дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. (...) Одна только Оксана стояла как будто не своя. Молилась и не молилась. На сердце у неё столпилось столько разных чувств, (...) что лицо её выражало одно только сильное смущение; слёзы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник — как будто не праздник; что как будто всё чего-то недостаёт. (...)

Ещё быстрее в остальное время ночи нёсся чёрт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чёрта, — постой, приятель, ещё не всё: я ещё не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чёрт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнёт бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха ещё не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку (...), которой не надевал ещё ни разу с того времени, как купил её ещё в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошёл к нему кузнец, и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему

прийти, или тому, что он нарядился таким шёголем и запорожцем. Но ещё больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним (...) шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всём каюсь: бей, да не гневись только! Ты ж когда-то брался с покойным батьком (...)

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб ещё больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

— Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем всё, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, (...) вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— *Добре!* присылай сватов!

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принёс черевички! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица.

— Нет! нет! мне не нужно черевичков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей, — я и без черевичков... — Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошёл ближе, взял её за руку; красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуше загорелось, и она стала ещё лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

— А чья это такая размалёванная хата? — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

— Кузнеца Вакулы, — сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! — сказал преосвященный, разглядывая двери и

К. Лавро.

Иллюстрация к повести
Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством». 2006 г.

окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красными цветами. Это, однако ж, не всё: на стене сбоку, как войдёшь в церковь, намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «*Он бачь, яка така намалёвана!*» — и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвёл на Вакулу Петербург?
2. Как вы думаете, с какой целью пришли в Петербург запорожцы? О чём они хотели поговорить с царицей?
3. В какой момент Вакула обратился к императрице со своей просьбой и как она на неё отреагировала?
4. Как изменилось отношение к Вакуле Оксаны и казака Чуба после его возвращения из Петербурга?
5. За что похвалил кузнеца архиерей, проезжавший через Диканьку?
6. Охарактеризуйте особенности юмора в повести «Ночь перед Рождеством». Докажите, что всё произведение пронизано юмором.
7. Определите, какую роль играет украинская тема, а также тема борьбы между добром и злом в построении произведения.

8. Придумайте свои названия к иллюстрациям, помещённым в учебнике к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством».

Выучите наизусть понравившийся вам отрывок из повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством».

Сюжет повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством» послужил основой для создания многих музыкальных произведений. По мотивам этой повести было создано три оперы. П. Чайковский назвал свою оперу «Черевички», а оперы Н. Римского-Корсакова и Н. Лысенко называются, как у Н. Гоголя, — «Ночь перед Рождеством».

Используя ресурсы Интернета, найдите и посмотрите замечательный фильм режиссёра А. Роу «Вечера на хуторе близ Диканьки».

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС (1812–1870)

Классик мировой литературы, великий английский писатель Чарльз Диккенс родился в небольшом городке близ Портсмута в состоятельной семье. Родители очень любили своих детей, окружали их лаской и заботой. Чистый и тёплый мир детства навсегда вошёл в жизнь и творчество писателя, освещая даже самые тёмные стороны души его героев.

В семье любили и ценили занятия искусствами. Особенно отличался маленький Чарльз, который артистично читал стихи, импровизировал, разыгрывая сцены, создавал маленькие рассказы на основе своих впечатлений. Эти способности Ч. Диккенс развивал в течение всей жизни. Он был одним из самых блестящих чтецов-исполнителей своего времени, зарабатывал чтением лекций и отрывков из своих произведений. Актёрский талант позволял автору участвовать в любительских спектаклях, которые давались в благотворительных¹ целях.

Однако детство Ч. Диккенса не было абсолютно безоблачным. Когда ему исполнилось десять лет, его отца посадили в тюрьму за долги. За ничтожную плату Чарльзу пришлось работать на фабрике ваксы. Пережитые унижения и страдания не были забыты до конца жизни. Страх перед нищетой преследовал его даже тогда, когда благодаря труду и таланту он стал прославленным и обеспеченным писателем.

Кадр из кинофильма
«Оливер Твист».

Режиссёр
Р. Поланский. 2005 г.

Тогда же Ч. Диккенс узнал, что такое школы и приюты для бедных детей, прочувствовал полнейшее бесправие простых людей. Обо всём этом он написал в своих романах «Приключения Оливера Твиста», «Крошка Доррит», «Домби и сын», «Дэвид Копперфилд». Ч. Диккенс нашёл в себе силы выстоять в борьбе с неблагоприятными жизненными обстоятельствами и создать из необычных испытаний, страданий, превратностей и невзгод воображаемый мир. Писатель любил своих героев, искренне верил в перерождение и исправление падших душ, поэтому его книги наполнены добром и оптимизмом.

¹ Благотворительность — оказание материальной помощи неимущим.

Литературный комментарий

В Англии и по сей день Ч. Диккенса продолжают именовать творцом британского Рождества. Но заслуга писателя вовсе не в том, что он воспел индейку, «величиной с ребёнка», пудинг, огонь в очаге, фанты, жмурки, танцы и другие семейные радости любимого праздника англичан. Когда в 1843 г. Ч. Диккенс создал «*Рождественскую песнь в прозе*», то и не думал, что произведению суждено выйти далеко за пределы Великобритании и преодолеть временные границы. Весь мир полюбил эту святочную историю о перерождении скупого, чёрствого дельца Скруджа, потому что она дарит надежду на чудесное спасение. Нужно только захотеть покаяться и родиться заново.

Ч. Диккенсом написаны рождественские рассказы «*Колокола*», «*Битва жизни*», повести «*Сверчок за очагом*», «*Рецепты доктора Мериголда*».

Чарльз Диккенс считается основателем жанра *святочного (рождественского) рассказа*. Для этого жанра характерны такие черты: 1) атмосфера рождественского праздника. События происходят в канун Рождества Христова; 2) герой в состоянии духовного смятения или нужды; 3) в разрешении проблемы участвует чудо; 4) чудо — это не только вмешательство высших сил, но и счастливая случайность, совпадение как знак свыше; 5) светлый и радостный финал, в котором добро неизменно торжествует; 6) соединение фантастики и реальности.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ

Святочный рассказ с привидениями

(В сокращении)

Строфа¹ первая

Начать с того, что Марли был мёртв. Сомневаться в этом не приходилось. Свидетельство о его погребении было подписано священником, причетником, хозяином похоронного бюро и старшим могильщиком.

Скрудж и Марли были компаньонами с незапамятных времён. Скрудж был единственным доверенным лицом Марли, (...) его единственным законным наследником, его единственным другом и единственным человеком, который проводил его на кладбище. (...) Скрудж

¹ *Строфа* — так автор называет главу.

не вымарал имени Марли на вывеске. Оно красовалось там, над дверью конторы, еще годы спустя: «СКРУДЖ и МАРЛИ». Ну и сквальга¹ же он был, этот Скрудж! Вот уж кто умел выжимать соки, вытягивать жилы, вколачивать в гроб, загребать, захватывать, заграбастывать, вымогать... Умел, умел старый греховодник! Это был не человек, а кремeнь². Да, он был холоден и твёрд, как кремeнь, и ещё никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания. Скрытный, замкнутый, одинокий — он прятался как устрица в свою раковину. Душевный холод заморозил изнутри старческие черты его лица, заострил крючковатый нос, сморщил кожу на щеках, сковал походку, заставил посинеть губы и покраснеть глаза, сделал ледяным его скрипучий голос. И даже его щетинистый подбородок, редкие волосы и брови, казалось, заиндевели от мороза. Он всюду вносил с собой эту леденящую атмосферу. (...)

Ни один нищий не осмеливался протянуть к нему руку за подаяннем, ни один ребёнок не решался спросить у него, который час, и ни разу в жизни ни единая душа не попросила его указать дорогу. И вот однажды — и притом не когда-нибудь, а в самый Сочельник³, — старик Скрудж корпел у себя в конторе над счётными книгами. Была холодная, унылая погода, да к тому же ещё туман.

Скрудж держал дверь конторы приотворённой, дабы иметь возможность приглядывать за своим клерком⁴, который в тёмной маленькой каморке, вернее сказать чуланчике, переписывал бумаги. Если у Скруджа в камине угля было маловато, то у клерка и того меньше, — казалось, там тлеет один-единственный уголёк.

— С наступающим праздником, дядюшка! Желая вам хорошенько повеселиться на святках! — раздался жизнерадостный возглас. Это был голос племянника Скруджа.

— Вздор! — проворчал Скрудж. — Чепуха! (...)

— Это святки — чепуха, дядюшка? — переспросил племянник. — Верно, я вас не понял!

— Слыхали! — сказал Скрудж. — Повеселиться на святках! А ты-то по какому праву хочешь веселиться? Какие у тебя основания для веселья? Или тебе кажется, что ты ещё недостаточно беден?

— В таком случае, — весело отозвался племянник, — по какому праву вы так мрачно настроены, дядюшка? Какие у вас основания быть угрюмым? Или вам кажется, что вы ещё недостаточно богаты?

¹ *Сквальга* — скупой человек, жадина.

² *Кремeнь* — очень твёрдый камень.

³ *Сочельник* — день накануне Рождества Христова.

⁴ *Клерк* — рядовой конторский служащий.

На это Скрудж, не успев приготовить более вразумительного ответа, повторил своё «Вздор!» и присовокупил ещё «Чепуха!».

— Не ворчите, дядюшка, — сказал племянник.

— А что мне прикажешь делать, — возразил Скрудж, — ежели я живу среди таких остолопов, как ты? Весёлые святки! Весёлые святки! Да провались ты со своими святками! Да будь моя воля, — негодуя продолжал Скрудж, — я бы такого олуха, который бегаёт и кричит: «Весёлые святки! Весёлые святки!» — сварил бы живьём вместе с начинкой для святочного пудинга, а в могилу ему вогнал кол из остролиста¹.

— Дядюшка! — взмолился племянник.

— Племянник! — отрезал дядюшка. — Справляй свои святки как знаешь, а мне предоставь справлять их по-своему.

— Справлять! — воскликнул племянник. — Так вы же их никак не справляете!

— Тогда не мешай мне о них забыть. Много проку тебе было от этих святков! Много проку тебе от них будет!

— Мало ли есть на свете хороших вещей, от которых мне не было проку, — отвечал племянник. — Вот хотя бы и рождественские праздники. Но всё равно, помимо благоговения², которое испытываешь перед этим священным словом, и благочестивых воспоминаний, которые неотделимы от него, я всегда ждал этих дней как самых хороших в году. Это радостные дни — дни милосердия, доброты, всепрощения. Это единственные дни во всём календаре, когда люди, словно по молчаливому согласию, свободно раскрывают друг другу сердца и видят в своих ближних, — даже в неимущих и обездоленных, — таких же людей, как они сами, бредущих одной с ними дорогой к могиле, а не каких-то существ иной породы, которым подобает идти другим путём. А посему, дядюшка, хотя это верно, что на святках у меня ещё ни разу не прибавилось ни одной монетки в кармане, я верю, что Рождество приносит мне добро и будет приносить добро, и да здравствует Рождество!

— А вы, сэр, — обратился он к племяннику, — вы, я вижу, краснобай³. Удивляюсь, почему вы не в парламенте.

— Будет вам гневаться, дядюшка! Наведайтесь к нам завтра и ото-бедайте у нас.

Скрудж отвечал, что скорее он наведается к... Да, так и сказал, без всякого стеснения (...).

¹ *Остролист* — вечнозелёное дерево, которое использовали для украшения домов и праздничных блюд на Рождество. В Англии это растение стало символом Рождества.

² *Благоговение* — глубочайшее уважение и почтение.

³ *Краснобай* — искусный говорун, человек с даром красноречия.

— Очень жаль, что вы так непреклонны. Я ведь никогда не ссорился с вами, и никак не пойму, за что вы на меня сердитесь. И всё-таки я сделал эту попытку к сближению ради праздника. (...) Итак, желаю вам весёлого Рождества, дядюшка.

— Честь имею! — сказал Скрудж.

— И счастливого Нового года!

— Честь имею! — повторил Скрудж. И всё же племянник, покидая контору, ничем не выразил своей досады. (...)

Тем временем в контору Скруджа пришло двое новых посетителей. Они собирали пожертвования в пользу бедняков, чтобы купить им еду и тёплую одежду. Для этой цели они избрали Сочельник потому, что в эти дни нищета ощущается особенно остро. Но Скрудж наотрез отказался помочь нуждающимся.

(...) Меж тем за окном туман и мрак настолько сгустились, что на улицах появились факельщики, предлагавшие свои услуги — бежать впереди экипажей и освещать дорогу. Некий юный обладатель довольно ничтожного носа, к тому же порядком уже искусанного прожорливым морозом, который вцепился в него, как голодная собака в кость, прильнул к замочной скважине конторы Скруджа, желая прославить Рождество, но при первых же звуках святочного гимна:

Да пошлёт вам радость Бог,
Пусть ничто вас не печалит...

Скрудж так решительно схватил линейку, что певец в страхе бежал. Наконец пришло время закрывать контору. Скрудж с неохотой слез со своего высокого табурета, подавая этим безмолвный знак изнывавшему в чулане клерку, и тот мгновенно задул свечу и надел шляпу.

— Вы небось завтра вовсе не намерены являться на работу? — спросил Скрудж.

— Если только это вполне удобно, сэр.

— Это совсем неудобно, — сказал Скрудж, — и недобросовестно. Но если я удержу с вас за это полкроны, вы ведь будете считать себя обиженным, не так ли?

Клерк выдавил некоторое подобие улыбки.

— Однако, — продолжал Скрудж, — вам не приходит в голову, что я могу считать себя обиженным, когда плачу вам жалование даром.

Клерк заметил, что это бывает один раз в году.

— Довольно слабое оправдание для того, чтобы каждый год, двадцать пятого декабря, запускать руку в мой карман (...). Но, как видно, вы во что бы то ни стало хотите прогулять завтра целый день. Так извольте послезавтра явиться как можно раньше.

Скрудж съел свой унылый обед в унылом трактире, почитал газеты, посидел над приходно-расходной книгой, а затем отправился домой спать. Его квартира находилась в мрачном старом доме, в котором, кроме Скруджа, никто не жил. Открывая дверь ключом, он обратил внимание на дверной молоток. Скрудж видел его с того самого дня, как поселился в этом доме. Но сейчас колотушка напомнила ему лицо Марли. Скрудж во все глаза уставился на это диво, и лицо Марли тут же превратилось в дверной молоток.

Мы бы покрякивали душой, сказав, что Скрудж не был поражён и по жилам у него не пробежал тот холодок, которого он не ощущал с малолетства. Но после минутного колебания он снова решительно взялся за ключ, повернул его в замке, вошёл в дом и зажгёт свечу.

(...) Всё же, прежде чем захлопнуть за собой тяжёлую дверь своей квартиры, Скрудж прошёлся по комнатам, чтобы удостовериться, что всё в порядке. И не удивительно — лицо покойного Марли всё ещё стояло у него перед глазами.

Удовлетворившись осмотром, Скрудж запер дверь в квартиру — запер, заметьте, на два оборота ключа, что вовсе не входило в его привычки. (...)

— Что это значит? — произнёс Скрудж язвительно и холодно, как всегда. — Что вам от меня надобно?

— Очень многое. — Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что это голос Марли.

— Кто вы такой?

— Спроси лучше, кем я был?

— Кем же вы были в таком случае? — спросил Скрудж, повысив голос.

— При жизни я был твоим компаньоном, Джейкобом Марли.

— Не хотите ли вы... Не можете ли вы присесть? — спросил Скрудж, с сомнением вглядываясь в духа.

— Могу.

— Так сядьте.

Задавая свой вопрос, Скрудж не был уверен в том, что такое бестелесное существо в состоянии занимать кресло, и опасался, как бы не возникла необходимость в довольно щекотливых разъяснениях. Но призрак как ни в чём не бывало уселся в кресло по другую сторону камина. Казалось, это было самое привычное для него дело.

— Ты не веришь в меня, — заметил призрак.

— Нет, не верю, — сказал Скрудж. — Словом, всё это вздор! Вздор и вздор!

При этих словах призрак испустил (...) страшный вопль и принялся так неистово и жутко гремять цепями, что Скрудж вцепился в стул, боясь свалиться без чувств. Заломив руки, Скрудж упал на колени.

— Пошади! — взмолился он. — Ужасное видение, зачем ты мучаешь меня!

— Суетный ум! — отвечал призрак. — Веришь ты теперь в меня или нет?

— Верю, — воскликнул Скрудж. — Как уж тут не верить! Но зачем вы, духи, блуждаете по земле, и зачем ты явился мне?

— Душа, заключённая в каждом человеке, — возразил призрак, — должна общаться с людьми и, повсюду следуя за ними, соучаствовать в их судьбе. А тот, кто не исполнил этого при жизни, обречён мыкаться после смерти. Он осуждён колесить по свету и — о, горе мне! — взирать на радости и горести людские, разделить которые он уже не властен, а когда-то мог бы — себе и другим на радость.

И тут из груди призрака снова исторгся вопль, и он опять загремел цепями и стал ломать свои бестелесные руки.

— Ты в цепях? — пролепетал Скрудж, дрожа. — Скажи мне — почему?

— Я ношу цепь, которую сам сковал себе при жизни, — отвечал призрак. — (...) Разве вид этой цепи не знаком тебе?

Скруджа всё сильнее пробирала дрожь.

— Быть может, — продолжал призрак, — тебе хочется узнать вес и длину цепи, которую таскаешь ты сам? В некий Сочельник семь лет назад она была ничуть не короче этой и весила не меньше. А ты ведь немало потрудился над нею с той поры. Теперь это надёжная, увесистая цепь!

(...) Скрудж глянул себе под ноги, ожидая увидеть обвивавшую их железную цепь ядов сто длиной, но ничего не увидел.

— Джейкоб! — взмолился он. — Джейкоб Марли, старина! Поговорим о чём-нибудь другом! Утешь, успокой меня, Джейкоб!

— Я не приношу утешения, Эбинизер Скрудж! — отвечал призрак. — Оно исходит из иных сфер. Другие вестники приносят его и людям другого сорта. И открыть тебе всё то, что мне бы хотелось, я тоже не могу. Очень небольшое дозволено мне.

— Ты, должно быть, странствуешь не спеша, Джейкоб, — почтительно и смиренно, хотя и деловито заметил Скрудж.

— Не спеша! — фыркнул призрак.

— Семь лет как ты мертвец, — размышлял Скрудж. — И всё время в пути!

— Всё время, — повторил призрак. — И ни минуты отдыха, ни минуты покоя. Непрестанные угрызения совести.

— И быстро ты передвигаешься? — поинтересовался Скрудж.

— На крыльях ветра, — отвечал призрак.

— За семь лет ты должен был покрыть порядочное расстояние, — сказал Скрудж.

Услыхав эти слова, призрак снова испустил ужасающий вопль и так неистово загремел цепями, тревожа мёртвое безмолвие ночи, что постовой полисмен имел бы полное основание привлечь его к ответственности за нарушение общественной тишины и порядка.

— О раб своих пороков и страстей! — вскричало привидение. — Не знать того, что столетия неустанного труда душ бессмертных должны кануть в вечность, прежде чем осуществится всё добро, которому надлежит восторжествовать на земле! Не знать того, что каждая христианская душа, творя добро, пусть на самом скромном поприще, найдёт свою земную жизнь слишком быстротечной для безграничных возможностей добра! Не знать того, что даже веками раскаяния нельзя возместить упущенную на земле возможность сотворить доброе дело. А я не знал! Не знал!

— Но ты же всегда хорошо вёл свои дела, Джейкоб, — пробормотал Скрудж, который уже начал применять его слова к себе.

— Дела! — вскричал призрак, снова заламывая руки. — Забота о ближнем — вот что должно было стать моим делом. Общественное благо — вот к чему я должен был стремиться. Милосердие, сострадание, щедрость, вот на что должен был я направить свою деятельность. А занятия коммерцией — это лишь капля воды в безбрежном океане предначертанных нам дел.

И призрак потряс цепью, словно в ней-то и крылась причина всех его бесплодных сожалений, а затем грохнул ею об пол.

— В эти дни, когда год уже на исходе, я страдаю особенно сильно, — промолвило привидение. — О, почему, проходя в толпе ближних своих, я опускал глаза долу и ни разу не поднял их к той благословенной звезде¹, которая направила стопы волхвов к убогому крову. Ведь сияние её могло бы указать и мне путь к хижине бедняка.

У Скруджа уже зуб на зуб не попадал — он был чрезвычайно напуган тем, что призрак всё больше и больше приходит в волнение.

Кадр из мультфильма
«Рождественская история».
Режиссёр Р. Земекис (США). 2009 г.

¹ *Благословенная звезда* — звезда, возвестившая о рождении Иисуса Христа.

— Внемли мне! — вскричал призрак. — Моё время истекает.

— Я внемлю, — сказал Скрудж, — но пожалей меня. Джейкоб, не изъясняйся так возвышенно. Прошу тебя, говори попроще!

— Как случилось, что я предстал пред тобой, в облике, доступном твоему зрению, — я тебе не открою. Незримый, я сидел возле тебя день за днем.

Открытие было не из приятных. Скруджа опять затрясло как в лихорадке, и он отёр выступавший на лбу холодный пот.

— И, поверь мне, это была не лёгкая часть моего искуса, — продолжал призрак. — И я прибыл сюда этой ночью, дабы возвестить тебе, что для тебя еще не всё потеряно. Ты ещё можешь избежать моей участи, Эбинизер, ибо я похлопотал за тебя.

— Ты всегда был мне другом, — сказал Скрудж. — Благодарю тебя.

— Тебя посетят, — продолжал призрак, — ещё три Духа.

Теперь и у Скруджа отвисла челюсть.

— Уж не об этом ли ты похлопотал, Джейкоб, не в этом ли моя надежда? — спросил он упавшим голосом.

— В этом.

— Тогда... тогда, может, лучше не надо, — сказал Скрудж.

— Если эти Духи не явятся тебе, ты пойдешь по моим стопам, — сказал призрак. — Итак, ожидай первого Духа завтра, как только пробьёт час по полуночи.

— А не могут ли они прийти все сразу, Джейкоб? — робко спросил Скрудж. — Чтобы уж поскорее с этим покончить?

— Ожидай второго на следующую ночь в тот же час. Ожидай третьего — на третьи сутки в полночь, с последнем ударом часов. А со мной тебе уже не суждено больше встретиться. Но смотри, для своего же блага запомни твёрдо всё, что произошло с тобой сегодня.

Призрак начал пятиться к окну, и одновременно с этим рама окна стала потихоньку подыматься. С каждым его шагом она подымалась всё выше и выше, и когда он достиг окна, оно уже было открыто.

(...) Скрудж затворил окно и обследовал дверь, через которую проник к нему призрак Марли. Она была по-прежнему заперта на два оборота ключа, — ведь он сам её запер, — и все засовы были в порядке. Скрудж хотел было сказать «Чепуха!», но осёкся на первом же слогe. И то ли от усталости и пережитых волнений, то ли от разговора с призраком (...) Скрудж вдруг почувствовал, что его нестерпимо клонит ко сну. Не раздеваясь, он повалился на постель и тотчас заснул как убитый.

Вопросы и задания

1. Где и когда происходит действие рассказа? От чьего имени ведётся повествование?
2. Автор наделяет своего персонажа говорящей фамилией (Скрудж — *Scrooge*, от англ. глагола *screw* — притеснять, скаречничать). Докажите, что персонаж её полностью оправдывает.
3. Какие портретные детали особенно ярко характеризуют Скруджа?
4. Прочитайте в лицах диалог между Скруджем и его племянником. В чём отличие их отношения к Рождеству? Зачитайте высказывание племянника о ценностях Рождества. А что ценит в жизни Скрудж?
5. Как природа и описание дома дополняют характеристику Скруджа?
6. Расскажите о встрече Скруджа с призраком Марли. Из чего состояли цепи бывшего компаньона? Какую истину открывает призрак Скруджу? Что должно быть делом жизни человека?
7. Как вы понимаете слова призрака о том, что человеку нужно чаще поднимать свои глаза «к той благословенной звезде, которая направляла стопы волхвов к убогому крову» младенца Христа?

Строфа вторая Первый из трёх Духов

Когда Скрудж проснулся, было темно. Призрак Марли нарушил его покой. Вопрос: «Сон это или явь?» — снова вставал перед ним и требовал разрешения. И тут внезапно ему вспомнилось предсказание призрака — когда часы пробьют час, к нему явится ещё один посетитель. Скрудж решил бодрствовать, пока не пробьёт урочный час. Последние четверть часа гянулись так томительно долго, что Скрудж начал уже сомневаться, не пропустил ли он, задремав, бой часов. Он уже начал сомневаться в предсказаниях Марли, думая, что никто к нему не придёт.

— Час ночи! — воскликнул Скрудж, торжествуя. — И всё! И никого нет!

Он произнёс это прежде, чем услышал удар колокола. И тут же он прозвучал густой, гулкой, заунывный звон — ЧАС. В то же мгновение вспышка света озарила комнату, и чья-то невидимая рука откинула полог кровати.

(...) Скрудж увидел перед собой очень странное существо, похожее на ребёнка, но ещё более на старичка, видимого словно в какую-то сверхъестественную подзорную трубу, которая отдаляла его на такое расстояние, что он уменьшился до размеров ребёнка. Его длинные рассыпавшиеся по плечам волосы были белы, как волосы старца, однако на лице не видно было ни морщинки и на щеках играл нежный румянец. Руки у него были очень длинные и мускулистые, а кисти рук производили впечатление недюжинной силы. Ноги — обнаженные так же, как и руки, — поражали изяществом формы. Облачено это существо

было в белоснежную тунику¹, подпоясанную дивно сверкающим кушаком, и держало в руке зелёную ветку остролиста, а подол его одеяния, в странном несоответствии с этой святочной эмблемой зимы, был украшен живыми цветами. Но что было удивительнее всего, так это яркая струя света, которая была у него из макушки вверх в освещала всю его фигуру. Это, должно быть, и являлось причиной того, что под мышкой призрак держал гасилку в виде колпака, служившую ему, по видимому, головным убором в тех случаях, когда он не был расположен самоосвещаться.

— Кто вы, сэр? — спросил Скрудж. — Не тот ли вы Дух, появление которого было мне предсказано?

— Да, это я.

Голос Духа звучал мягко, даже нежно, и так тихо, словно долетал откуда-то издалека, хотя Дух стоял рядом.

— Кто вы или что вы такое? — спросил Скрудж.

— Я — Святочный Дух Прошлых Лет.

(...) Скруджу вдруг нестерпимо захотелось, чтобы Дух надел свой головной убор. Почему возникло у него такое желание, Скрудж, вероятно, и сам не смог бы объяснить, если бы это потребовалось, но так или иначе он попросил привидение надеть колпак.

— Как! — вскричал Дух. — Ты хочешь своими нечистыми руками погасить благой свет, который я излучаю? Тебе мало того, что ты — один из тех, чьи пагубные страсти создали эту гасилку и вынудили меня год за годом носить её, надвинув на самые глаза!

Скрудж как можно почтительнее заверил Духа, что он не имел ни малейшего намерения его обидеть и, насколько ему известно, никогда и ни при каких обстоятельствах не мог принуждать его к ношению колпака. Затем он позволил себе осведомиться, что привело Духа к нему.

— Забота о твоём благе, — ответил Дух. (...)

С этими словами он протянул к Скруджу свою сильную руку и легко взял его за локоть.

— Встань! И следуй за мной! (...)

С этими словами он прошёл сквозь стену, увлекая за собой Скруджа, и они очутились на пустынной просёлочной дороге, по обеим сторонам которой расстились поля. Город скрылся из глаз. (...) Был холодный, ясный, зимний день, и снег устилал землю.

— Боже милостивый! — воскликнул Скрудж, всплеснув руками и озираясь по сторонам. — Я здесь рос! Я бегал здесь мальчишкой!

¹ *Туніка* — одежда в форме мешка с отверстием для головы и рук, обычно покрывавшая всё тело от плеч до бёдер.

Дух обратил к Скруджу кроткий взгляд. Его лёгкое прикосновение, сколь ни было оно мимолётно и невесомо, разбудило какие-то чувства в груди старого Скруджа. Ему чудилось, что на него повеяло тысячью запахов, и каждый запах будил тысячи воспоминаний о давным-давно забытых думах, стремлениях, радостях, надеждах.

— Твои губы дрожат, — сказал Дух. — А что это катится у тебя по щеке?

Скрудж срывающимся голосом, — пробормотал, что это так, пустяки, и попросил Духа вести его дальше.

— Узнаешь ли ты эту дорогу? — спросил Дух.

— Узнаю ли я? — с жаром воскликнул Скрудж. — Да я бы прошёл по ней с закрытыми глазами.

— Не странно ли, что столько лет ты не вспоминал о ней! — заметил Дух. — Идём дальше.

Они пошли по дороге в страну воспоминаний. Скрудж увидел небольшой городок с церковью, рыночной площадью и мостом над прихотливо извивающейся речкой. Навстречу ехали мальчишки верхом на косматых лошадей или в тележках и двуколках, которыми правили фермеры. Это родители забирали детей из школы домой на Рождество. Он вспомнил, как все радовались празднику, и чувство умиления вдруг наполнило душу Скруджа. А ещё он увидел мальчика, который остался в школе один, но случилось рождественское чудо — за ним приехала его маленькая сестричка. Этим мальчиком был Скрудж, который тогда верил в Рождество.

(...) И тут же, с внезапностью, столь несвойственной его характеру, Скрудж, глядя на самого себя в ребячьем возрасте, вдруг преисполнился жалости и, повторяя:

— Бедный, бедный мальчуган! — снова заплакал. — Как бы я хотел... — пробормотал он затем, утирая глаза рукавом, и сунул руку в карман. Потом, оглядевшись по сторонам, добавил: — Нет, теперь уж поздно.

— А чего бы ты хотел? — спросил его Дух.

— Да ничего, — отвечал Скрудж. — Ничего. Вчера вечером какой-то мальчуган запел святочную песню у моих дверей. Мне бы хотелось дать ему что-нибудь, вот и всё.

Дух задумчиво улыбнулся и, взмахнув рукой, сказал:

— Поглядим на другое Рождество.

Кадр из мультфильма
«Рождественская история».
Режиссёр Р. Земекис (США). 2009 г.

При этих словах Скрудж-ребёнок словно бы подрос на глазах, а комната, в которой они находились, стала ещё темнее и грязнее. Теперь видно было, что панели в ней рассохлись, оконные рамы растрескались, от потолка отвалились куски штукатурки, обнажив дранку. Но когда и как это произошло, Скрудж знал не больше, чем мы с вами. Он знал только, что так и должно быть, что именно так всё и было. И снова он находился здесь совсем один, в то время как все другие мальчики отправились домой встречать весёлый праздник.

(...) Дверь распахнулась, и маленькая девочка, несколькими годами моложе мальчика, вбежала в комнату. Кинувшись к мальчику на шею, она принялась целовать его, называя своим дорогим братцем.

— Я приехала за тобой, дорогой братец! (...) Ты поедешь со мной домой! Домой! Домой!

— Домой, малютка Фэн? — переспросил мальчик.

— Ну, да! — воскликнуло дитя, сияя от счастья. — Домой! Совсем! Навсегда! Отец стал такой добрый, совсем не такой, как прежде, и дома теперь как в раю. Вчера вечером, когда я ложилась спать, он вдруг заговорил со мной так ласково, что я не побоялась, — взяла и попросила его ещё раз, чтобы он разрешил тебе вернуться домой. И вдруг он сказал: «Да, пускай приедет», и послал меня за тобой. И теперь ты будешь на-стоящим взрослым мужчиной, (...) и никогда больше не вернёшься сюда. Мы проведём вместе все святки, и как же мы будем веселиться!

— Ты стала совсем взрослой, моя маленькая Фэн! — воскликнул мальчик.

Девочка снова засмеялась, (...) встала на цыпочки и обхватила его за шею. Затем, исполненная детского нетерпения, потянула его к дверям, и он с охотой последовал за ней. (...)

(...) — Хрупкое создание! — сказал Дух. — Казалось, самое лёгкое дуновение ветерка может её погубить. Но у неё было большое сердце.

— О да! — вскричал Скрудж. — Ты прав, Дух (...)!

— Она умерла уже замужней женщиной, — сказал Дух. — И помнит, после неё остались дети.

— Один сын, — поправил Скрудж.

— Верно, — сказал Дух. — Твой племянник.

Скруджу стало как будто не по себе, и он буркнул:

— Да.

Всего секунду назад они покинули школу, и вот уже стояли на людной улице (...). Словом, они очутились в самой гуще шумной городской толчеи. Празднично разубранные витрины магазинов не

оставляли сомнения в том, что снова наступили святки. Но на этот раз был уже вечер, и на улицах горели фонари.

Дух остановился у дверей какой-то лавки и спросил Скруджа, узнаёт ли он это здание.

— Ещё бы! — воскликнул Скрудж. — Ведь меня когда-то отдали сюда на обучение!

Они вступили внутрь. При виде старого джентльмена в парике, восседавшего за такой высокой конторкой, что, будь она ещё хоть на два дюйма выше, голова у него упёрлась бы в потолок, Скрудж в неопределимом волнении воскликнул:

— Господи, спаси и помилуй! Да это же старикан Физзиуиг, живёхонек! (...)

Скрудж вспомнил праздник Рождества в годы обучения, когда в Сочельник хозяин разрешал закончить работу пораньше и магазин превращался в празднично убранный зал. В нём накрывали рождественский ужин, устраивали танцы, игры, фанты. Теперь, глядя на это, Скрудж как бы участвовал во всем, что происходило, всё припоминал, всему радовался и испытывал неизъяснимое волнение.

(...) Когда сияющие физиономии Дика и юноши Скруджа скрылись из глаз, вспомнил он о Духе и заметил, что тот пристально смотрит на него, а сноп света у него над головой горит необычайно ярко.

— Как немного нужно, чтобы заставить этих простаков преисполниться благодарности, — заметил Дух.

(...) Дух сделал ему знак прислушаться к задушевной беседе двух учеников, которые расточали хвалы Физзиуигу, а когда Скрудж повиновался ему, сказал:

— Ну что? Разве я не прав? Ведь он истратил сущую безделицу — всего три-четыре фунта того, что у вас на земле зовут деньгами. Заслуживает ли он таких похвал?

— Да не в этом суть, — возразил Скрудж, задетый за живое его словами и не замечая, что рассуждает не так, как ему свойственно, а как прежний юноша Скрудж. — Не в этом суть, Дух. Ведь от Физзиуига зависит сделать нас счастливыми или несчастными, а наш труд — лёгким или тягостным, превратить его в удовольствие или в муку. Пусть он делает это с помощью слова или взгляда, с помощью

В. Барыба. Иллюстрация к рассказу Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». 2012 г.

чего-то столь незначительного и невесомого, чего нельзя ни исчислить, ни измерить, — всё равно добро, которое он творит, стоит целого состояния. — Тут Скрудж почувствовал на себе взгляд Духа и запнулся.

— Что же ты умолк? — спросил его Дух. (...)

— Пустое, — сказал Скрудж, — пустое. Просто мне захотелось сказать два-три слова моему клерку. Вот и всё.

Тем временем юноша Скрудж погасил лампу. И вот уже Скрудж вместе с Духом опять стояли под открытым небом.

— Моё время истекает, — заметил Дух. — Поспеши!

Слова эти не относились к Скруджу, а вокруг не было ни души, и тем не менее они тотчас произвели своё действие, Скрудж снова увидел самого себя. Но теперь он был уже значительно старше — в расцвете лет. Черты лица его ещё не стали столь резки и суровы, как в последние годы, но заботы и скопидомство¹ уже наложили отпечаток на его лицо. Беспокойный, алчный блеск появился в глазах, и было ясно, какая болезненная страсть пустила корни в его душе и что станет с ним, когда она вырастет и черная её тень поглотит его целиком.

Он был не один. Рядом с ним сидела прелестная молодая девушка в трауре. Слёзы на её ресницах сверкали в лучах исходившего от Духа сияния.

— Ах, всё это так мало значит для тебя теперь, — говорила она тихо. — Ты поклоняешься теперь иному божеству (...).

— Что это за божество, которое вытеснило тебя? — спросил Скрудж.

— Деньги.

— Нет справедливости на земле! — молвил Скрудж. — Беспощаднее всего казнит свет бедность, и не менее сурово — на словах, во всяком случае, — осуждает погоню за богатством.

Кадр из мультфильма
«Рождественская история».
Режиссёр Р. Земекис (США). 2009 г.

— Ты слишком трепещешь перед мнением света, — кротко укорила она его. Разве не видела я, как все твои благородные стремления гибли одно за другим и новая всепобеждающая страсть, страсть к наживе, мало-помалу завладела тобой целиком!

— Ну и что же? — возразил он. — Что плохого, даже если я и поумнел наконец? Моё отношение к тебе не изменилось.

Она покачала головой.

¹ Скопидомство — страсть к накоплению; чрезмерная бережливость.

— Разве не так?

— Наша помолвка — дело прошлое. Оба мы были бедны тогда и довольствовались тем, что имели, надеясь со временем увеличить наш достаток терпеливым трудом. Но ты изменился с тех пор. В те годы ты был совсем иным.

— Я был мальчишкой, — нетерпеливо отвечал он.

— Ты сам знаешь, что ты был не тот, что теперь, — возразила она. — А я всё та же. И то, что сулило нам счастье, когда мы были как одно существо, теперь, когда мы стали чужими друг другу, превращает нас только горе. (...) Да, я много думала и решила вернуть тебе свободу.

— Разве я когда-нибудь просил об этом?

— На словах — нет. Никогда.

— А каким же ещё способом?

— Всем своим новым, изменившимся существом. У тебя другая душа, другой образ жизни, другая цель. И она для тебя важнее всего. И это сделало мою любовь ненужной для тебя. Она не имеет цены в твоих глазах. Признайся, (...) если бы эти узы не связывали нас, разве стал бы ты теперь домогаться моей любви, стараться меня завоевать? О нет!

Ведь не могу же я поверить, что, став свободным от всяких обязательств, ты взял бы в жены бесприданницу¹! Это — ты-то! Да ведь даже изливая мне свою душу, ты не в состоянии скрыть того, что каждый твой шаг продиктован корыстью!

И я освобождаю тебя от твоего слова. Освобождаю по доброй воле — во имя моей любви к тому, кем ты был когда-то.

С этими словами она покинула его, и они расстались навсегда.

— Дух! — вскричал Скрудж. — Я не хочу больше ничего видеть. Отведи меня домой. Неужели тебе доставляет удовольствие терзать меня!

— Ты увидишь ещё одну тень прошлого, — сказал Дух.

— Ни единой, — крикнул Скрудж. — (...) Не показывай мне больше ничего!

Но неумолимый Дух, возложив на него обе руки, заставил взирать на то, что произошло дальше.

Скруджу открылась картина простого семейного счастья. Девушка, с которой он когда-то был помолвлен, счастлива в замужестве и материнстве. Такой могла быть и его жизнь, если бы жадность и расчётливость не взяли верх над любовью. Семья бывшей невесты Скруджа сочувствует ему. Теперь, когда умер его компаньон, он остался один, как перст, на всём белом свете.

¹ *Бесприданница* — девушка, у которой нет приданого для вступления в брак.

— Дух! — произнёс Скрудж надломленным голосом. — Уведи меня отсюда. (...) Я не могу это вынести.

Он повернулся к Духу и увидел, что в лице его каким-то непостижимым образом соединились отдельные черты всех людей, которых тот ему показывал. Вне себя Скрудж сделал отчаянную попытку освободиться.

— Пусти меня! Отведи домой! За что ты преследуешь меня!

Борясь с Духом, — если это можно назвать борьбой, ибо Дух не оказывал никакого сопротивления и даже словно бы не замечал усилий своего противника, — Скрудж увидел, что сноп света у Духа над головой разгорается всё ярче и ярче. Безотчётно чувствуя, что именно здесь скрыта та таинственная власть, которую имеет над ним это существо, Скрудж схватил колпак-гасилку и решительным движением нахлобучил Духу на голову.

Дух как-то сразу осел под колпаком, и он покрыл его до самых пят. Но как бы крепко ни прижимал Скрудж гасилку к голове Духа, ему не удалось потушить света, струившегося из-под колпака на землю.

Страшная усталость (...) овладела Скруджем. Его стало непреодолимо клонить ко сну, и в ту же секунду он увидел, что снова находится у себя в спальне. В последний раз надавил он что было мочи на колпак-гасилку, (...) и, повалившись на постель, он уснул мёртвым сном.

Вопросы и задания

1. Что возвестило Скруджу появление Святочного Духа Прошлых Лет? Какие признаки рождественского праздника отражены в его облике? Как он объяснил Скруджу цель своего прихода?
2. Какие воспоминания о Рождестве пробудил у Скруджа Дух Прошлых Лет? Как герой относился к Рождеству в юные годы?
3. Почему поступки других людей, связанные с воспоминаниями мальчика Эбинизера о Рождестве, заставили Скруджа подумать о своём поведении и испытать угрызения совести?
4. Прочитайте описание молодого Скруджа. Как черты его внешности показывают изменения в его душе?
5. По какой причине расстроилась помолвка молодого Скруджа? Что это за «*божество*», которому он стал рьяно поклоняться?
6. О каких несбывшихся мечтах напомнили Скруджу тени прошлого? В чём причина того, что он «*один, как перст, на всём белом свете*»?
7. Как вы думаете, почему Скруджу захотелось, но не удалось погасить свет, струившийся из-под колпака Святочного Духа Прошлых Лет? В чём сила этого света?

Строфа третья Второй из трёх Духов

(...) Когда часы на колокольне пробили час и никакого привидения не появилось, Скруджа затрясло как в лихорадке. Прошло ещё пять минут, десять, пятнадцать — ничего. Однако всё это время Скрудж, лёжа на кровати, находился как бы в самом центре багрово-красного сияния, которое, лишь только часы пробили один раз, начало струиться непонятно откуда, и именно потому, что это было всего-навсего сияние и Скрудж не мог установить, откуда оно взялось и что означает, оно казалось ему страшнее целой дюжины привидений. (...)

Скрудж подумал всё же, наконец, что источник призрачного света может находиться в соседней комнате, откуда, если приглядеться внимательнее, этот свет и струился.

Лишь только рука его коснулась дверной щеколды, какой-то незнакомый голос, назвав его по имени, повелел ему войти. Скрудж повиновался. (...)

Скрудж увидел, что его комната странно изменилась. Стены и потолок были убраны живыми растениями, которыми традиционно украшают дома на Рождество, а в камине гудело жаркое пламя. На полу, словно трон, лежали горы еды, которую даже в самых бедных семьях подают на этот праздник. От неё исходил восхитительный запах. А на этом странном троне величаво восседал весёлый и сияющий великан с факелом — Дух Нынешних Святков. Скрудж сказал ему, что получил хороший урок от Святочного Духа Прежних Лет и готов изменяться дальше. Но если первую ночь он шёл по принуждению, то теперь он идёт с Духом сознательно.

Они оказались на городской улице. В это морозное утро всё дышало радостью и весельем. Люди готовились встречать Рождество: чистили улицы, покупали в лавках вкусную еду. Дух Нынешних Святков покровительствовал всем, но особенно был милостив к беднякам. Скрудж и Дух незримо присутствовали в семье его клерка — Боба Крэтчита на рождественском ужине.

(...) На пороге дома Боба Крэтчита Дух остановился и с улыбкой окропил его жилище из своего светильника. Подумайте только! Жилище Боба, который и получал-то всего каких-нибудь пятнадцать «бобииков», сиречь шиллингов, в неделю! (...) И тем не менее святочный Дух удостоил своего благословения все его четыре каморки.

Тут встала миссис Крэтчит, супруга мистера Крэтчита, в дешёвом, дважды перелицованном, но зато щедро отделанном лентами туалете — всего на шесть пенсов ленты, а какой вид! — и расстелила на столе скатерть, в чём ей оказала помощь Белинда Крэтчит, её вторая дочка, тоже щедро отделанная лентами, а юный Питер Крэтчит погузил тем

временем вилку в кастрюлю с картофелем, и когда концы гигантского воротничка (эта личная собственность Боба Крэтчита перешла по случаю великого праздника во владение его сына, и прямого наследника) полезли от резкого движения ему в рот, почувствовал себя таким франтом, что загорелся желанием немедленно щегольнуть своим крахмальным бельём на великосветском гулянье в парке. Тут в комнату с визгом ворвались ещё двое Крэтчитов — младший сын и младшая дочка — и, захлебываясь от восторга, оповестили, что возле пекарни пахнет жареным гусём и они сразу по запаху учуяли, что это жарится их гусь.

— Куда это запропастился ваш бесценный папенька? — спросила миссис Крэтчит. — И ваш братец Малютка Тим! Да и Марте уже полчаса как надо бы прийти. В прошлое Рождество она не запаздывала так.

— Марта здесь, маменька, — произнесла молодая девушка, появляясь в дверях.

— Ладно! Слава Богу, что пришла наконец! — сказала миссис Крэтчит. — Садись поближе к огню, душенька моя, обогрейся.

— (...) Папенька идёт! — запищали младшие Крэтчиты, которые умудрились поспевать решительно всюду. В дверях появился сам отец семейства — щуплый человечек в поношенном костюме, подштанном и вычищенном сообразно случаю, в тёплом шарфе, свисавшем спереди фута на три, не считая бахромы, и с Малюткой Тимом на плече. Бедняжка Тим держал в руке маленький костыль, а ноги у него были в металлических шинах (...).

— А как вёл себя наш Малютка Тим? — осведомилась миссис Крэтчит (...).

— Это не ребёнок, а чистое золото, — отвечал Боб. Возвращаемся мы с ним домой, а он вдруг и говорит мне: хорошо, дескать, что его видели в церкви. Ведь он калека, и, верно, людям приятно, глядя на него, вспомнить в первый день Рождества, кто заставил хромых ходить и слепых сделал зрячими.

Голос Боба заметно дрогнул, когда он заговорил о своём маленьком сыночке, а когда он прибавил, что Тим день ото дня становится всё крепче и здоровее, голос у него задрожал ещё сильнее. (...)

(...) Появление гуся произвело невообразимую суматоху. Можно было подумать, что эта домашняя птица такой феномен, по сравнению с которым чёрный лебедь самое заурядное явление. А впрочем, в этом бедном жилище гусь и впрямь был диковинкой. (...).

(...) Но вот стол накрыт. Прочли молитву. (...) Все затаили дыхание, (...) и даже Малютка Тим, подстрекаемый младшими Крэтчитами, постучал по столу рукояткой ножа и слабо пискнул:

— Ура!

Но вот мисс Белинда сменила тарелки, и миссис Крэтчит в полном одиночестве покинула комнату, дабы вынуть пудинг из котла. И вот появляется миссис Крэтчит — раскрасневшаяся, запыхавшаяся, но с горделивой улыбкой на лице и с пудингом на блюде, — таким необычайно твёрдым и крепким, что он более всего похож на рябое пушечное ядро. Пудинг охвачен со всех сторон пламенем от горящего рома и украшен рождественской веткой остролиста, воткнутой в самую его верхушку. О дивный пудинг! (...)

(...) Но вот с обедом покончено, скатерть убрали со стола, в камине подмели, разожгли огонь. (...) Затем всё семейство собралось у камина (...). По правую руку Боба выстроилась в ряд вся коллекция фамильного хрустала: два стакана и кружка с отбитой ручкой.

(...) Боб наполнял их из кувшина, лицо его сияло, а каштаны на огне шипели и лопались с весёлым треском. Затем Боб провозгласил:

— Весёлых святок, друзья мои! И да благословит нас всех Господь! И все хором повторили его слова.

— Да осенит нас Господь своею милостью! — промолвил и Малютка Тим, когда все умолкли.

Он сидел на своей маленькой скамеечке, тесно прижавшись к отцу. Боб любовно держал в руке его худенькую ручонку, словно боялся, что кто-то может отнять у него сынишку, и хотел всё время чувствовать его возле себя.

— Дух, — сказал Скрудж, охваченный сочувствием, которого никогда прежде не испытывал, — скажи мне, Малютка Тим будет жить?

— Я вижу пустую скамеечку возле этого нищего очага, — отвечал Дух. — И костыль, оставшийся без хозяина, но хранимый с любовью. Если Будущее не внесёт в это изменений, (...) дитя не доживёт до следующих святок. Но что за беда? Если ему суждено умереть, пускай себе умирает, и тем сократит излишек населения!

Услышав, как Дух повторяет его собственные слова, Скрудж повесил голову, терзаемый раскаянием и печалью.

— Человек! — сказал Дух. — Если в груди у тебя сердце, а не камень, остерегись повторять эти злые и пошлые слова, пока тебе ещё не дано узнать, ЧТО есть излишек и ГДЕ он есть. Тебе ли решать, кто из людей должен жить и кто — умереть? Быть может, ты сам в глазах небесного судии куда менее достоин жизни, нежели миллионы таких, как ребёнок этого бедняка. (...) Скрудж согнулся под тяжестью этих укоров и потупился, трепеща. Но тут же поспешно вскинул глаза, услышав своё имя.

— За здоровье мистера Скруджа! — сказал Боб. — Я предлагаю тост за мистера Скруджа, без которого не справить бы нам этого праздника.

— Скажешь тоже — не справить! — вскричала миссис Крэтчит, вспыхнув. — Жаль, что его здесь нет. Я бы такой тост предложила за его здоровье, что, пожалуй, ему не поздоровилось бы!

— Моя дорогая! — укорил её Боб. — При детях! В такой день!

— Да уж воистину только ради этого великого дня можно пить за здоровье такого гадкого, бесчувственного, жадного скареды¹, как мистер Скрудж, — заявила миссис Крэтчит. — И ты сам это знаешь, Роберт! Никто не знает его лучше, чем ты, бедняга!

— Моя дорогая, — кротко отвечал Боб. — Сегодня Рождество.

— Так и быть, выпью за его здоровье ради тебя и ради праздника, — сказала миссис Крэтчит. — Но только не ради него. Пусть себе живёт и здравствует. пожелаем ему весёлых святок и счастливого Нового года. То-то он будет весел и счастлив, могу себе представить!

Мистер Скрудж был злым гением этой семьи. Упоминание о нём чёрной тенью легло на праздничное сборище, и добрых пять минут ничто не могло прогнать эту мрачную тень.

Но когда она развеялась, им стало ещё веселее, чем прежде, от одного сознания, что со Скруджем-сквальжником на сей раз покончено.

Дух Нынешних Святок и Скрудж снова отправились в путешествие. Они увидели, как славят Рождество живущие среди болот рудокопы, смотрители маяка, моряки. Кругом царил атмосфера любви и радости. Люди находили добрые слова и пожелания друг для друга, для тех, кто был рядом с ними и кто отсутствовал. Но вот Дух Нынешних Святок и Скрудж снова оказались в городе, в доме его племянника Фреда.

Итак, племянник Скруджа покатывался со смеху, держась за бока, тряся головой и строя самые уморительные гримасы, а его жена, племянница Скруджа по мужу, глядя на него, смеялась столь же весело. (...) Да и гости не отставали от хозяев — и тоже хохотали во все горло:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

(...) — Он сказал, что святки — это вздор, чепуха, чтоб мне пропасть! — кричал племянник Скруджа. — И ведь всерьёз сказал, ей-богу! (...)

Он забавный старый чужак (...). Не особенно приветлив, конечно, ну что ж, его пороки несут в себе и наказание, и я ему не судья.

— Он ведь очень богат, Фред, — заметила племянница. (...)

— Да что с того, моя дорогая, — сказал племянник. — Его богатство ему не впрок. Оно и людям не приносит добра и ему не доставляет

¹ *Скареда* — скряга, скупец.

радости. Он лишил себя даже приятного сознания, что... ха-ха-ха!, что он может когда-нибудь осчастливить своими деньгами нас.

— Терпеть я его не могу! — заявила племянница, и сёстры племянницы, да и все прочие дамы выразили совершенно такие же чувства.

— Ну, а по мне он ничего, — сказал племянник. — Мне жаль его, и я не могу питать к нему неприязни, даже если б захотел. Кто страдает от его злых причуд? Он сам — всегда и во всём. (...) Я хотел только заметить, (...) что его антипатия к нам и нежелание повеселиться с нами вместе лишили его возможности провести несколько часов в приятном обществе, что не причинило бы ему вреда. Это, я думаю, во всяком случае приятнее, чем сидеть наедине со своими мыслями в старой, заплесневелой конторе или в его замшелой квартире. И я намерен пригласить его к нам каждый год, хочет он того или нет, потому что мне его жаль. Он может до конца дней своих хулить святки, но волей-неволей станет лучше судить о них, если из года в год я буду приходить к нему и говорить от чистого сердца: «Как поживаете, дядюшка Скрудж?» Если это расположит его хотя бы к тому, чтобы отписать в завещании своему бедному клерку пятьдесят фунтов — с меня и того довольно. Мне, кстати, сдаётся, что мои слова тронули его вчера. (...)

В доме племянника угощались, играли в жмурки, фанты, а потом племянник предложил тост за дядюшку Скруджа.

— Пожелаем старику, где бы он сейчас ни находился, весёлого Рождества и счастливого Нового года! — указал племянник. — Он не захотел принять от меня этих пожеланий, но пусть они всё же сбудутся. Итак, за дядюшку Скруджа!

(...) Далеко-далеко лежал их путь, и немало посетили они жилищ, (...) и везде приносили людям радость и счастье. Дух стоял у изголовья больного, и больной ободрялся и веселел; он приближался к скипальцам, тоскующим на чужбине, и им казалось, что отчизна близко; к изнемогающим в житейской борьбе — и они окрылялись новой надеждой; к беднякам — и они обретали в себе богатство. В тюрьмах, больницах и богадельнях¹, в убогих приютах нищеты — всюду, где суетность и жалкая земная гордыня не закрывают сердца человека перед благодатным духом праздника, — всюду давал он людям своё благословение и учил Скруджа заповедям милосердия.

¹ *Богадельня* — благотворительное учреждение для содержания бедных престарелых лиц, а также людей, неспособных к труду, инвалидов.

На прощание Дух показал Скруджу двух несчастных, изможденных детей. Имя мальчика — Невежество. Имя девочки — Нищета. Именно они ведут человечество к гибели, а такие, как Скрудж, этому помогают, используя нищету и невежество людей в своих корыстных целях.

В это мгновение часы пробили полночь.

Скрудж оглянулся, ища Духа, но его уже не было. Когда двенадцатый удар колокола прогудел в тишине, Скрудж вспомнил предсказание Джейкоба Марли и, подняв глаза, увидел величественный призрак, закутанный с ног до головы в плащ с капюшоном и, подобно облаку или туману, плывший над землёй к нему навстречу.

Строфа четвёртая Последний из Духов

Дух приближался — безмолвно, медленно, сурово. И когда он был совсем близко, такой мрачной таинственностью повеяло от него на Скруджа, что тот упал перед ним на колени. (...)

— Дух Будущих Святых, не ты ли почтил меня своим посещением? — спросил, наконец, Скрудж.

Дух ничего не ответил, но рука его указала куда-то вперёд.

— Ты намерен открыть мне то, что ещё не произошло, но должно произойти в будущем? (...) Не так ли, Дух?

Складки одеяния, ниспадающего с головы Духа, слегка шевельнулись, словно Дух кивнул. Другого ответа Скрудж не получил. (...)

— Дух Будущих Святых! — воскликнул Скрудж. — Я страшусь тебя. Ни один из являвшихся мне призраков не пугал меня так, как ты. Но я знаю, что ты хочешь мне добра, а я стремлюсь к добру и надеюсь стать отныне другим человеком и потому готов с сердцем, исполненным благодарности следовать за тобой. Разве ты не хочешь сказать мне что-нибудь?

Призрак ничего не ответил. Рука его по-прежнему была простёрта вперёд.

— Ведименя! — сказал Скрудж — Веди! Ночь быстро близится к свету, и каждая минута для меня драгоценна — я знаю это (...).

Привидение привело Скруджа на биржу. Там он увидел знакомых дельцов, живо обсуждавших чью-то смерть. Никто не высказывал сожаления об умершем. Гораздо больше волновал вопрос, кому достанется его деньги. Они шутили, говоря, что согласятся проводить покойного на кладбище, если будут хорошие поминки. Скрудж не понял, о ком идёт речь, однако решение изменить образ жизни укрепились в нём ещё сильнее.

Покинув это оживлённое место, они углубились в глухой район трущоб. Здесь в лавке торговца краденным Скрудж увидел людей, которые поживились скудным добром покойного. Из грубых слов в адрес умершего Скрудж узнал, что добыча их невелика — покойник был очень жадным и не тратил денег даже на себя. Но, по словам служанки, если бы он жил достойно, то нашлись бы те, кто не бросил бы его в трудную минуту.

В. Барыба. Иллюстрация к рассказу Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». 2012 г.

(...) Скрудж в ужасе (...) прислушивался к её словам. Он смотрел на этих людей, собравшихся вокруг награбленного добра при скудном свете лампы, и испытывал (...) негодование и омерзение (...).

— Ха-ха-ха! — рассмеялась поленщица, когда старикашка Джо достал фланелевый мешочек, отсчитал несколько монет и разложил их кучками на полу — каждому его долю. — Вот как всё вышло! Видали? Пока был жив, он всех от себя отваживал, будто нарочно, чтоб мы могли поживиться на нём, когда он упокоится. Ха-ха-ха!

— Дух! — промолвил Скрудж, дрожа с головы до пят. — Я понял, понял! Участь этого несчастного могла быть и моей участью. Всё шло к тому... Боже милостивый, это ещё что?

Он отпрянул в неизъяснимом страхе, ибо всё изменилось вокруг и теперь он стоял у изголовья чьей-то кровати (...) неприбранной кровати без полога, на которой под рваной простыней лежал кто-то, хотя и безгласный, но возвещавший о своей судьбе леденящим душу языком.

В комнате было темно, слишком темно, чтобы кто-нибудь разглядеть, хотя Скрудж (...) озирался по сторонам, стараясь понять, где он находится. Только слабый луч света, проникавший откуда-то извне, падал прямо на кровать, где ограбленный, обездоленный, необмытый, неоплаканный, покинутый всеми — покоился мертвец.

Скрудж взглянул на Духа. Его неподвижная рука указывала на голову покойника. Простыня была так небрежно наброшена на труп, что Скруджу стоило чуть приподнять край — только пальцем пошевелить, — и он увидел бы лицо. Скрудж понимал это, жаждал это сделать, знал, как это легко, но был бессилён откинуть простыню — так же бессилён, как и освободиться от призрака, стоящего за его спиной. (...)

И Скрудж подумал: если бы этот человек мог встать сейчас (...) что первое ожило бы в его душе? Алчность, жажда наживы, испепеляющие сердце заботы? Да, поистине славную кончину они ему уготовили!

Вот он лежит в тёмном пустом доме, и нет на всём свете (...) никого, кто мог бы сказать: «Этот человек был добр ко мне, и в память того, что как-то раз он сказал мне доброе слово, я теперь позабочусь о нём». Только кошка скребётся за дверью, слышав, как пищат под шестком крысы, пытаясь прогрызть себе лазейку. Что влечёт этих тварей в убежище смерти, почему подняли они такую возню? Скрудж боялся об этом даже подумать.

— Дух! — сказал он. — Мне страшно. Верь мне — даже покинув это место, я всё равно навсегда сохраню в памяти урок, который я здесь получил. Уйдём отсюда!

Но неподвижная рука по-прежнему указывала на изголовье кровати.

— Я понимаю тебя, — сказал Скрудж. — И я бы сделал это, если б мог. Но я не в силах, Дух. Не в силах!

И снова ему почудилось, что призрак вперил в него взгляд.

— Если есть в этом городе хоть одна душа, которую эта смерть не оставит равнодушной, — вне себя от муки вскричал Скрудж, — покажи мне её, Дух, молю тебя!

Призрак показал Скруджу семью, которая не осталась к этой смерти равнодушной. Но это не было чувство сожаления или скорби, а лишь надежда на то, что его наследник будет не таким жестоким кредитором. От Духа Скрудж узнает о смерти Тима, потому что у семьи не было денег на его лечение.

(...) — Дух, — сказал Скрудж. — Что-то говорит мне, что час нашего расставанья близок. Я знаю это, хотя мне и неизвестно — откуда. Скажи, кто был этот усопший человек, которого мы видели?

Дух Будущих Святых снова повлёк его дальше и, как показалось Скруджу, перенёс в какое-то иное время (...). Наконец они достигли какой-то чугунной ограды. Прежде чем ступить за эту ограду, Скрудж огляделся по сторонам.

Кладбище. Так вот где, должно быть, покоятся останки несчастного, чьё имя предстоит ему, наконец, узнать. (...) Призрак остановился среди могил и указал на одну из них. Скрудж, трепеща, шагнул к ней. Ничто не изменилось в облике призрака, но Скрудж с ужасом почувствовал, что какой-то новый смысл открывается ему в этой величавой фигуре.

— Прежде чем я ступлю последний шаг к этой могильной плите, на которую ты указуешь, — сказал Скрудж, — ответь мне на один вопрос, Дух. Предстали ли мне призраки того, что будет, или призраки того, что может быть?

Но Дух всё также безмолвствовал, а рука его указывала на могилу, у которой он остановился.

— Жизненный путь человека, если неуклонно ему следовать, ведёт к предопределённому концу, — произнёс Скрудж. — Но если человек сойдёт с этого пути, то и конец будет другим. Скажи, ведь так же может измениться и то, что ты показываешь мне сейчас?

В. Барыба. Иллюстрация к рассказу Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». 2012 г.

Но призрак по-прежнему был безмолвен и неподвижен.

Дрожь пробрата Скруджа с головы до пят. На коленях он подполз к могиле и (...) прочёл на заросшей травой каменной плите своё собственное имя: ЭБИНИЗЕР СКРУДЖ. (...)

— Дух! — вскричал Скрудж, цепляясь за его подол. — Выслушай меня! Я уже не тот человек, каким был. И я уже не буду таким, каким стал бы, не доведись мне встретиться с тобой. Зачем показываешь ты мне всё это, если нет для меня спасения!

В первый раз за всё время рука призрака (...) дрогнула.

— Добрый Дух, — продолжал молить его Скрудж (...). — Ты жалеешь меня, самая твоя природа побуждает тебя к милосердию. Скажи же, что, изменив свою жизнь, я могу ещё спастись от участи, которая мне уготована.

Благостная рука затрепетала.

— Я буду чтить Рождество в сердце своём и хранить память о нём весь год. Я искуплю своё Прошлое Настоящим и Будущим, и воспоминание о трёх Духах всегда будет живо во мне. (...) О, скажи, что я могу стереть надпись с этой могильной плиты!

И Скрудж в беспредельной муке схватил руку призрака. Призрак (...) оказался сильнее и оттолкнул Скруджа от себя.

Воздев руки в последней мольбе, Скрудж снова воззвал к Духу, чтобы он изменил его участь, и вдруг заметил, что в обличье Духа произошла перемена. Его капюшон и мантия сморщились, обвисли, весь он съёжился и превратился в резную колонку кровати.

Вопросы и задания

1. Какие чувства вызывает у Скруджа Дух Будущих Святых и почему?
2. Что узнал Скрудж об отношении деловых людей, прислуги к умершему и какие выводы он сделал?
3. Нашёлся ли в городе хоть один человек, которого кончина Скруджа если не огорчила, то не оставила равнодушным?
4. Что, по мнению Скруджа, может спасти его от духовной гибели?

Строфа пятая Заключение

Да! И это была колонка его собственной кровати, и комната была тоже его собственная. А лучше всего и замечательнее всего было то, что и будущее принадлежало ему и он мог ещё изменить свою судьбу.

— Я искуплю своё Прошлое Настоящим и Будущим! — повторил Скрудж, проворно вылезая из постели. — И память о трёх Духах будет вечно жить во мне! О Джейкоб Марли! Возблагодарим же Небо и светлый праздник Рождества! На коленях возношу я им хвалу, стари-на Джейкоб! На коленях!

Он так горел желанием осуществить свои добрые намерения и так был взволнован, что голос не повиновался ему, а лицо всё ещё было мокро от слёз, ибо он рыдал навзрыд, когда старался умиловить Духа.

(...) — Всё здесь... и я здесь... и да сгинут призраки того, что могло быть! И они сгинут, я знаю! Они сгинут!

Говоря так, он возился со своей одеждой, выворачивал её наизнанку, надевал задом наперёд, совал руку не в тот рукав и ногу не в ту штанину — словом, прodelывал в волнении кучу всяких несообразностей.

— Сам не знаю, что со мной творится! — вскричал он, плача и смеясь (...). — Мне так легко, словно я пушинка, так радостно, словно я ангел, так весело, словно я школьник! Поздравляю с Рождеством, с весёлыми святками всех, всех! Желаю счастья в Новом году всем, всем на свете! Гоп-ля-ля! Гоп-ля-ля! Ура! Ура! Ой-ля-ля! (...)

Его ликующие возгласы прервал церковный благовест. О, как весело звонили колокола! Динь-динь-бом! Динь-динь-бом! Дили-дили-дили! Дили-дили-дили! Бом-бом-бом! О, как чудесно! Как дивно, дивно!

Подбежав к окну, Скрудж поднял раму и высунулся наружу. Ни мглы, ни тумана! Ясный, погожий день. Колкий, бодрящий мороз. Он свистит в свою ледяную дудочку и заставляет кровь, приплясывая, бежать по жилам. Золотое солнце! Лазурное небо! Прозрачный свежий воздух! Весёлый перезвон колоколов! О, как чудесно! Как дивно, дивно!

— Какой нынче день? — свесившись вниз, крикнул Скрудж какому-то мальчишке, который, вырядившись, как на праздник, торчал у него под окнами и глазел по сторонам.

— Нынче? — (...) изумился мальчишка. — Да ведь нынче Рождество!

«Рождество! — подумал Скрудж. — Так я не пропустил праздника! Духи свершили всё это в одну ночь. (...)».

— Послушай, милый мальчик! (...) Ты знаешь курятную лавку, через квартал отсюда, на углу? — спросил Скрудж.

— Ну как не знать! — отвечал тот.

— (...) А не знаешь ли ты, продали они уже индюшку, что висела у них в окне? (...)

— Самую большую, с меня ростом? (...) Она и сейчас там висит, — сообщил мальчишка. (...)

(...) — Поди купи её и вели принести сюда, а я скажу им, куда её доставить. Приведи сюда приказчика и получишь от меня шиллинг. А если обернёшься в пять минут, получишь полкроны!

Мальчишка полетел стрелой (...).

— Я пошлю индюшку Бобу Крэтчиту! — пробормотал Скрудж (...) и покатился со смеху: — То-то он будет голову ломать — кто это ему прислал. Индюшка-то, пожалуй, вдвое больше крошки Тима. (...)

Перо плохо слушалось его, но он всё же нацарапал кое-как адрес и спустился вниз — отпереть входную дверь. Он стоял, поджидая приказчика, и тут взгляд его упал на дверной молоток.

— Я буду любить его до конца дней моих! — вскричал Скрудж, поглаживая молоток рукой. — А ведь я и не смотрел на него прежде. (...) А вот и индюшка! Ура! Гоп-ля-ля! Моё почтение! С праздником!

Ну и индюшка же это была — всем индюшкам индюшка! (...)

— Ну нет, вам её не дотащить до Кемден-Тауна, — сказал Скрудж. — Придётся нанять кэб.

Он говорил это, довольно посмеиваясь, и, довольно посмеиваясь, уплатил за индюшку, и, довольно посмеиваясь, заплатил за кэб, и, довольно посмеиваясь, расплатился с мальчишкой и, довольно посмеиваясь, опустился, запыхавшись, в кресло и продолжал смеяться, пока слёзы не потекли у него по щекам.

Побриться оказалось нелёгкой задачей, так как руки у него всё ещё сильно тряслись, а бритвьё требует сугубой осторожности (...).

Наконец, приодевшись по-праздничному, он вышел из дому. По улицам уже валом валил народ — совсем как в то рождественское утро, которое Скрудж провёл с Духом Нынешних Святых, и, заложив руки за спину, Скрудж шагал по улице, сияющей улыбкой приветствуя каждого встречного. И такой был у него счастливый (...) вид, что двое-трое прохожих, дружелюбно улыбнувшись в ответ, сказали ему:

— Доброе утро, сэр! С праздником вас!

И Скрудж не раз говаривал потом, что слова эти прозвучали в его ушах райской музыкой. (...)

Затем Скруджу опять повстречался господин, который в Сочельник просит у него деньги на помощь нуждающимся. Скрудж попросил у него прощения, предложил большую сумму и поблагодарил за возможность сделать добро.

(...) Скрудж побывал в церкви, затем побродил по улицам. Он приглядывался к прохожим, спешившим мимо, гладил по голове детей, беседовал с нищими, заглядывал в окна квартир и в подвальные окна кухонь, и всё, что он видел, наполняло его сердце радостью. (...)

А когда стало смеркаться, он направил свои стопы к дому племянника.

Не раз и не два пройдёт он мимо дома туда и обратно, не решаясь постучать в дверь. Наконец, собравшись с духом, поднялся на крыльцо.

— Дома хозяйин? — спросил он девушку, открывшую ему дверь. Какая милая девушка! Прекрасная девушка!

— Дома, сэр. (...)

Он тихонько повернул ручку и просунул голову в дверь. Хозяева в эту минуту обзирали парадно накрытый обеденный стол. (...)

— Фред! — позвал Скрудж.

Силы небесные, как вздрогнула племянница! Она сидела в углу, поставив ноги на скамеечку, и Скрудж совсем позабыл про неё в эту минуту, иначе он никогда (...) не стал бы так её пугать.

— С нами крестная сила! — вскричал Фред. — Кто это?

— Это я, твой дядюшка Скрудж. Я пришёл к тебе пообедать. Ты примешь меня, Фред?

Примет ли он дядюшку! Да он на радостях едва не оторвал ему напроць руку. Через пять минут Скрудж уже чувствовал себя как дома. Такого сердечного приёма он ещё никогда не встречал. (...)

Ах, какой это был чудесный вечер! (...) Какое счастье!

А наутро, чуть свет, Скрудж уже сидел у себя в конторе. (...) Он горел желанием попасть туда раньше Боба Крэтчита и уличить клерка в том, что он опоздал на работу. Скрудж просто мечтал об этом.

И это ему удалось! Да, удалось! Часы пробили девять. Боба нет. Четверть десятого. Боба нет. Он опоздал ровно на восемнадцать с половиной минут. Скрудж сидел за своей конторкой, настезь распахнув дверь, чтобы видеть, как Боб проскользнёт в свой чуланчик.

Ещё за дверью Боб стащил с головы шляпу и разматал свой тёплый шарф. И вот он уже сидел на табурете и с такой быстротой скрипел по бумаге пером, словно хотел догнать и оставить позади ускользнувшие от него девять часов.

— А вот и вы! — проворчал Скрудж (...). — Как прикажете понять ваше появление на работе в этот час дня?

— Прошу прощения, сэр, — сказал Боб. — Я (...) немного опоздал!

— Ах, вот как! Вы опоздали? (...) Будьте любезны, потрудитесь подойти сюда, сэр.

— Ведь это один-единственный раз за весь год, сэр, — жалобно проговорил Боб, выползая из своего чуланчика. — Больше этого не будет, сэр. Я позволил себе вчера немного повеселиться.

— Ну вот, что я вам скажу, приятель, — промолвил Скрудж. — Больше я этого не потерплю, а посему... — Тут он соскочил со стула и дал Бобу такого тумака под ложечку, что тот задом влетел обратно в свой чулан. — А посему, — продолжал Скрудж, — я намерен прибавить вам жалованья!

Боб задрожал и украдкой потянулся к линейке. У него мелькнула была мысль оглушить Скруджа ударом по голове, скрутить ему руки за спиной, крикнуть «караул» и ждать, пока принесут смирительную рубашку.

— Поздравляю вас с праздником, Боб, — сказал Скрудж, хлопнув Боба по плечу, и на этот раз видно было, что он в полном разуме. — И желаю вам, Боб, дружище, хорошенько развлечься на этих святках, а то прежде вы (...) не очень-то веселились. Я прибавлю вам жалованья и постараюсь что-нибудь сделать и для вашего семейства. (...)

И Скрудж сдержал своё слово. Он сделал всё, что обещал Бобу, и даже больше, куда больше. А Малютке Тиму, который, к слову сказать, вскоре совсем поправился, он был всегда вторым отцом. И таким он стал добрым другом, таким щедрым человеком, что наш славный старый город может им только гордиться. Да и не только наш — любой добрый старый город, или городишко, или селение в любом уголке нашей доброй старой земли. Кое-кто посмеивался над этим превращением, но Скрудж не обращал на них внимания — смейтесь на здоровье! Он был достаточно умен и знал, что так уж устроен мир, — всегда найдутся люди, готовые подвергнуть осмеянию доброе дело. Он понимал, что те, кто смеётся, — слепы, и думал: пусть себе смеются, лишь бы не плакали! На сердце у него было весело и легко, и для него этого было вполне довольно.

Больше он уже никогда не водил компании с духами (...), и про него шла молва, что никто не умеет так чтить и справлять святки, как он. Ах, если бы и про нас могли сказать то же самое! Про всех нас! А теперь нам остаётся только повторить за Малюткой Тимом: да осенит нас всех Господь Бог своею милостью!

(Перевод Т. Тарковской)

В. Барыба. Иллюстрация к рассказу Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». 2012 г.

Вопросы и задания

1. Как преобразуется Скрудж под влиянием Духов Рождества?
2. Каким он видит теперь окружающий мир — людей, природу?
3. Сопоставьте события, поступки Скруджа в строфе первой и строфе пятой. Что в них общего и что различного?

Святочные рассказы Ч. Диккенса повлияли на формирование этого жанра в русской литературе. Великолепные образцы рождественского рассказа — «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. Достоевского, «Отборное зерно», «Маленькая ошибка» Н. Лескова, «Ванька» А. Чехова, «Чудесный доктор» А. Куприна. Они создают новые образцы этого жанра. Святочный рассказ мог быть драматическим, юмористическим, сентиментальным, но неизменным в нём оставалось одно — надежда на рождественское чудо, любовь к ближнему, сострадание и милосердие.

Вопросы и задания

1. Что спасает Скруджа?
Выберите один из вариантов ответа, объяснив свою точку зрения, либо предложите собственный вариант.
 - А Скруджа спасает Божья милость, благодаря которой даже самый последний грешник может стать на путь исправления
 - Б Скруджа спасает святость воспоминаний детства, юности, которые пробуждают в его душе раскаяние, совесть и милосердие
 - В Скруджа спасает мысль о том, что от своей жадности он страдает больше всех
 - Г Скруджа спасает нежелание отдавать своё добро в руки воров и скупщикам краденого

2. Определите тему и идею произведения.
3. Какие истины из притч, рассказанных Христом, вы вспомнили, читая произведение Ч. Диккенса? Примените их для характеристики поступков и высказываний героев.
4. Назовите элементы фантастического в рассказе. Какова их роль? Можно ли утверждать, что фантастическое в рассказе Ч. Диккенса имеет реальное объяснение?
5. Объясните, почему произведение Ч. Диккенса называется «Рождественская песнь в прозе. Святочный рассказ с привидениями». Какие черты жанра святочного рассказа в нём представлены?

6. Посмотрите мультипликационный фильм «Рождественская история» (реж. Р. Земекис, США, 2009). Как вы думаете, удалось ли создателям фильма передать дух английского Рождества и характеры персонажей?

ДАНИЕЛЬ ДЕФО (1660–1731)

Даниель Дефо — английский писатель и журналист. Он писал статьи, сатирические стихотворения, романы, книги по экономике, географии, истории и другим наукам. Однако мировую известность приобрёл как автор романа «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо».

Даниель Дефо родился в Лондоне. Предки писателя по отцовской линии — фламандцы, приехавшие в Англию в конце XVI в., а его мать, Алиса Фо, была коренной англичанкой. Его отец, Джеймс Фо, успешно занимался торговлей.

В детские и юношеские годы Даниель увлекался чтением произведений о приключениях, путешествиях, а также книг исторического содержания. Отец хотел, чтобы он стал пастором, и отдал сына в частную школу-пансион, а когда ему исполнилось четырнадцать лет — в духовную академию. Во время учёбы в академии юноша изучал не только богословие, но и географию, историю, астрономию, иностранные языки. Он свободно владел французским языком, знал итальянский и испанский. Полученные знания пригодились ему в творческой деятельности.

Окончив академию, он не стал проповедником, решив, как и его отец, посвятить себя торговле. Коммерческими делами Дефо активно занимался на протяжении всей жизни, но это не помешало ему стать писателем и принимать участие в политических событиях. Он писал статьи на злободневные политические темы, которые печатались в журналах и были замечены читателями.

В жизни Дефо были взлёты и падения: он богател и разорялся, становился известным и вынужден был скрываться. За его вольнолюбивые взгляды, призывы к тому, что каждый человек имеет право исповедовать свою веру, что ценить человека следует за его личные качества и заслуги, Дефо не раз арестовывали.

Даниель Дефо совершил несколько путешествий. Он побывал в Испании, Португалии, Франции, Италии, Голландии.

Свидетельством любознательности писателя и его интереса к истории разных стран являются написанные им статьи о России.

Даниель Дефо ушёл из жизни в апреле 1731 г. На гранитном монументе, сооружённом на его могиле в 1870 г., высечены слова: «В память автора “Робинзона Крузо”».

Роман «**Робинзон Крузо**» был опубликован в 1719 г. Писатель создал произведение о приключениях моряка, потерпевшего кораблекрушение и оказавшегося на необитаемом острове. Это роман о том, какие испытания выпали на долю героя и как ему пришлось выживать в непривычных условиях. Действие романа происходит в XVII в., который по праву считается эпохой великих географических открытий.

Обычно читатели используют краткое название романа — «Робинзон Крузо». На самом деле его название было очень длинным и звучало так: *«Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написано им самим».*

На обложке первого издания романа Д. Дефо не поставил своё имя. Он выдал себя за издателя подлинных записок «моряка из Йорка». В то время существовало много историй о моряках и их приключениях. Дефо удачно использовал одну из таких историй — о шотландском матросе Селькирке, которого высадили на необитаемый остров Хуан Фернандес в Тихом океане. Селькирк прожил на острове четыре года и четыре месяца, за это время он почти одичал и разучился говорить.

Воспользовавшись реальным фактом, писатель создал не просто записки, а **приключенческий роман**. Он выдумал имя героя, отодвинул время действия на пятьдесят лет назад. Да и остров, на котором очутился Робинзон, находится в Атлантическом океане, возле берегов Бразилии.

Писатель увеличил срок пребывания матроса на необитаемом острове с четырёх лет до двадцати восьми. Но самое главное — он поведал историю о том, как человек, оказавшись в полном одиночестве, смог выжить и не пал духом. Повествование в романе ведётся от имени первого лица: герой сам рассказывает о своих приключениях.

Робинзон выстоял, потому что не терял бодрости духа и веры во спасение. Благодаря ежедневному труду он превратил свой остров Отчаяния в остров Надежды. В условиях дикой природы он сумел построить жильё, создал собственными руками предметы быта (стол, стул, кровать, посуду, одежду), приручил диких животных, научился обрабатывать землю. Он сумел победить свой страх, чувство отчаяния и одиночества. Автор прославил в романе веру в силу человеческого разума и способность выстоять в любых обстоятельствах.

Понятие о романе. Приключенческий роман

Роман — большое по объёму и сложное по построению, как правило, прозаическое произведение, в котором широко охвачены жизненные события, детально раскрываются характеры персонажей. Автор сосредоточивает внимание на жизни отдельной личности, показывает процесс её развития в определённом пространстве и времени.

К основным признакам романа относятся: большой объём произведения, множество событий, персонажей, сложная композиция, наличие нескольких сюжетных линий, детальное описание характеров, портретов, пейзажей. В романе органически сочетаются разные виды повествования: от имени автора, от имени героя, монологи и диалоги.

В зависимости от тематики выделяют *исторический, философский, социально-бытовой, автобиографический, приключенческий, детективный* и другие разновидности романа.

Подобная классификация довольно условна, ведь каждый роман может сочетать в себе черты нескольких разновидностей данного жанра. Например, «Робинзон Крузо» — приключенческий роман. В основе его сюжета — повествование «об удивительных приключениях» героя. Но в то же время это роман о воспитании и самовоспитании. Автор затрагивает такие важные философские проблемы, как проблема выживания отдельного человека и шире — человечества, отношения человека к природе и человека к человеку. Ведь за годы пребывания на острове Робинзон Крузо повторяет путь, пройденный человечеством в своём развитии: он становится охотником, скотоводом, земледельцем и т. д.

Приключенческий, или авантурный, роман — произведение, насыщенное необычными событиями и приключениями, которые развиваются динамически. Его сюжет характеризуется неожиданными поворотами в развитии действия. Для приключенческого романа характерны похищения, преследования, ситуации загадочности и таинственности.

Кроме «Робинзона Крузо» Д. Дефо, к приключенческим романам относятся «Приключения Гулливера» Дж. Свифта, «Пятнадцатилетний капитан» Ж. Верна, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и другие.

Вопросы и задания

1. Назовите известные вам разновидности прозаических произведений. Какое произведение называется романом? Назовите основные признаки романа. Сравните их с признаками рассказа и повести.
2. Приходилось ли вам читать приключенческие романы? Нравятся ли вам такие книги? Какой роман называется приключенческим, или авантурным? Приведите примеры приключенческих романов.

РОБИНЗОН КРУЗО

(В сокращении)

Глава первая

Семья Робинзона. — Его побег из родительского дома

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и, не отрывая глаз, рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравится. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалование. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

— Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! — Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: — Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобой.

В глазах у него блеснули слёзы. (...)

Мне стало жаль старика, я твёрдо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но — увы! — прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять потянуло к морским берегам. Мне стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я всё же решил убежать. (...)

И вот, (...) — в недобрый час! — 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрёг их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, что я сделал. (...)

Во время первого плавания Робинзона на море разыгрался шторм. Корабль погрузился в воду, но команде корабля удалось спастись и на шлюпке добраться до суши. Робинзон продолжил путешествие и побывал в Африке. Но вскоре попал в плен к пиратам. Капитан разбойничьего судна сделал его своим рабом. Через два года Робинзон, благодаря своей находчивости, убежал из плена. Захватив корабельную шлюпку, он добрался до островов Зелёного Мыса, надеясь на то, что какой-то корабль подберёт его. Робинзона подобрал корабль, направлявшийся в Бразилию.

Глава пятая

*Робинзон поселяется в Бразилии. — Он снова уходит в море. —
Корабль его терпит крушение*

(...) Прожив в Бразилии года четыре и постепенно расширяя своё дело, я, само собою разумеется, не только изучил испанский язык, но и познакомился со всеми соседями, а равно и с купцами из Сан-Сальвадора, ближайшего к нам приморского города. Многие из них стали моими друзьями. Мы нередко встречались, и, конечно, я зачастую рассказывал им о двух моих поездках к Гвинейскому берегу, о том, (...) как легко там за какие-нибудь безделушки — за бусы, ножи, ножницы, топоры или зеркальца — приобрести золотой песок и слоновую кость.

Они всегда слушали меня с большим интересом (...).

Однажды пришли ко мне трое из них и (...) сказали:

— Вы говорите, что там, где вы были, можно легко достать целые груды золотого песка и других драгоценностей. Мы хотим снарядить корабль в Гвинею за золотом. Согласны ли вы поехать в Гвинею? Вам не придётся вкладывать в это предприятие ни гроша: мы дадим вам всё, что нужно для обмена. За ваш труд вы получите свою долю прибыли, такую же, как и каждый из нас.

Мне следовало бы отказаться и надолго остаться в плодородной Бразилии, но, повторяю, я всегда был виновником собственных несчастий. Мне страстно захотелось испытать новые морские приключения, и голова у меня закружилась от радости. (...)

И вот ещё раз — в недобрый час! — 1 сентября 1659 года я ступил на палубу корабля. Это был тот самый день, в который восемь лет назад я убежал из отцовского дома и так безумно загубил свою молодость.

На двенадцатый день нашего плавания мы пересекли экватор и находились под семью градусами двадцатью двумя минутами северной широты, когда на нас неожиданно налетел бешеный шквал. Он (...) дул непрерывно с такой ужасающей силой, что в течение двенадцати дней нам пришлось, отдавшись во власть урагана, плыть, куда гнали нас волны. (...)

Однажды ранним утром (ветер всё ещё дул с прежней силой) один из матросов крикнул:

— Земля!

Но не успели мы выбежать из кают, чтобы узнать, мимо каких берегов несётся наше несчастное судно, как почувствовали, что оно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки всю нашу палубу окатило такой неистовой и могучей волной, что мы принуждены были тотчас же скрыться в каютах.

*И. Ильинский. Иллюстрация
к роману Д. Дефо
«Робинзон Крузо». 1986 г.*

Корабль так глубоко засел в песке, что нечего было и думать стащить его с мели. Нам оставалось одно: позаботиться о спасении собственной жизни. У нас были две шлюпки. Одна висела за кормой; во время шторма её разбило и унесло в море. Оставалась другая, но никто не знал, удастся ли спустить её на воду. А между тем размышлять было некогда: корабль мог каждую минуту расколоться надвое.

Помощник капитана бросился к шлюпке и с помощью матросов перебросил её через борт. Мы все, одиннадцать человек, вошли в шлюпку и отделились на волю бушующих волн (...).

Наше положение стало ещё более страшным: мы видели ясно, что шлюпку сейчас захлестнёт и что нам невозможно спастись. Паруса у нас не было, а если б и был, он оказался бы совершенно бесполезным для нас. Мы гребли к берегу с отчаянием в сердце, как люди, которых ведут на казнь. (...) Подгоняемые ветром, мы налегли на вёсла, собственноручно приближая свою гибель.

Так несло нас мили четыре, и вдруг разъярённый вал, высокий, как гора, набежал с кормы на нашу шлюпку. Это был последний, смертельный удар. Шлюпка перевернулась. В тот же миг мы очутились под водой. Буря в одну секунду раскидала нас в разные стороны. (...)

Во время шторма из всей команды корабля спастись удалось только Робинзону. Он доплыл до берега, несмотря на то, что огромные волны грозили ему смертельной опасностью.

Я думаю, не существует таких слов, которыми можно было бы изобразить радостные чувства человека, восставшего, так сказать, из гроба! Я стал бегать и прыгать, я размахивал руками, я даже пел и плясал. Всё моё существо, если можно так выразиться, было охвачено мыслями о моём счастливом спасении.

Но тут я внезапно подумал о своих утонувших товарищах. Мне стало жаль их, потому что во время плавания я успел привязаться ко многим из них. (...)

Посмотрев туда, где стоял наш корабль, я еле разглядел его за грядую высоких волн — так он был далеко! И я сказал себе: «Какое это счастье, великое счастье, что я добрался в такую бурю до этого далёкого берега!»

Выразив такими словами свою горячую радость по случаю избавления от смертельной опасности, я вспомнил, что земля может быть так же страшна, как и море, что я не знаю, куда я попал, и что мне необходимо (...) тщательно осмотреть незнакомую местность.

Как только я подумал об этом, (...) я понял, что хоть я и спас свою жизнь, но не спасся от несчастий, лишений и ужасов. Вся одежда моя промокла насквозь, а переодеться было не во что. У меня не было ни пищи, ни пресной воды, чтобы подкрепить свои силы. Какое будущее ожидало меня? Либо я умру от голода, либо меня растерзают лютые звери. И, что всего печальнее, я не мог охотиться за дичью, не мог обороняться от зверей, так как при мне не было никакого оружия. (...)

Оказавшись в незнакомом месте и опасаясь хищных животных, Робинзон провёл первую ночь на дереве.

Вопросы и задания

1. Расскажите, что любил Робинзон с детства и о чём мечтал.
2. Сколько лет было Робинзону, когда он убежал из дому и почему он это сделал? Раскаивался ли он в том, что нарушил сыновий долг и оставил старых родителей?
3. Какие препятствия пришлось преодолеть Робинзону, прежде чем он попал в Бразилию, и что заставило его покинуть эту страну?

4. Перескажите близко к тексту описание шторма и обстоятельства, в которых находился экипаж корабля. Какие чувства испытывал герой, оказавшись один на берегу?

5. Сравните описание шторма с иллюстрацией И. Ильинского. Удалось ли художнику передать трагизм ситуации, в которой оказался герой?

Глава шестая

Робинзон на необитаемом острове. — Он добывает вещи с корабля и строит себе жильё

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться.

Я взглянул на покинутый нами корабль и с удивлением увидел, что на прежнем месте его уже нет. (...) Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я ночевал. Волны, очевидно, не разбили его: он держался на воде почти прямо.

Я тотчас же решил пробраться на корабль, чтобы запастись провизией и разными другими вещами. (...)

После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я прошёл по сухому дну.

*И. Ильинский. Иллюстрация
к роману Д. Дефо
«Робинзон Крузо». 1986 г.*

Тут снова у меня зануло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль. Нужно было только выждать, чтобы шторм прошёл, и мы благополучно добрались бы до берега (...).

При мысли о своём одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слёзы никогда не прекращают несчастий, решил (...) во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошёл в воду и поплыл.

Но самое трудное было ещё впереди: взобраться на корабль я не мог. (...) Я долго плавал вокруг него и вдруг заметил корабельный канат (...). Я поднялся по канату (...).

(...) На корабле были запасные мачты, стеньги и рей. Из этого материала я решил построить плот (...).

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавших нашим матросам, взломал замки и выбросил всё содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, (...) и остатки ячменя (...).

После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка (...). Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянув в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нём.

Теперь мне оставалось запастись оружием и зарядами. В каюте я нашёл два хороших охотничьих ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дробы и двумя старыми, заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался подмоченным, а два были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля — нелёгкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы всё моё сооружение опрокинулось.

К счастью, море было спокойно. Начинаясь прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собою сломанные вёсла от корабельной шлюпки, я спешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом провёл я его поперёк течения и наконец вошёл в эту бухту (...); едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жизни — такое, где я мог бы сложить всё своё имущество (...). Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли здесь хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружьё, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было видно земли, если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших милях в девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли! Значит, людей здесь и в самом деле не было!

Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не приметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, все каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу её мясо или нет.

Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую: она сидела на дереве у опушки леса. (...)

Убитая мною птица напоминала нашего европейского ястреба и окраской перьев, и формой клюва. Только когти у неё были гораздо короче. Мясо её отдавало падалью, и я не мог его есть.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день. Потом я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверя? Поэтому выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, (...) никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увёз с корабля далеко не всё, что можно было взять; там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил (...) снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьёт в щепки. (...) Нельзя успокаиваться, пока я не свезу на берег все вещи, до последнего гвоздика. (...)

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, я захватил всё, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвёртку, дюжины две топоров, а главное — такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира¹: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного пороху. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил ещё запасный парус, гамак, несколько тюфяков и подушек. Всё это я сложил на плоту и, к великому моему удовольствию, доставил на берег в целости. (...)

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал её из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился досками. Затем я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью — ружьё и лёг.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провёл в постели. (...)

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз (...).

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что подымается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уж ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя

¹ *Канонир* — пушкарь, артиллерист.

ящиками: в одном я нашёл три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги (...). Я усмехнулся при виде этих денег.

— Негодный мусор, — проговорил я, — на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. (...)

Но, поразмыслив немного, я всё же завернул деньги в кусок парусины и прихватил их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жильё мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку?

В конце концов я решил сделать и то и другое. (...)

После долгих поисков я нашёл наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зелёной полянке я и решил разбить палатку. (...)

Глава седьмая

Робинзон на новоселье. — Коза и козлёнок

Трудно мне было перетаскивать в крепость (...) провизию, оружие и другие вещи. Еле справился я с этой работой. И сейчас же пришлось взяться за новую: разбить большую, прочную палатку.

(...) Чтобы предохранить себя от сырости, я сделал двойную палатку, то есть сначала поставил одну палатку, поменьше, а над нею — другую, побольше. Наружную палатку я накрыл брезентом, захваченным мною на корабле вместе с парусами.

Теперь я спал уже не на подстилке, брошенной прямо на землю, а в очень удобном гамаке, принадлежавшем помощнику нашего капитана.

Я перенёс в палатку все съестные припасы и прочие вещи, которые могли испортиться от дождей. Когда всё это было внесено внутрь ограды, я наглухо заделал отверстие, временно служившее мне дверью, и стал входить по приставной лестнице (...).

Заделав ограду, я принялся копать пещеру, углубляя естественную впадину в горе. Пещера приходилась как раз за палаткой и служила мне погребом. (...)

Ж. Гранвиль. Иллюстрация
к роману Д. Дефо
«Робинзон Крузо». 1840 г.

Как-то раз, ещё в то время, когда я только готовился ставить палатку и рыть пещеру, набежала вдруг чёрная туча и хлынул проливной дождь. Потом блеснула молния, раздался страшный удар грома. (...)

У меня замерло сердце. Я с ужасом думал: «Один удар молнии может уничтожить весь мой порох! А без него я буду лишён возможности обороняться от хищных зверей и добывать себе пищу». Странное дело: в то время я даже не подумал о том, что при взрыве раньше всего могу погибнуть я сам.

Этот случай произвёл на меня такое сильное впечатление, что, как только

гроза прошла, я (...) принялся за столярное ремесло и шитьё: я шил мешочки и делал ящички для пороха. Нужно было разделить порох на несколько частей и каждую часть хранить отдельно, чтобы они не могли вспыхнуть все сразу.

На эту работу у меня ушло почти две недели. (...)

Всё это время я раз в день, а иногда и чаще, выходил из дому с ружьём — для прогулки, а также для того, чтобы ознакомиться с местной природой и, если удастся, подстрелить какую-нибудь дичь.

В первый же раз как я отправился в такую экскурсию, я сделал открытие, что на острове водятся козы. Я очень обрадовался, но вскоре оказалось, что козы необычайно проворны и чутки (...) Впрочем, это не смутило меня: я не сомневался, что рано или поздно научусь охотиться за ними. (...)

Первым же выстрелом я убил молодую козу (...). Мне надолго хватило мяса (...). Ел я вообще немного, стараясь по возможности беречь свои запасы, в особенности сухари.

После того как я окончательно устроился в своём новом жилище, мне пришлось задуматься над тем, как бы мне скорее сложить себе печь или вообще какой-нибудь очаг. Необходимо было также запастись дровами. (...)

Глава восьмая

Календарь Робинзона. — Робинзон устраивает своё жильё

Вскоре после того, как я поселился на острове, мне вдруг пришло в голову, что я потеряю счёт времени (...), если не заведу календаря.

Календарь я устроил так: обтесал топором большое бревно и вбил его в песок на берегу, на том самом месте, куда меня выбросило бурей, и прибил к этому столбу перекладину, на которой вырезал крупными буквами такие слова:

ЗДЕСЬ Я ВПЕРВЫЕ
СТУПИЛ НА ЭТОТ ОСТРОВ
30 СЕНТЯБРЯ 1659 ГОДА

С тех пор я каждый день делал на своём столбе зарубку в виде короткой чёрточки. Через шесть чёрточек я делал одну длиннее — это означало воскресенье; зарубки же, обозначающие первое число каждого месяца, я делал ещё длиннее. Таким образом я вёл мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя вещи, перевезённые мною с корабля, (...) я не упомянул о многих мелочах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее большую службу. Так, например, в каютах капитана и его помощника я нашёл чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подзорные трубы, географические карты и корабельный журнал. (...) Затем мне попалось несколько книг на португальском языке. Я подобрал и их.

Были у нас на корабле две кошки и собака. Кошек я перевёз на берег на плоту; собака же ещё во время моей первой поездки сама прыгнула в воду и поплыла за мной. Много лет она была мне надёжным помощником, служила мне верой и правдой. Она почти заменяла мне человеческое общество, только не могла говорить. (...)

Чернила, перья и бумагу я старался всячески беречь. Пока у меня были чернила, я подробно записывал всё что случилось со мной (...).

Так как мне не хватало нужных инструментов, всякая работа шла у меня очень медленно и давалась с большим трудом. Над тем частоколом, которым я обвёл моё жилище, я работал чуть не целый год. Нарубить в лесу толстые жерди, вытесать из них колья, перетаскать эти колья к палатке — на всё это нужно было много времени. (...)

Вбивая колья в землю, я употреблял сначала тяжёлую дубину, но потом я вспомнил, что у меня есть железные ломы, которые я привёз с корабля. Я стал работать ломом, хотя не скажу, чтобы это сильно облегчило мой труд. (...)

Порою на меня нападало отчаяние, я испытывал смертельную тоску, чтобы побороть эти горькие чувства, я взял перо и попытался доказать себе самому, что в моём бедственном положении есть всё же немало хорошего.

Я разделил страницу пополам и написал слева «худо», а справа «хорошо», и вот что у меня получилось:

ХУДО

1. Я заброшен на унылый, необитаемый остров, и у меня нет никакой надежды спастись.

2. Я удалён от всего человечества; пустынный, изгнанный навсегда из мира людей.

3. У меня мало одежды, и скоро мне нечем будет прикрыть натуру.

4. Я не могу защитить себя, если на меня нападут злые люди или дикие звери.

5. Мне не с кем перемолвиться словом, некому ободрить и утешить меня.

ХОРОШО

1. Но я остался в живых, хотя мог бы утонуть, как все мои спутники.

2. Но я не умер с голоду и не погиб в этой пустыне.

3. Но климат здесь жаркий, и можно обойтись без одежды.

4. Но здесь нет ни людей, ни зверей. И я могу считать себя счастливым, что меня не выбросило на берег Африки, где столько свирепых хищников.

5. Но я успел запастись всем необходимым для жизни и обеспечить себе пропитание до конца своих дней.

Эти размышления оказали мне большую поддержку. (...)

Я успокоился и стал гораздо бодрее. До той поры я только и думал, как бы мне покинуть этот остров; целыми часами я вглядывался в морскую даль — не покажется ли где-нибудь корабль. Теперь же, покончив с пустыми надеждами, я стал думать о том, как бы мне лучше наладить мою жизнь на острове.

Я уже описывал своё жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесённая крепким двойным частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать стеной или валом, потому что вплотную к ней, с наружной её стороны, я вывел земляную насыпь в два фута толщиной.

Спустя ещё некоторое время (года через полтора) я положил на свою насыпь жерди, прислонив их к откосу горы, а сверху сделал настил из веток и длинных широких листьев. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей (...).

Читатель уже знает, что всё имущество я перенёс в свою крепость — сначала только в ограду, а затем и в пещеру, которую я вырыл в холме за палаткой. Но я должен сознаться, что первое время мои вещи были свалены в кучу, как попало, и загромождали весь двор. Я постоянно наталкивался на них, и мне буквально негде было повернуться. Чтобы уложить всё как следует, пришлось расширить пещеру. (...)

Покончив с этой работой, я принялся мастерить себе мебель. Всего нужнее были мне стол и стул: без стола и стула я не мог (...) ни есть по-человечески, ни писать, ни читать.

И вот я стал столяром.

Ни разу в жизни до той поры я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря природной сообразительности и упорству в труде я мало-помалу приобрёл такой опыт, что, будь у меня все необходимые инструменты, мог бы сколотить любую мебель.

Итак, прежде всего я сделал себе стол и стул. Я употребил на это короткие доски, взятые с корабля. Затем я натесал длинных досок своим первобытным способом и приладил в моём погребе несколько полок, одну над другой, фута по полтора шириной. Я сложил на них инструменты, гвозди, обломки железа и прочую мелочь — словом, разложил всё по местам, чтобы, когда понадобится, я мог легко найти каждую вещь.

Кроме того, я вбил в стену моего погреба колышки и развесил на них ружья, пистолеты и прочие вещи.

Кто увидел бы после этого мою пещеру, наверное, принял бы её за склад всевозможных хозяйственных принадлежностей. (...)

С этих-то пор я и начал вести свой дневник (...). Первое время мне было не до записей: я был слишком завален работой; к тому же меня удручали тогда такие мрачные мысли, что я боялся, как бы они не отразились в моём дневнике.

Но теперь, когда мне наконец удалось совладать со своей тоской, когда, перестав баюкать себя бесплодными мечтами и надеждами, я занялся устройством своего жилья, привёл в порядок своё домашнее хозяйство, смастерил себе стол и стул, вообще устроился по возможности удобно и уютно, я принялся за дневник. (...)

И. Ильинский. Иллюстрация к роману Д. Дефо «Робинзон Крузо». 1986 г.

Вопросы и задания

1. Как характеризует Робинзона то, что он не пал духом и стал предпринимать шаги к выживанию? Что сделал он в первую очередь? А как поступили бы вы на его месте?
2. Каким образом Робинзон переправил на берег всё то, что осталось на корабле?

3. Как характеризует Робинзона то, что он перевёз с корабля на остров двух кошек и собаку? А правильно ли он сделал, что убил козу? Был ли у него другой выход?
4. Автор романа часто употребляет слова *работать, работа, труд*. Случайно ли это? Смог бы Робинзон выжить, если бы не трудился?
5. Опишите, как выглядел календарь Робинзона.
6. Выразительно прочитайте записи Робинзона под названием «Худо», «Хорошо». Подтверждают ли они его мысль о том, что и в горестях можно найти утешение?

Глава девятая

Дневник Робинзона. — Землетрясение

30 сентября 1659 года. Наш корабль, застигнутый в открытом море страшным штормом, потерпел крушение. Весь экипаж, кроме меня, утонул; я же, несчастный Робинзон Крузо, был выброшен полумёртвым на берег этого проклятого острова, который назвал островом Отчаяния. (...)

18 ноября. Нашёл в лесу то самое дерево (или той же породы), которое в Бразилии называют «железным», потому что оно необыкновенно упруго. Срубил одно дерево с большим трудом. Мой топор совсем затупился. Отрубив от ствола большой чурбан, я еле дотащил его до моего жилья — так он оказался тяжёл! Я решил сделать из него лопату. Дерево было такое твёрдое, что эта работа отняла у меня очень много времени и труда. Но лопату я всё-таки сделал. (...)

23 ноября. Закончил работу над лопатой и корытом. Как только эти вещи были готовы, принялся опять копать пещеру. Копал весь день, насколько хватало сил. Мне нужно было очень просторное помещение, которое в одно и то же время могло бы служить погребом, складочным местом для вещей, кладовой, кухней и столовой. (...)

27 декабря. Подстрелил двух козлят: одного убил, другого ранил в ногу, так что он не мог убежать; поймал его и привёл домой на верёвке. Дома осмотрел его ногу: она была перебита; я забинтовал её.

Примечание. Я выходил этого козлёнка: сломанная нога срослась, и он стал отлично бегать. Но от меня не убежал: я так долго возился с ним, что он ко мне привык и не хотел уходить. (...). Глядя на него, я подумал, что хорошо было бы завести домашний скот, чтобы подготовить себе пропитание к тому времени, когда у меня выйдут заряды и порох. (...)

За это время я сделал большие успехи в столярном искусстве и не хуже заправского столяра стал действовать топором и рубанком. (...)

Как-то раз, когда я был занят всеми этими делами по устройству моего хозяйства, я шарил у себя в складе, отыскивая какую-то нужную вещь, и мне попался небольшой мешок с ячменём (...) для наших гусей и кур.

Всё зерно, какое ещё оставалось в мешке, было изъедено крысами; (...) мне показалось, что там одна труха. Так как мешок был мне нужен для пороха, я вынес его во дворик и вытряхнул на землю невдалеке от пещеры.

Это было незадолго до того, как начались проливные дожди (...). Я давно забыл про этот случай (...).

Но вот прошло около месяца, и я увидел под горой, у самой пещеры, несколько зелёных ростков (...). От радости у меня помутился рассудок, и я в первую минуту подумал, что произошло чудо: ячмень вырос сам собой, без семян, чтобы поддержать мою жизнь в ужасной пустыне.

(...) И «чудо» на этом не кончилось: вскоре между колосьями ячменя показались стебельки другого растения, а именно риса; я их легко распознал, так как, живя в Африке, часто видел рис на полях. (...)

Только тогда наконец я вспомнил про мешок с птичьим кормом, который я вытряхнул на землю подле своей пещеры.

(...) «Чудо» объяснилось очень просто!

Вы можете себе представить, как тщательно я собирал колосья, когда они созрели (это случилось в конце июля). Я подобрал с земли все зёрнышки до одного и спрятал их в сухом надёжном месте. Весь урожай первого года я решил оставить на посев: я надеялся, что со временем у меня накопится такой запас зерна, что его будет хватать и на семена и на хлеб.

Но только на четвёртый год я мог позволить себе отделить часть зерна на еду, да и то лишь самую малость. Дело в том, что у меня пропал почти весь урожай от первого посева: я неправильно рассчитал время, посеял перед самой засухой, и многие семена не взошли. (...)

Кроме ячменя, у меня, как уже было сказано, выросло двадцать или тридцать стеблей риса. (...) Потом, когда риса накопилось достаточно, я приготавливал из него не то чтобы хлеб (мне не в чем было его печь), а, скорее, лепешки, заменявшие хлеб. Впрочем, ещё через некоторое время я придумал способ печь настоящий хлеб. (...)

Но возвращаюсь к моему дневнику.

14 апреля. Ограда была совсем кончена и завалена снаружи землёй. Я заделал наглухо вход, так как решил, что ради безопасности буду водить и выходить по приставной лестнице, чтобы снаружи нельзя было догадаться, что за оградой спрятано человеческое жильё. (...)

Однако на другой же день (...) случилось одно событие, которое страшно напугало меня (...).

Я чем-то занимался в ограде, за палаткой, у самого входа в пещеру, как вдруг с потолка пещеры (...) посыпалась земля, и передние сваи поставленные мною для укрепления свода, подломились с ужасным треском. (...)

Весь следующий день, 18 апреля, я просидел дома, так как дождь шёл не переставая. Понемногу я успокоился и начал трезво обдумывать своё положение. Я рассуждал так (...): раз на острове случаются землетрясения, рано или поздно гора непременно обвалится, и я буду заживо погребён; надо, значит, перенести палатку куда-нибудь на открытое место. А чтобы обезопасить себя от нападения дикарей и зверей, придётся снова строить высокую стену. (...)

Глава тринадцатая ***Робинзон изготавливает посуду***

(...) Давно уже я ломал голову над тем, как изготовить глиняную посуду, в которой сильно нуждался, но ничего не мог придумать: не было подходящей глины. (...)

И я решил, что, как только найду подходящую глину, вылеплю несколько больших кувшинов для зерна. О такой глиняной посуде, в которой можно было бы стряпать, я пока и не помышлял. (...)

Два месяца я трудился не разгибая спины. Много труда ушло у меня на то, чтобы найти хорошую гончарную глину, накопать её, принести домой, обработать, и всё же после долгих хлопот у меня получились всего только две уродливые глиняные посудыны (...).

(...) Я сплёл из прутьев две большие корзины и, когда мои горшки хорошо высохли и затвердели на солнце, осторожно приподнял их один за другим и каждый поставил в корзину. Всё пустое пространство между посудиною и корзиной я для большей сохранности заполнил рисовой и ячменной соломой. Эти первые горшки предназначались покуда для хранения сухого зерна. (...)

(...) Гораздо лучше удавалась мне выделка мелкой посуды (...). Мелкие вещи легче лепить; кроме того, они ровнее обжигались на солнце и потому были более прочными. (...)

Но вот я как-то развёл большой огонь, чтобы испечь на углях мясо. Когда оно испеклось, я хотел загасить уголья и нашёл между ними случайно попавший в огонь черепок (...). Черепок раскалился, стал красен, как черепица, и затвердел, как камень. Я был приятно удивлён этим открытием. (...)

Я едва мог дожидаться, когда мои горшки остынут, чтобы можно было налить в один из них воды, поставить снова на огонь и сварить в нём мясо. Горшок оказался отличный. (...)

Жизнь Робинзона Крузо на острове Отчаяния стала постепенно налаживаться. Он научился печь хлеб.

Глава четырнадцатая

Робинзон строит лодку и шьёт себе новую одежду

Вы можете не сомневаться, что всё это время меня не покидали мысли о земле, которая была видна с другого берега (...)

Наконец мне пришло в голову: не попробовать ли мне самому сделать лодку или, ещё лучше, пирогу¹ (...)?

«Чтобы сделать пирогу, — рассуждал я, — не надо почти никаких инструментов, так как она выдалбливается из цельного древесного ствола; с такой работой может справиться и один человек». (...)

Я не задавался вопросом, как я спущу свою пирогу на воду, когда она будет готова, а между тем это препятствие было гораздо серьёзнее, чем недостаток инструментов. (...)

(...) Я срубил великолепный кедр (...).

(...) Целый месяц я обделывал мою колоду снаружи, стараясь вытесать хоть некоторое подобие киля, потому что без киля пирога не могла бы держаться на воде прямо. А три месяца ушло ещё на то, чтобы выдолбить её внутри. На этот раз я обошёлся без огня: всю эту огромную работу я сделал молотком и долотом. Наконец у меня вышла отличная пирога, такая большая, что смело могла поднять двадцать пять человек, а следовательно, и меня со всем моим грузом. (...)

Попытка спустить лодку на воду оказалась неудачной, поскольку она была большая и сделана далеко от берега. У Робинзона заканчивались запасы одежды, и он решил их пополнить.

Прежде всего мне нужна была куртка (...). Поэтому я решил попытаться переделать на куртки матросские бушлаты (...). В таких бушлатах матросы стоят в зимние ночи на вахте.

И вот я принялся портняжничать! Говоря по совести, я был довольно-таки жалким портным, но, как бы то ни было, с грехом пополам состряпал две или три куртки (...).

О первой моей попытке сшить штаны лучше и не говорить, так как она окончилась постыдной неудачей.

И. Ильинский. Иллюстрация к роману Д. Дефо «Робинзон Крузо». 1986 г.

¹ *Пирóга* — узкая и длинная лодка у индейцев Центральной и Южной Америки и народов Океании.

Д. Кордовский. Иллюстрация к роману Д. Дефо «Робинзон Крузо». 1914–1917 гг.

Но вскоре после того я изобрёл новый способ одеваться и с тех пор не терпел недостатка в одежде.

Со временем Робинзон Крузо научился шить одежду из шкур убитых животных. Ему удалось даже изготовить зонтик из козьих шкур, который мог открываться и закрываться.

С этим зонтиком я не боялся никакого дождя и не страдал от солнца даже в самую жаркую погоду, а когда он не был мне нужен, я закрывал его и нёс под мышкой.

Так я жил на моём острове, спокойный и довольный.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвёл на вас дневник Робинзона? Что нового вы узнали из дневника о его пребывании на острове?

2. Объясните, почему Робинзон назвал свой остров «островом Отчаяния».

3. Какие новые виды труда осваивает герой романа? Какое значение имело для него выращивание зерна?

4. Составьте план главы «Робинзон изготавливает посуду». Перескажите, как герой осваивал новое для себя ремесло?

5. Расскажите, как вы представляете пирогу, которую построил Робинзон.

6. Рассмотрите иллюстрации И. Ильинского и Д. Кордовского. Удалось ли художникам передать усердие героя в работе?

Глава пятнадцатая

Робинзон строит другую лодку, меньших размеров, и пытается объехать вокруг острова

Прошло ещё пять лет, и за это время, насколько я могу припомнить, не произошло никаких чрезвычайных событий.

Жизнь моя протекала по-старому — тихо и мирно; жил я на старом месте и по-прежнему отдавал всё своё время труду и охоте.

Теперь у меня было уже столько зерна, что мне хватало моего посева на целый год; винограду тоже было вдоволь. (...)

Однако главной моей работой была постройка новой лодки. На этот раз я не только сделал лодку, но и спустил её на воду (...) по узкому ка-

налу, который мне пришлось прорыть (...) Почти два года я провозился над постройкой лодки. Мне так страстно хотелось получить наконец возможность плавать по морю, что я не жалел никакого труда.

Надо, однако, заметить, что я строил эту новую пирогу совсем не для того, чтобы покинуть мой остров. (...)

Теперь у меня была более скромная цель: объехать вокруг острова (...). Я уже побывал однажды на противоположном берегу, и открытия, которые я там сделал, так заинтересовали меня, что мне ещё тогда захотелось осмотреть всё окружающее меня побережье. (...)

Робинзон объехал остров на новой лодке. Но течение начало относить его от берега. Робинзон испугался, что не сможет вернуться на остров. Его спасло то, что ветер подул в сторону острова, а течение ослабело.

Нельзя описать ту радость, которую я испытал, когда почувствовал под собой твёрдую землю!

(...) Как радовался я, что снова увижу свои поля, свои рощи, свою пещеру, своего верного пса, своих коз! Какой красивой показалась мне дорога от берега к моему шалашу!

Был уже вечер, когда я добрался до своей лесной дачи. Я перелез через ограду, улёгся в тени и (...) скоро заснул.

(...) Меня разбудил чей-то голос. (...) Здесь, на острове, был человек, и он громко кричал среди ночи:

— Робин, Робин, Робин Крузо! Бедный Робин Крузо! Куда ты попал, Робин Крузо? Куда ты попал? Где ты был?

(...) Первым моим чувством был страшный испуг. Я вскочил, дико озираясь, и вдруг, подняв голову, увидел на ограде своего попугая.

Конечно, я сейчас же догадался, что он-то и выкрикивал эти слова: точно таким же жалобным голосом я часто говорил при нём эти самые фразы, и он отлично их затвердил. (...)

На одиннадцатом году пребывания на острове Робинзон приручил диких коз. Вскоре произошло событие, которое нарушило спокойное течение его жизни: направляясь к лодке, он увидел на морском берегу отпечаток голый человеческой ноги. Вскоре Робинзон убедился, что его остров посещают дикири.

Вопросы и задания

1. Прочтите дневник Робинзона и расскажите, чем было заполнено его пребывание на острове.
2. Объясните, какие обстоятельства способствовали тому, что Робинзон начал выращивать рис и ячмень.

3. Перескажите близко к тексту, как герой изготавливал посуду, готовил пищу и строил пирогу.

Глава девятнадцатая

Дикари снова посещают остров Робинзона. — Крушение корабля

Однажды, выйдя из дому, Робинзон увидел пламя большого костра. Он понял, что на его острове появились дикари, которые прибыли на двух пирогах. Как только начался прилив, дикари бросились к лодкам и отчалили. Взобравшись на холм, Робинзон заметил ещё три лодки с дикарями, направлявшимися от острова к материку. Вернувшись на берег, он увидел остатки кровавого пиршества.

(...) Меня охватило такое негодование, я почувствовал такую ненависть к этим убийцам, что мне захотелось жестоко отомстить им за их кровожадность. Я дал себе клятву, что в следующий раз, когда снова увижу на берегу их отвратительный пир, я нападу на них и уничтожу всех, сколько бы их ни было.

«Пусть я погибну в неравном бою, пусть они растерзают меня, — говорил я себе, — но не могу же я допустить, чтобы у меня на глазах люди безнаказанно ели людей!» (...)

Пятнадцать или шестнадцать месяцев я провёл в беспрестанной тревоге. Я плохо спал, каждую ночь видел страшные сны и часто вскакивал с постели весь дрожа. (...)

Днём я тоже не знал ни минуты покоя. Весьма возможно, что такая бурная тревога в конце концов довела бы меня до безумия, если бы вдруг не случилось событие, сразу отвлекшее мои мысли в другую сторону.

Это произошло на двадцать четвёртом году моего пребывания на острове, в середине мая, если верить моему (...) календарю.

Весь этот день, 16 мая, гремел гром, сверкали молнии, гроза не умолкала ни на миг. Поздно вечером (...) я услышал пушечный выстрел. Мне показалось, что он донёсся ко мне с моря.

Я сорвался с места, мигом приставил лестницу к уступу горы и быстро-быстро, боясь потерять хотя бы секунду драгоценного времени, стал взбираться по ступеням вверх. Как раз в ту минуту, когда я очутился на вершине, передо мною далеко в море блеснул огонёк, и действительно через полминуты раздался второй пушечный выстрел.

«В море гибнет корабль, — сказал я себе. — Он подаёт сигналы, он надеется, что будет спасён. (...)».

Я был очень взволнован, но нисколько не растерялся и успел сообщить, что хотя я не в силах помочь этим людям, зато, быть может, они помогут мне. (...)

Робинзон разжёг костёр, надеясь на то, что его сигнал заметят на корабле, и поддерживал огонь всю ночь. Утром он увидел корпус разбившегося корабля.

Ещё мучительнее, чем прежде, я почувствовал в этот день весь ужас своего одиночества. Чуть только я увидел корабль, я понял, как сильно истосковался по людям, как страстно мне хочется видеть их лица, слышать их голоса, пожимать им руки, разговаривать с ними! (...)

Ни разу за все годы моего одиночества не испытал я такого страстного желания общаться с людьми.

«Хоть бы один! Ах, если бы хоть один!» — повторял я тысячу раз.

И эти слова разжигали во мне такую тоску, что, произнося их, я судорожно сжимал кулаки и так сильно стискивал зубы, что потом долгое время не мог их разжать.

Глава двадцатая

Робинзон пытается покинуть свой остров

Робинзон решил попасть на корабль, потерпевший крушение, несмотря на то, что ему страшно было покидать остров на маленькой лодке.

Когда я подошёл к борту, на палубе показалась собака. Увидев меня, она (...) спрыгнула в воду и подплыла ко мне. Я взял её в лодку. Она умирала от голода и жажды. Я дал ей кусок хлеба (...). Когда собака насытилась, я дал ей немного воды (...).

Погрузив в лодку сундуки, порох и другие полезные вещи, Робинзон отправился на остров. В одном сундуке он нашёл деньги и золотые слитки, в другом — куртки и штаны.

Признаться, когда я собирался на этот корабль, я думал, что найду в нём гораздо больше полезных и ценных вещей. (...)

Сложив добычу в надёжном месте и оставив там мою лодку, я пошёл в обратный путь пешком. (...) Дома всё было в полном порядке: спокойно, уютно и тихо. Попугай приветствовал меня ласковым словом, и козлята с такой радостью подбежали ко мне, что я не мог не погладить их и не дать им свежих колосьев.

Прежние мои страхи с этого времени как будто рассеялись, и я зажил по-старому, без всяких тревог, возделывая поля и ухаживая за своими животными, к которым я привязался ещё сильнее, чем прежде.

И. Ильинский.
Иллюстрация к роману
Д. Дефо «Робинзон
Крузо». 1986 г.

Так я прожил ещё почти два года, в полном довольстве, не зная лишней. Но все эти два года я думал только о том, как бы мне покинуть мой остров. С той минуты, как я увидел корабль, который сулил мне свободу, мне стало ещё более ненавистно моё одиночество. (...)

Наконец я пришёл к убеждению, что мне удастся вырваться на волю лишь в том случае, если я захвачу кого-нибудь из дикарей, посещавших мой остров. (...) Но план этот очень опасен и труден: ведь (...) я должен буду напасть на толпу людоедов и перебить всех до единого, а это мне едва ли удастся. Кроме того, моя душа содрогалась при мысли, что мне придётся пролить столько человеческой крови, хотя бы и ради собственного спасения.

Долго во мне шла борьба, но наконец пламенная жажда свободы одержала верх над всеми доводами рассудка и совести. (...)

И вот я стал чуть не ежедневно пробираться из своей крепости к тому далёкому берегу, к которому всего вероятнее могли пристать пироги дикарей. (...) Но прошло полтора года — даже больше! — а дикари не показывались. (...)

Вопросы и задания

1. Какие уроки учёл Робинзон, когда строил новую лодку? С какой целью он строил её?
2. Расскажите, какое место в жизни Робинзона Крузо занимал поугай. Как он его называл? Как отреагировал поугай на отсутствие Робинзона?
4. О чём думал Робинзон, когда понял, что его остров посещают дикари-людоеды? Что он чувствовал, сделав такие открытия?
5. Какое событие произошло в жизни Робинзона 16 мая, спустя двадцать четыре года после того, как он очутился на необитаемом острове?
6. Чего не хватало Робинзону на острове? Чего он боялся и о чём тосковал?
7. Как характеризует героя то, что он спас собаку, котрую нашёл на разбившемся корабле?

8. Перескажите близко к тексту, какой план созрел в голове Робинзона. Что он придумал, чтобы вырваться на свободу?

Глава двадцать первая

Робинзон спасает дикаря и даёт ему имя Пятница

Представьте же себе моё изумление, когда, выйдя однажды из крепости, я увидел внизу, у самого берега (то есть не там, где я ожидал их увидеть), пять или шесть индейских пирогов. Пироги стояли пустые. (...)

Так как я знал, что в каждую пирогу обыкновенно садится по шесть человек, а то и больше, признаюсь, я сильно растерялся. (...)

«Их не меньше двадцати человек, а пожалуй, наберётся и тридцать. Где же мне одному одолеть их!», — с беспокойством подумал я.

Я (...) засел в своей крепости и приготовился к бою.

Кругом было тихо. Я долго прислушивался, не донесутся ли с той стороны крики или песни дикарей. Наконец мне наскучило ждать. Я оставил свои ружья под лестницей и взобрался на вершину холма.

(...) Я спрятался за этой вершиной и стал смотреть в подзорную трубу. Дикари теперь вернулись к своим лодкам. Их было не менее тридцати человек. Они развели на берегу костёр и, очевидно, готовили на огне какую-то пищу. (...)

Продолжая глядеть на них в подзорную трубу, я увидел, что они подбежали к лодкам, вытащили оттуда двух человек и поволокли к костру. Видимо, они намеревались убить их. (...)

Робинзон Крузо видит, как дикари расправились с одним пленником и как другой пленник убежал. Беглец переплыл бухту, и преследовавшие его дикари не смогли его догнать.

«Теперь или никогда! — сказал я себе и помчался вперёд. — Спаси, спаси этого несчастного какой угодно ценой!...»

Не теряя времени, я сбежал по лестнице к подножию горы, схватил оставленные там ружья, затем с такой же быстротой взобрался опять на гору, спустился с другой стороны и побежал наискосок прямо к морю, чтобы остановить дикарей. (...)

Робинзону удалось спасти беглеца от преследовавших его дикарей. По его приказу беглец похоронил тела убитых.

Это был милостивый молодой человек, высокого роста, отлично сложенный, руки и ноги были мускулистые, сильные и в то же время чрезвычайно изящные; на вид ему было лет двадцать шесть. В лице его я не заметил ничего угрюмого или свирепого; это было мужественное и в то же время нежное и приятное лицо, и нередко на нём появлялось выражение кротости, особенно когда он улыбался. Волосы у него были чёрные и длинные; они падали на лицо прямыми прядями. Лоб высокий, открытый; цвет кожи тёмно-коричневый, очень приятный для глаз. Лицо круглое, щёки полные, нос

К. Оффердингер.
Иллюстрация к роману
Д. Дефо «Робинзон
Крузо». XIX в.

небольшой. Рот красивый, губы тонкие, зубы ровные, белые, как сло-
новая кость.

(...) Припав лицом к земле, он (...) доступными ему способами стар-
ался доказать мне свою безграничную покорность и дать мне понять,
что с этого дня он будет служить мне всю жизнь.

Я понял многое из того, что он хотел мне сказать, и постарался вну-
шить ему, что я им совершенно доволен.

(...) Прежде всего я сообщил ему, что буду называть его Пятницей
(я выбрал для него это имя в память дня, когда спас ему жизнь). Затем
я научил его произносить моё имя, научил также выговаривать «да» и
«нет» и растолковал значение этих слов.

Я принёс ему молока в глиняном кувшине и показал, как обмаки-
вать в него хлеб. Он сразу научился всему этому и стал знаками пока-
зывать мне, что моё угощение пришлось ему по вкусу. (...)

Мы переночевали в гроте, но, как только наступило утро, я прика-
зал Пятнице идти за мной и повёл его в свою крепость.

В одном из сундуков Робинзон нашёл для Пятницы штаны, сшил для него
куртку и сделал шапку.

Никогда ни один человек не имел такого любящего, такого верного
и преданного друга. (...) Я убеждён, что, если бы понадобилось, он с ра-
достью пожертвовал бы ради меня своей жизнью.

Я был очень счастлив, что у меня наконец-то появился товарищ,
и дал себе слово научить его всему, что могло принести ему пользу,
а раньше всего научить его говорить на языке моей родины, чтобы мы
с ним могли понимать друг друга. (...)

С тех пор как Пятница был со мной, жизнь моя стала приятной и
лёгкой. (...)

Глава двадцать вторая

Робинзон беседует с Пятницей и учитает его

Робинзон начал брать Пятницу на охоту и приучать его к варёной пище, он
показал ему, как нужно молотить и веять зерно.

В скором времени Пятница научился работать не хуже меня.

Так как теперь я должен был прокормить двух человек, следовало
подумать о будущем. Прежде всего необходимо было увеличить паш-
ню и сеять больше зерна. Я выбрал большой участок земли и принялся
огораживать его. Пятница не только старательно, но очень весело и
с явным удовольствием помогал мне в работе.

Я объяснил ему, что это будет новое поле для хлебных колосьев, потому что нас теперь двое и нужно будет запастись хлебом не только для меня, но и для него. Его очень тронуло, что я так забочусь о нём (...).

То был самый счастливый год моей жизни на острове.

Пятница научился довольно хорошо говорить по-английски (...), благодаря чему весьма толково исполнял все мои поручения. (...)

Но Пятница нравился мне не только потому, что у меня была возможность разговаривать с ним. С каждым днём я всё больше ценил его честность, его сердечную простоту, его искренность. Мало-помалу я привязался к нему, да и он, со своей стороны, так полюбил меня, как, должно быть, не любил до сих пор никого. (...)

Глава двадцать третья *Робинзон и Пятница строят лодку*

(...) Пятница научился понимать почти всё, что я говорил ему. (...) Мало-помалу я рассказал ему всю свою жизнь: как я попал на мой остров, сколько лет прожил на нём и как провёл эти годы.

Ещё раньше я открыл Пятнице тайну стрельбы из ружья (...) и научил его стрелять. Я отдал в полное его распоряжение одно из своих ружей. Я подарил ему нож и этим подарком буквально осчастливил его. Я (...) дал ему топор, который (...) мог пригодиться для всяких хозяйственных надобностей.

Я много рассказывал Пятнице о европейских странах, особенно о моей родине. Я описал ему нашу жизнь, наши обычаи, нравы, рассказал, как мы (...) плаваем на больших кораблях. (...) Показал я ему (...) лодку, в которой мы хотели спастись, когда буря пригнала нас к этому берегу.

Увидев эту лодку, Пятница задумался и долго молчал. (...)

Наконец, после долгих расспросов, мне удалось выяснить, что точно такую же лодку прибило к берегам той земли, где живёт его племя.

— Её пригнала к нам злая погода, — объяснил Пятница и снова надолго умолк. (...)

— Расскажи мне, какова она с виду.

Пятница описал мне её очень подробно и вдруг совершенно неожиданно прибавил с горячим чувством:

— Белые человеки не потонули, мы их спасли!

— А разве в лодке были белые люди? — поспешил я спросить.

Ж. Гранвиль. Иллюстрация к роману Д. Дефо «Робинзон Крузо». 1840 г.

— Да, — отвечал он, — полная лодка людей!

— Сколько их было?

Он показал мне сначала десять пальцев, потом ещё семь.

— Где же они? Что с ними случилось?

Он отвечал:

— Они живут. Они живут у наших.

Тут меня осенила внезапная мысль: не с того ли самого корабля, что разбился в ту бурную ночь неподалёку от моего острова, были эти семнадцать белых человек?

Возможно, что, когда корабль наскочил на скалу и они увидели, что его не спасти, они пересели в шлюпку, а потом их прибило к земле дикарей, среди которых им и пришлось поселиться.

Я нахмурился и стал строгим голосом допрашивать Пятницу, где же эти люди теперь. Он снова ответил с такой же горячностью:

— Они живы! Им хорошо!

И прибавил, что скоро четыре года, как эти белые люди живут у его земляков, и что те не обижают, не трогают их, но предоставляют им полную волю и дают им всякую еду.

Я спросил его:

— Каким образом могло случиться, что дикари не убили и не съели белых людей?

Он ответил:

— Белые человеки стали нам братья. Наши едят только тех, кого побеждают в бою.

Прошло ещё несколько месяцев. Как-то, гуляя по острову, забрели мы с Пятницей в восточную сторону и поднялись на вершину холма. Оттуда, как уже было сказано, я много лет назад увидел полосу земли, которую принял за материк Южной Америки.

Впрочем, первым взошёл на вершину один только Пятница, а я немного отстал, так как холм был высокий и довольно крутой.

(...) Пятница долго вглядывался в даль и вдруг вскрикнул от неожиданности, запрыгал, заплясал как безумный и стал кричать мне, чтобы я скорее взобрался на холм. (...)

Никогда не случилось мне видеть его таким возбуждённым. Наконец он прекратил свою пляску и крикнул:

— Скорее, скорее сюда!

Я спросил его:

— В чём дело? Чему ты так рад?

— Да, да, — отвечал он, — я счастлив! Вон там, смотри... отсюда видно... там моя земля, мой народ! (...)

Робинзон предложил Пятнице вернуться домой, на родину, но тот не захотел расставаться со своим спасителем. Они решили сделать ещё одну лодку, чтобы отправиться в путь вдвоём.

Мы с увлечением принялись за дело, и через месяц лодка была готова.

Мы потратили на неё много труда, обтесали её снаружи топорами, и у нас получилась настоящая морская лодка, с высоким килем и крепкими бортами; она была вполне пригодна для нашей цели, так как смело могла поднять двадцать человек.

После того потребовалось ещё около двух недель, чтобы сдвинуть наше судно в воду. (...)

Когда лодка была спущена на воду, я с удивлением увидел, как ловко управляется с ней Пятница, как быстро он заставляет её поворачиваться вправо и влево и как хорошо гребёт. (...)

Но, прежде чем отправляться в море, я был намерен (...) поставить в лодке мачту с парусом, а также смастерить якорь и корабельный канат. (...)

Когда всё было готово, я стал учить Пятницу управлять моей лодкой, потому что ни о руле, ни о парусе он не имел никакого понятия. В первое время, когда он увидел, как я поворачиваю лодку рулём и как парус надувается то с одной, то с другой стороны, он был так ошеломлён, словно ему показали какое-то чудо.

Тем не менее под моим руководством он скоро научился управлять лодкой и сделался искусным моряком. Одно только дело осталось ему почти недоступным — употребление компаса. Но так как в тех местах туманы бывают только во время дождей, компас был не особенно нужен. Днём мы могли править на побережье, которое виднелось вдаль, а ночью держать курс по звёздам. Другое дело — в дождливый период, но тогда всё равно нельзя было путешествовать ни по морю, ни по земле.

Наступил двадцать седьмой год моего заключения в этой тюрьме. Впрочем, три последних года можно было смело скинуть со счёта, так как с появлением на острове верного Пятницы моя жизнь совершенно изменилась. (...)

Робинзон и Пятница готовились к предстоящему плаванью, но на острове снова появились дикари-людоеды. Они собирались убить привезённого с собой белого человека. Робинзон и Пятница освободили пленника, который оказался испанцем. На дне одной из пирог, оставленной дикарями, Робинзон обнаружил связанного старика, в котором Пятница узнал своего отца. Ослабленных пленников поселили в новой палатке.

Глава двадцать пятая

Новые обитатели острова. — Прибытие англичан

Робинзон устроил жильё для спасённых пленников, где они могли отдохнуть и набраться сил, и накормил их. Испанец рассказал Робинзону о том, как их корабль, направлявшийся в Гавану, утонул во время бури. Спасти удалось семнадцати членам экипажа, которые оказались на берегу, где жили людоеды. Убедившись в том, что испанец и его товарищи порядочные люди, Робинзон решил переправить их на свой остров. Спустя некоторое время испанец и отец Пятницы отправились за пленниками.

Прошло довольно много времени после отъезда моих путешественников. Я поджидал их со дня на день. Мне казалось, что они запаздывают, что уже дней восемь назад им следовало бы вернуться на остров. Вдруг произошёл один непредвиденный случай, какого ещё никогда не бывало за все годы моего пребывания на острове.

Как-то на рассвете, когда я ещё спал крепким сном, вбегает ко мне Пятница и громко кричит:

— Едут! Едут!

Я вскочил, мигом оделся, перелез через ограду и выбежал в рощу (которая, к слову сказать, так разрослась, что в ту пору её можно было, скорее, назвать лесом).

Я до такой степени забыл об опасности, что, против обыкновения, не захватил с собою никакого оружия. Я был твёрдо уверен, что это возвращается испанец со своими друзьями.

Каково же было моё удивление, когда я увидел в море, милях в пяти от берега, незнакомую лодку с треугольным парусом! Лодка держала курс прямо на остров и, подгоняемая сильным попутным ветром, быстро приближалась. Шла она не со стороны материка, а от южной оконечности острова.

Словом, это была совсем не та лодка, которую мы столько дней ожидали.

На всякий случай надо было подготовиться к обороне.

Я предложил Пятнице спрятаться в роще и внимательно проследить за находящимися в лодке людьми, так как нам неизвестно, враги они или друзья. Затем я вернулся домой, захватил подозрительную трубу и с помощью лестницы взобрался на вершину горы, чтобы, не будучи замеченным, осмотреть всю окрестность; так поступал я всегда, когда опасался нападения врагов.

Не успел я взобраться на гору, как тотчас же увидел корабль.

Он стоял на якоре у юго-восточной оконечности острова, милях в восьми от моего жилья. От берега до него было не более пяти миль.

Корабль был, несомненно, английский, да и лодка, как я теперь мог убедиться, оказалась английским баркасом.

Не могу выразить, какие разнообразные чувства вызвало во мне это открытие!

Моя радость при виде корабля, притом английского, радость ожидания близкой встречи с моими соотечественниками (значит, с друзьями) была выше всякого описания.

Вместе с тем какая-то тайная тревога, которую я не мог объяснить, заставляла меня быть настороже. (...)

Робинзон понял, что среди вновь прибывших есть три пленника, которых разбойники оставили без присмотра. Проявив хитрость и находчивость, Робинзон подошёл к пленным и предложил им свои услуги. Один из пленников оказался капитаном корабля. Капитан рассказал Робинзону о том, как его экипаж взбунтовался и матросы, подстрекаемые шайкой негодяев, согласились стать морскими разбойниками. В схватке с пиратами «островитяне» одержали победу. Робинзон рассказал капитану историю своей жизни за последние двадцать восемь лет, показал ему и его товарищам свою крепость.

Глава двадцать восьмая

Капитан снова становится командиром своего корабля. — Робинзон покидает остров

Робинзону и его спутникам удалось взять бунтовщиков в плен и вернуть корабль его команде. При этом они проявили ум, хитрость и смелость, убедили бунтовщиков в том, что они во власти начальника острова и его команды. Зачинщиков бунта решено было оставить на острове.

Нужно сказать, что, прощаясь с изгнанниками, я дал им слово, что не забуду о них и что, если только в каком-нибудь порту мы встретим корабль, путь которого будет лежать мимо моего острова, я попрошу капитана того корабля зайти за ними и доставить их в родные края.

Когда я покидал этот остров, я взял с собой на память большую остроконечную шапку, собственноручно сшитую мною из козьего меха, зонтик и одного из моих попугаев.

Не забыл я взять и деньги, но они так долго лежали у меня без употребления, что совсем потускнели. Только после основательной чистки можно было увидеть, что они серебряные. Захватил я также и золотые монеты, найденные мною на разбитом испанском корабле.

Как я установил впоследствии по корабельному журналу, мой отъезд состоялся 19 декабря 1686 года. Таким образом, я прожил на острове двадцать восемь лет два месяца и девятнадцать дней.

Ветер был попутный. Корабль мчался на всех парусах. Мне было радостно думать, что с каждой минутой я всё ближе к родным берегам. Когда же наконец показались в туманной дали белые скалы родины, которую я не видел столько лет, я чуть с ума не сошёл от волнения и восторга. Я то и дело подбегал к капитану и кричал ему: «Скорее! Скорее!»

Как только мы бросили якорь, я протиснулся со всеми моими попутчиками и в сопровождении верного Пятницы поспешил в тот город, где прошло мое детство. Родителей я уже не чаял видеть в живых. Ведь даже в ту далёкую пору, когда я впервые отправлялся в чужие края, они были так слабы и стары, а с той поры прошли десятилетия!

Вот и наша улица, вот и старый дом, который я так безрассудно покинул. С изумлением встретили меня обитатели этого дома, когда я, взволнованный до слёз, сообщил им, кто я такой. В первую минуту мне не поверили, но, когда убедились, что я действительно Робинзон Крузо, меня чуть не задушили в объятиях. Особенно обрадовались мне мои сёстры и их дети — мальчики и девочки, которые прежде никогда не видали меня. Все давно считали, что я умер, и теперь смотрели на меня, как на чудо, словно я воскрес из могилы.

После первых родственных приветствий все стали шумно расспрашивать, где я пропадал столько лет, что я видел в заморских краях, какие были у меня приключения, и кто такой Пятница, и откуда взялась у меня диковинная остроконечная шапка, и почему у меня такие длинные волосы и такое загорелое лицо. Когда я увидел, что их расспросам не будет конца, я усадил их всех, и взрослых и детей, у камина и стал подробно рассказывать им то, что написано здесь, в этой книге. (...)

(Пересказ К. Чуковского)

Вопросы и задания

1. При каких обстоятельствах в жизни Робинзона появился дикарь, которого он спас от преследовавших его людоедов?
2. Расскажите, как выглядел дикарь. Как он относился к Робинзону?
3. Докажите, что Пятница был способным учеником. Чему научил его герой романа?
4. Как изменилась жизнь Робинзона после того, как рядом с ним появился Пятница?
5. Какие чувства испытал Робинзон, увидев в море приближающуюся к острову лодку и английский корабль?

Робинзонада в мировой литературе

Робинзонада объединяет произведения, авторы которых изображают жизнь одного или нескольких героев на необитаемом острове в условиях, далёких от цивилизации. После выхода в свет романа Д. Дефо «робинзонами» стали называть людей, оказавшихся вдали от общества и вынужденных бороться за выживание — так возникло понятие «робинзонада».

Образ Робинзона Крузо заинтересовал украинского поэта Т. Шевченко. Во время пребывания в ссылке он нарисовал иллюстрацию к роману Д. Дефо, на которой изобразил главного героя, читающего Библию.

Робинзонада — это разновидность приключенческой литературы. Примерами робинзонады являются также «Коралловый остров» Р. Баллантайна, «Таинственный остров» Ж. Верна, «Остров доктора Моро» Г. Уэллса, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Остров накануне» У. Эко и другие.

Т. Шевченко. Иллюстрация к роману Д. Дефо «Робинзон Крузо». 1856 г.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвёл на вас роман Д. Дефо?
2. В чём схожи и чем отличаются истории шотландского моряка Селькирка и Робинзона Крузо?

3. От чьего имени ведётся повествование в романе Д. Дефо?
4. Почему Робинзон убежал из дому вопреки воле отца и матери?
5. Изменилось ли мировосприятие Робинзона после того, как он очутился среди дикой природы? Какая новая цель появилась в его жизни?
6. Почему для Робинзона была важна встреча с Пятницей? Можно ли назвать их отношения дружественными?
7. Какую роль в построении романа выполняют точные даты — 1 сентября 1651 года, 1 сентября 1659 года? Сколько лет было герою, когда он отправился в странствие? Сколько лет прожил он на острове?
8. Докажите, что «Робинзон Крузо» является приключенческим романом. Определите тему и идею произведения.

9. Найдите в тексте размышления Робинзона Крузо о деньгах, которые он нашёл на корабле. Объясните, почему он называет их «негодным мусором», но всё же оставляет у себя.
10. Опишите, как вы представляете остров, на котором жил Робинзон Крузо.

ДЖЕК ЛОНДОН (1876–1916)

Жизнь американского писателя Джека Лондона (настоящее имя Джон Гриффит Чейни) такая же яркая и увлекательная, как и его книги. Талантливый писатель-самоучка, который создавал образы простых мужественных людей, воспевал их готовность к действию, широту души и храбрость, обострённое чувство справедливости, стойкость в схватках с «белым безмолвием» Арктики.

Детство писателя прошло в Сан-Франциско и его окрестностях, среди простых тружеников. Семья бедствовала и жила в нужде. Мальчик с детства помогал отчиму и матери. Он поднимался в три часа ночи и отправлялся продавать утренние газеты, потом шёл в школу, а вечером снова продавал газеты, развозил лёд. «Обязанности — прежде всего, отныне и навсегда. Детства у меня не было» — так напишет он впоследствии.

Писатель прошёл серьёзную трудовую школу, работая на консервной фабрике, служа в рыбачьем патруле, матросом на парусной шхуне. Джек Лондон испытал все трудности морской службы в компании настоящих морских волков, которые считали его ровней себе и не делали для него никаких исключений.

По совету матери он участвует в конкурсе на лучший очерк, объявленном газетой «Голос Сан-Франциско» в 1893 г. и получает первую премию. Очерк назывался «Тайфун у берегов Японии». Он многое знал о жизни, был хорошим рассказчиком.

Джек Лондон поступил в Калифорнийский университет, однако проучился всего лишь один семестр — нужно было содержать мать и отчима.

Джек Лондон в детстве.
1883 г.

Он твёрдо решает стать профессиональным писателем. Правда, начинающего автора никто не знает и литературные занятия денег не приносят.

Из газет он узнаёт, что на Аляске нашли золото. В надежде разбогатеть туда сразу же хлынул поток искателей денег и приключений. Джек Лондон влился в ряды золотоискателей, чтобы обеспечить себе возможность заниматься литературным трудом. Он так и не разбогател, но именно тогда раскопал главную свою «золотую жилу».

В охваченном «золотой лихорадкой» Клондайке долгой арктической ночью в хижине Джека Лондона коротали время охотники и искатели приключений, индейцы и золотоискатели. Рассказанные ими житейские истории — временами незамысловатые, но в большинстве своём удивительные, — перешли на страницы его книг. Так родились «Северные рассказы»: «Белое Безмолвие», «Северная Одиссея», «Любовь к жизни», «На сороковой миле», «Человек со Шрамом», «Тысяча дюжин», «В далёком краю», а также появились удивительные джек-лондоновские герои, которых до того не было в мировой литературе.

«Любовь к жизни» — один из наиболее ярких, трагичных и одновременно жизнеутверждающих рассказов.

Теория литературы

Понятие о пейзаже

Пейзаж — это описание природы в художественном произведении, иначе говоря, образ природы в литературе или живописи. Изображая картины природы, писатель предлагает свой взгляд на окружающий мир и выражает отношение к нему. В картинах природы отображаются характерные черты данной местности, как, например, природа Аляски в рассказах Джека Лондона.

В пейзаже писатели выражают свою любовь к родной природе, воплощают её самобытность в звуках, цвете, запахах, игре света и тени. Вспомните, например, пейзажи в творчестве А. Пушкина, И. Бунина, А. Фета, С. Есенина. Через природу раскрывается душа народа. Национальным картинам природы присущи традиционные деревья и растения. Это, например, берёза — в русском пейзаже, калина — в украинском. Пейзаж является дополнительным средством характеристики мыслей, чувств, переживаний героя. Он может соответствовать его настроению, как в рассказе Джека Лондона «Любовь к жизни», либо быть контрастным, то есть противоположным мыслям и чувствам действующих лиц.

Р. Кент. Молодые ёлки.
1960 г.

Пейзаж — это образ природы в литературе или живописи.

Он может служить дополнительным средством характеристики героя, соответствуя его настроению или контрастируя с ним.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Прихрамывая, они спустились к речке, и один раз тот, что шёл впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность — след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжёлые тюки, стянутые ремнями. Каждый из них нёс ружьё. Оба шли сторбившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

— Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, — сказал один.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенящуюся по камням, ничего ему не ответил.

Второй тоже вошёл в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лёд, — такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлёстывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.

Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова, — он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперёд, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и посмотрел на своего спутника: тот всё так же шёл впереди, даже не оглядываясь.

Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

— Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковлял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.

Билл уже выбрался на другой берег и плёлся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жёсткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвёл взглядом тот круг Вселенной, в котором он остался один после ухода Билла.

Над самым горизонтом тускло светило солнце, едва видимое сквозь мглу и густой туман, который лежал плотной пеленой, без видимых границ и очертаний. Опираясь на одну ногу всей своей тяжестью, путник достал часы. Было уже четыре. Последние недели две он сбился со счёта; так как стоял конец июля и начало августа, но он знал, что солнце должно находиться на северо-западе. Он взглянул на юг, соображая, что где-то там, за этими мрачными холмами, лежит Большое Медвежье озеро и что в том же направлении проходит по канадской равнине страшный путь Полярного круга. Речка, посреди которой он стоял, была притоком реки Коппермайн, а Коппермайн течёт также на север и впадает в залив Коронации, в Северный Ледовитый океан. Сам он никогда не бывал там, но видел эти места на карте Компании Гудзонова залива.

Он снова окинул взглядом тот круг Вселенной, в котором остался теперь один. Картина была невесёлая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы, — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха.

— Билл! — прошептал он и повторил опять: — Билл!

Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием. Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружьё с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружьё, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошёл к берегу, морщась от боли.

Он шёл не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл, — и сам он казался ещё более смешным и неуклюжим, чем хромой, едва ковылявший Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет! На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк ещё дальше к левому плечу и, хромя, стал спускаться вниз.

Ю. Шейнис. Иллюстрация к рассказу Джека Лондона «Любовь к жизни». 2006 г.

Дно долины было болотистое, вода пропитывала густой мох, словно губку. На каждом шагу она брызгала из-под ног, и подошва с хлопанием отрывалась от влажного мха. Стараясь идти по следам Билла, путник перебирался от озера к озеру, по камням, торчавшим во мху, как островки.

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что ещё немного — и он подойдёт к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадает ручей, и вода в нём не мутная. По берегам ручья растёт камыш — это он хорошо помнил, — но деревьев там нет, и он пойдёт вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдёт свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — всё нужное для того, чтобы добывать себе пропитание. А ещё там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.

Билл подождёт его там, и они вдвоём спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, всё на юг, пока не доберутся до реки Маккензи. На юг, всё на юг, — а зима будет догонять их, и быстрину в реке затаянет льдом, и дни станут холодней, — на юг, к какой-нибудь фактории Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.

Вот о чём думал путник, с трудом пробираясь вперёд. Но как ни трудно было ему идти, ещё труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждёт его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось только лечь на землю и умереть. И пока тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать — и не один раз — каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы. Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своём тайнике и запасы на складе Компании Гудзонова залива. Он ничего не ел уже два дня, но ещё дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жёсткое семя. Он знал, что ими не насытишься, но всё-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления. Довольно долго он лежал на боку не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел. Ещё не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней,

собирая клочки сухого мха. Набрал целую охапку, он развёл костёр — тлеющий, дымный костёр — и поставил на него котелок с водой.

Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент; один свёрток он положил в пустой кiset, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху. Когда он проделал всё это, ему вдруг стало страшно; он развернул все три свертка и снова пересчитал. Спичек было по-прежнему шестьдесят семь.

Он просушил мокрую обувь у костра. От мокасин остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стёрты до крови. Лодыжка сильно болела, и он осмотрел её: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено. Он оторвал длинную полоску от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал лодыжку, оторвал ещё несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим носки и мокасины, потом выпил кипятку, завёл часы и лёг, укрывшись одеялом.

Он спал как убитый. К полуночи стемнело, но не надолго. Солнце взошло на северо-востоке — вернее, в той стороне начало светать, потому что солнце скрывалось за серыми тучами.

В шесть часов он проснулся, лёжа на спине. Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден. Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фырканье и увидел большого оленя, который настороженно и с любопытством смотрел на него. Олень стоял от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запах и вкус оленины, шипящей на сковородке. Он невольно схватил незаряженное ружьё, прицелился и нажал курок. Олень всхрипнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.

Он выругался, отшвырнул ружьё и со стоном попытался встать на ноги. Это удалось ему с большим трудом и нескоро. Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли. Когда он, наконец, поднялся на ноги, ему понадобилась ещё целая минута, чтобы выпрямиться и стоять прямо, как полагается человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни деревьев, ни кустов — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озёрки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришёл вчера вечером. Но он не сбился с пути. Это он знал. Скоро он придёт в Страну Маленьких Палок. Он знал, что она где-то налево, недалёко отсюда — быть может, за следующим пологим холмом.

Ю. Шейнис. Иллюстрация к рассказу Джека Лондона «Любовь к жизни». 2006 г.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли его три свёртка со спичками, но не стал их пересчитывать. Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов — столько же, сколько всё остальное, — и это его тревожило. Наконец, он отложил мешочек в сторону и стал свёртывать тюк; потом взглянул на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплёлся дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной.

Он свернул налево и пошёл, время от времени останавливаясь и срывая болотные ягоды. Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке. Голод мучил его невыносимо. Боль всё грызла и грызла его, и он уже не понимал, в какую сторону надо идти, чтобы добраться до Страны Маленьких Палок. Ягоды не утоляли грызущей боли, от них только щипало язык и нёбо.

Когда он дошёл до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича: кр, кр, кр... Он бросил в них камень, но промахнулся. Потом, положив тюк на землю, стал подкрадываться к ним ползком, как кошка подкрадывается к воробьям. Штаны у него порвались об острые камни, от колен тянулся кровавый след, но он не чувствовал этой боли, — голод заглушал её. Он полз по мокрому мху; одежда его намочила, тело зябло, но он не замечал ничего, так сильно терзал его голод. А белые куропатки всё

вспархивали вокруг него, и наконец это «кр, кр» стало казаться ему насмешкой; он выругал куропаток и начал громко передразнивать их крик.

Один раз он чуть не наткнулся на куропатку, которая, должно быть, спала. Он не видел её, пока она не вспорхнула ему прямо в лицо из своего убежища среди камней. Как ни быстро вспорхнула куропатка, он успел схватить её таким же быстрым движением — и в руке у него осталось три хвостовых пера. Глядя, как улетает куропатка, он чувствовал к ней такую ненависть, будто она причинила ему страшное зло. Потом он вернулся к своему тюку и взвалил его на спину.

К середине дня он дошёл до болота, где дичи было больше. Словно дразня его, мимо прошло стадо оленей, голов в двадцать, — так близко, что их можно было подстрелить из ружья. Его охватило дикое желание бежать за ними, он был уверен, что догонит стадо. Навстречу ему попалась чернобурая лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, всё же не выпустила добычи.

Вечером он шёл по берегу мутного от извести ручья, поросшего редким камышом. Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он выдернул что-то вроде луковицы, не крупнее обойного гвоздя. Луковица оказалась мягкая и аппетитно хрустела на зубах. Но волокна были жёсткие, такие же водянистые, как ягоды, и не насыщали. Он сбросил свою поклажу и на четвереньках пополз в камыши, хрустя и чавкая, словно жвачное животное.

Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а ещё больше голод не давали ему покоя. Он искал лягушек в озёрах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он заглядывал в каждую лужу и, наконец, с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить её обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведёрко, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплёскивал воду так близко от лужи, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него

сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что её нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы её камнем, и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго ещё плакал без слёз, сотрясаясь от рыданий.

Он развёл костёр и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завёл часы. Одежда была сырая и холодные на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой.

Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костёр и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил всё гуще и гуще, застилая землю, и, наконец, весь собранный им мох отсырел, и костёр погас.

Это было ему сигналом снова взвалить тюк на спину и брести вперёд, неизвестно куда. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть! Он помешался от голода. Ему было всё равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту. Под мокрым снегом он ощупью искал водянистые ягоды, выдёргивал стебли камыша с корнями. Но всё это было пресно и не насыщало. Дальше ему попалась какая-то кислая на вкус травка, и он съел, сколько нашёл, но этого было очень мало, потому что травка стлалась по земле и её нелегко было найти под снегом.

В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном. Снег превратился в холодный дождь. Он то и дело просыпался, чувствуя, что дождь мочит ему лицо. Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своем тайнике у реки Диз.

Он разорвал остаток одного одеяла на полосы и обмотал стёртые до крови ноги, потом перевязал большую ногу и приготовился к дневно-

му переходу. Когда дело дошло до тюка, он долго глядел на мешочек из оленьей кожи, но в конце концов захватил и его. (...)

Муки голода уже притупились, но он чувствовал, что ослаб. Ему приходилось часто останавливаться и отдыхать, собирая болотные ягоды и луковицы камыша. Язык у него распух, стал сухим, словно шерстистым, и во рту был горький вкус. А больше всего его донимало сердце. После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подскакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже. Вычерпать воду было немислимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведёрком. Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть. Боль в желудке всё слабела, становилась всё менее острой, как будто желудок дремал. Он съел рыбок сырыми, старательно их разжёвывая, и это было чисто рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых. (...)

Ещё одна ночь, и наутро, образумившись, наконец, он развязал ремешок, стягивающий кожаный мешочек. Из него жёлтой струйкой посыпался крупный золотой песок и самородки. Он разделил золото пополам, одну половину спрятал на видном издалека выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую всыпал обратно в мешок. Своё последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног. Но ружьё он всё ещё не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны.

День выдался туманный. В этот день в нём снова пробудился голод. Путник очень ослабел, и голова у него кружилась так, что по временам он ничего не видел. Теперь он постоянно спотыкался и падал, и однажды свалился прямо на гнездо куропатки. Там было четверо только что вылупившихся птенца, не старше одного дня; каждого хватило бы только на глоток; и он съел их с жадностью, запихивая в рот живыми: они хрустели у него на зубах, как яичная скорлупа. Куропатка-мать с громким криком летала вокруг него. Он хотел подшибить её прикладом ружья, но она увернулась. Тогда он стал бросать в неё камнями и перебил ей крыло. Куропатка бросилась от него прочь, вспархивая и волоча перебитое крыло, но он не отставал. (...)

Погоня за куропаткой привела его в болотистую низину, и там он заметил человеческие следы на мокром мху. Следы были не его — это он видел. Должно быть, следы Билла. Но он не мог остановиться, потому что белая куропатка убегала всё дальше. Сначала он поймаёт её, а потом уже вернётся и рассмотрит следы.

Он загнал куропатку, но и сам обессилел. Она лежала на боку, тяжело дыша, и он, тоже тяжело дыша, лежал в десяти шагах от неё, не в

силах подползти ближе. А когда он отдохнул, она тоже собралась с силами и упорхнула от его жадно протянутой руки. Погоня началась снова. Но тут стемнело, и птица скрылась. Споткнувшись от усталости, он упал с тюком на спине и поранил себе щёку. Он долго не двигался, потом повернулся на бок, завёл часы и пролежал так до утра. (...)

(...) Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведёрко и ружьё.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружьё заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине¹ нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нём нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.

Прошло около получаса, потом навязчивая мысль вернулась к нему снова. Он боролся с ней и не мог побороть и, чтобы хоть чем-нибудь помочь себе, опять осмотрел ружьё. По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат; странные мысли и нелепые представления точили его мозг, как черви. Но он быстро приходил в сознание, — муки голода постоянно возвращали его к действительности. Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств. Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим глазам. Их заволакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством.

Он уже вскинул было ружьё, но быстро опомнился. Опустив ружьё, он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен. Перед ним было мясо и — жизнь. Он провёл большим пальцем по лезвию ножа. Лезвие было острое, и кончик тоже острый. Сейчас он бросится на медведя и убьёт его. Но сердце заколотилось, словно предостерегая: тук, тук, тук, потом бешено подскочило кверху и дробно затрепетало; лоб славило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.

Отчаянную храбрость смыло волной страха. Он так слаб — что будет, если медведь нападёт на него? Он выпрямился во весь рост как можно внушительнее, выхватил нож и посмотрел медведю прямо в

¹ *Магазин* — тут: коробка в ружье для вкладывания патронов.

глаза. Зверь неуклюже шагнул вперед, поднялся на дыбы и зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с её самыми глубокими корнями.

Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его. Но человек всё не двигался. Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, словно в лихорадке, повалился на мокрый мох.

Собравшись с силами, он пошёл дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нём от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднял руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему дорогу. Но они не подходили близко. Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться за оленями, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах, и должно быть, царапалось и кусалось.

К вечеру он набрёл на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой оленёнок, он ревно бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках ещё не угасла жизнь. Может быть, к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая. Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть. Смерть — это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать?

Но он не долго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывал из неё последние частицы жизни, которые ещё окрашивали её в розовый цвет. Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства. Он стиснул зубы крепче и стал грызть. Иногда ломалась кость, иногда его зубы. Потом он стал дробить кости камнем, размалывая их в кашу, и глотать с жадностью. Второпях он попадал себе по пальцам и всё-таки, несмотря на спешку, находил время удивляться, почему он не чувствует боли от ударов.

Наступили страшные дни дождей и снега. Он уже не помнил, когда останавливался на ночь и когда снова пускался в путь. Шёл, не разбирая времени, и ночью и днём, отдыхал там, где падал, и тащился

вперёд, когда угасавшая в нём жизнь вспыхивала и разгоралась ярче. Он больше не боролся, как борются люди. Это сама жизнь в нём не хотела гибнуть и гнала его вперёд. Он не страдал больше. Нервы его притупились, словно оцепенели, в мозгу теснились странные видения, радужные сны. (...)

Он пришёл в сознание однажды утром, лёжа на плоском камне. Ярко светило и пригревало солнце. Издали ему слышно было мычание оленят. Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода — два дня или две недели, — он не знал.

Долгое время он лежал неподвижно, и щедрое солнце лило на него свои лучи, напивая теплом его жалкое тело. «Хороший день», — подумал он. Быть может, ему удастся определить направление по солнцу. Сделав мучительное усилие, он повернулся на бок. Там, внизу, текла широкая, медленная река. Она была ему незнакома, и это его удивило. Он медленно следил за её течением, смотрел, как она вьётся среди голых, угрюмых холмов, ещё более угрюмых и низких, чем те, которые он видел до сих пор. Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое блистающее море. И всё же это его не взволновало. «Очень странно, — подумал он, — это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения». Он ещё более убедился в этом, когда увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их. Странно, что видение не исчезает! А впрочем, нет ничего странного. Он знал, что в сердце этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.

Он услышал за своей спиной какое-то сопение — не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять послышались сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали кверху, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он всё время чихал и кашлял.

«Вот это по крайней мере не кажется», — подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море всё так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это всё-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать — и в конце концов понял, в чём дело. Он шёл на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки

Коппермайн. Эта широкая медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и всё стало ясно и понятно.

Он сел и начал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Ружьё и нож он потерял. Шапка тоже пропала и вместе с ней спички, спрятанные за подкладку, но спички в кисете за пазухой, завёрнутые в пергамент, остались целы и не отсырели. Он посмотрел на часы. Они всё ещё шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал заводить их.

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть ему не хотелось. Мысль о еде была даже неприятна ему, и всё, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведёрко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю — очень тяжёлый, как он предвидел.

Все его движения были медленны. Он дрожал, как в параличе. Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги. Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек заметил, что язык был не здорового, красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полусохшей слизью.

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему приходилось отдышаться чуть не каждую минуту. Он шёл слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк. (...)

Ночью он всё время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрёт первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на заморенную унылую собаку, стоял, понутив голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шёпота.

Взошло яркое солнце, и всё утро путник, спотыкаясь и падая, шёл к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шёл, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было всё равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Однако жизнь, ещё теплившаяся в нём, гнала его вперёд. Он очень устал, но жизнь в нём не хотела гибнуть; и потому, что она не хотела гибнуть, человек всё ещё ел болотные ягоды и пескарей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шёл по следам другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи — такой же, какой был у него, — разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца. Ха-ха! Он ещё посмеётся над Биллом. Он останется жив и возьмёт мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — всё, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмёт золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

Он набрёл на маленькое озерко. И, наклонившись над ним в поисках пескарей, отшатнулся, словно ужаленный. Он увидел своё лицо, отражённое в воде. Это отражение было так страшно, что пробудило даже его отупевшую душу. В озерке плавали три пескаря, но оно было велико, и он не мог вычерпать его до дна; он попробовал поймать рыб ведёрком, но в конце концов бросил эту мысль. Он побоялся, что от усталости упадёт в воду и утонет. По этой же причине он не отважился плыть по реке на бревне, хотя брёвен было много на песчаных отмелях.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблём, а на следующий день — на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля все ещё оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабье лето ещё держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам всё так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жад-

ностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьёт волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, — оба они, полумёртвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга. (...)

Однажды он пришёл в чувство, услышав чьё-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползёт и подумили. И всё-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенёс. Судьба требовала от него слишком много. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней.

Он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы. Он крепился, стараясь не поддаваться чувству дурноты, затопившему, словно прилив, всё его существо. Это чувство поднималось волной и мutilо сознание. Временами он словно тонул, погружаясь в забытьё и сиюсь выплыть, но каким-то необъяснимым образом остатки воли помогали ему снова выбраться на поверхность.

Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему. Оно ощущалось всё ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевелился ни разу. Вот дыхание слышно над самым ухом. Жёсткий сухой язык царапнул его щёку, словно наждачной бумагой. Руки у него вскинулись вверх — по крайней мере он хотел их вскинуть, — пальцы согнулись, как когти, но схватили пустоту. Для быстрых и уверенных движений нужна сила, а силы у него не было.

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше. Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытьём и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог. Время от времени волна забытья захлёстывала его, и он видел долгие сны; но всё время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнёт шершавый язык.

Дыхания он не услышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк

слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Ещё пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится тёплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Учёные не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком.

Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилося на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперёд, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперёд шагов на двадцать в час.

Через три недели, лёжа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учёными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезающий в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что

Ю. Шейнис. Иллюстрация к рассказу Джека Лондона «Любовь к жизни». 2006 г.

еды не хватит. Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днём. (...) Стали ограничивать его в еде, но он всё раздавался в ширину, особенно в поясе.

Матросы посмеивались. Они знали, в чём дело. А когда учёные стали следить за ним, им тоже стало всё ясно. После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку кому-нибудь из матросов. Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря.

Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху. Такие же подачи, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.

Учёные промолчали и оставили его в покое. Но они осмотрели потихоньку его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки — вот и всё. Учёные сказали, что это должно пройти. И это действительно прошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

(Перевод Н. Дарузес)

Север привлекал многих людей искусства своей суровой неповторимой красотой. Один из них — американский живописец, скульптор, график **Рокуэлл Кент** (1882–1971). Художник родился и вырос в состоятельной семье, получил прекрасное образование. Он многое испытал на своём веку: работал чертёжником в архитектурной компании, иллюстратором в журнале, краболовом на ферме, плотником на судне. Им написано несколько книг, которые он сам иллюстрировал. Однако ничто не могло сравниться с основным увлечением всей его жизни — любовью к живописи и природе Севера. Это прежде всего Лисий остров на Аляске, где в охотничьей хижине он пишет, читает и рисует, занимается гравировкой по дереву. Книга, посвящённая этому путешествию, и выставка картин сделали его самым известным художником Америки.

Главная тема творчества — Человек и Дикая природа перед лицом мироздания.

Р. Кент. Вид с Лисьего острова зимой. Середина XX в.

Вопросы и задания

1. На какие размышления наталкивает рассказ «Любовь к жизни»?
2. Известны ли вам случаи выживания людей в сложных обстоятельствах? Что помогло им победить?

3. Где и в какое время года происходят события рассказа «Любовь к жизни»?
4. Назовите действующих лиц произведения.
5. Почему Билл бросает друга в беде? С помощью каких деталей автор характеризует Билла и показывает своё отношение к нему?
6. Какие чувства преобладают у главного героя, когда он остаётся без товарища? Какая мысль его поддерживает и вселяет надежду?
7. Приведите конкретные примеры, которые показывают силу воли и жажду жизни героя в его борьбе с самим собой и северной природой. Перескажите наиболее запомнившийся эпизод.
8. Какие краски преобладают в описаниях природы, когда герой только начинает свой путь? Как изменяется цвет и свет в описаниях природы по мере его продвижения к намеченной цели? Можно ли утверждать, что картины природы интересны не только сами по себе, но и как показатели состояния и переживаний героя?
9. Проследите, как у героя меняется представление о ценностях. Какая художественная деталь особенно ярко показывает эти изменения?
10. При каких обстоятельствах герою открывается океан? Как он понял, что максимально приблизился к цели? О чём он подумал и какие чувства испытал?
11. Как характеризует героя поединок с волком? Найдите в тексте ключевые фразы, которые проясняют источник его победы над животным.
12. Как вы думаете, что объединяет в данной ситуации человека и зверя? Можно ли предположить, что более сильные волки также бросили погибать более слабого? Позволяет ли это сделать вывод об одинаковых законах в обществе и природе или автор придерживается иной точки зрения?
13. В чём коренное отличие главного героя от Билла и как он сам об этом говорит? Каково отношение автора к этим персонажам?
14. Почему рассказ называется «Любовь к жизни»? В чём идея этого произведения?

15. Прочитайте описания природы (по выбору).
16. Перескажите от лица героя один из эпизодов (охота на куропаток; ловля рыбы; встреча с медведем; поединок с волком и др.).

17. Рассмотрите иллюстрации к рассказу Джека Лондона. Найдите в тексте описание внешности героя. Как писатель и художник передают состояние героя и своё отношение к нему?
18. Что общего в изображении природы в творчестве Джека Лондона и Р. Кента?

Традиции классической русской литературы продолжили лучшие писатели XX века, среди которых — Андрей Платонов и Виктор Астафьев. Талантливо, при этом по-разному, они рассказывают о судьбе маленького человека, его простой и незамысловатой жизни, о его бедах и радостях.

Андрей Платонов создаёт особый мир и странного героя, который поражает, приводит в недоумение, заставляет глубоко задуматься. Почему мир взрослых и детей одинаков в своей жестокости? Как удалось слабому на вид человеку, которого многие считали недостойным, проявить высокую силу духа и благородство? Автор предельно честен со своим читателем, когда показывает, что не всегда побеждает добро. Однако он уверен, что любовь, милосердие, душевная чистота не исчезают со смертью человека. Они остаются в памяти людей навечно.

О великой силе любви и прощения много лет спустя вспоминает герой рассказа Виктора Астафьева. Уроки бабушкиной мудрости и доброты олицетворяет купленный ею, несмотря на проступок внука, пряничный конь с розовой гривой.

Писатели раскрывают красоту и благородство, сердечность и открытость простых людей, способных переносить лишения, выживать в условиях, в которых выжить, казалось бы, невозможно, сохраняя при этом доброту и человечность. Такие люди, по мнению авторов, способны преобразить мир и изменить его к лучшему. Эти произведения заставляют читателя задуматься над тем, что такое добро и зло, сострадание и жалость, милосердие и прощение. Они утверждают идею неиссякаемости любви и добра, идущих от человека к человеку.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ (1899–1951)

Андрей Платонович Платонов (Климентов) — известный русский писатель. Он родился в пригороде Воронежа (Россия). Его отец работал паровозным машинистом, потом слесарем железнодорожных ремонтных мастерских. Наверное, Андрей унаследовал любовь к паровозам от отца. В произведениях А. Платонова паровозы и жизнь железнодорожников изображены очень убедительно. Один из самых интересных рассказов на эту тему — «В прекрасном и яростном мире». От семьи матери Андрей унаследовал страсть к изобретениям — его дед и прадед были самоучками-изобретателями. У самого Платонова известно более десяти изобретений.

В душе Андрея причудливо соединились любовь к технике и литературе. Он поступил в Воронежский университет на историко-литературный факультет. Однако после первого курса перешёл на электротехническое отделение железнодорожного техникума. Окончив учёбу, работал мелиоратором¹ и корреспондентом газеты. В эти годы он осуществил несколько интересных, но быстро прекращающихся (вследствие их бесплатности для потребителей) проектов: соорудил мельницу в центре Воронежа для помола зерна, устроил в с. Рогачёвка показ кинофильмов для местных крестьян, построил электростанцию.

С 1927 г., после переезда в Москву, А. Платонов занимается только литературой. Повести «Епифанские шлюзы» (1927), «Ямская слобода» (1927), «Сокровенный человек» (1928) стали свидетельством того, что их автор — талантливый писатель. В своих произведениях он сумел соединить высокую поэтическую речь с обычной, шаблонной. Поскольку А. Платонов правдиво изображал проблемы тогдашней жизни, его произведения вызвали неудовольствие органов власти. После публикации рассказа «Усомнившийся Макар» (1929) и повести «Впрок» (1931) писателя нещадно критиковали, практически не печатали. Многие произведения (роман «Чевенгур», повести «Ювенильное море», «Джан» и др.) были опубликованы лишь спустя десятилетия после смерти писателя.

Андрей Платонов умер от туберкулёза в 1951 г. в Москве.

¹ Мелиоратор — тот, кто выполняет работы для улучшения качества земли, её производительности.

Портрет Андрея Платонова, выполненный художником **Николаем Ромадиным**, выражает не только духовный мир писателя, но и основные идеи его творчества. Одна из них состоит в том, что человек утратил связь с миром природы. Природу писатель понимал предельно широко: это Вселенная, основа бытия. Своеобразным воплощением природы является образ яркой домашней птицы — петуха. Разрыв усугубляется стремительной механизацией общества. Не случайно на картине изображена керосиновая, а не электрическая лампа. Бесконечность времени показана с помощью условного энергетического вихря.

*Н. Ромадин. Портрет
А. Платонова.
Конец XX в.*

Важнейшей для А. Платонова является идея стремления к духовному совершенству, которое достигается, как правило, непохожестью на других, странничеством. Эти качества переданы с помощью сияния лица, глаз писателя, а также неподвижного положения человека, думающего о чём-то важном для себя.

ЮШКА

Давно, в старинное время, жил у нас на улице старый на вид человек. Он работал в кузнице при большой московской дороге; он работал подручным помощником у главного кузнеца, потому что он плохо видел глазами и в руках у него мало было силы. Он носил в кузницу воду, песок и уголь, раздувал мехом горн, держал клещами горячее железо на наковальне, когда главный кузнец отковывал его, вводил лошадь в станок, чтобы ковать её, и делал всякую другую работу, которую нужно было делать. Звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой. Он был мал ростом и худ; на сморщенном лице его, вместо усов и бороды, росли по отдельности редкие седые волосы; глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла влага, как неостывающие слёзы.

Юшка жил на квартире у хозяина кузницы, на кухне. Утром он шёл в кузницу, а вечером шёл обратно на ночлег. Хозяин кормил его за работу хлебом, шами и кашей, а чай, сахар и одежда у Юшки были свои; он их должен покупать за своё жалованье — семь рублей и шестьдесят копеек в месяц. Но Юшка чаю не пил и сахару не покупал, он пил воду, а одежду носил долгие годы одну и ту же без смены: летом он ходил в

штанах и в блузе, чёрных и закопчённых от работы, прожжённых искрами насквозь, так что в нескольких местах видно было его белое тело, и босой, зимою же он надевал поверх блузы ещё полущубок, доставшийся ему от умершего отца, а ноги обувал в валенки, которые он подшивал с осени, и носил всякую зиму всю жизнь одну и ту же пару.

Когда Юшка рано утром шёл по улице в кузницу, то старики и старухи подымались и говорили, что вон Юшка уж работать пошёл, пора вставать, и будили молодых. А вечером, когда Юшка проходил на ночлег, то люди говорили, что пора ужинать и спать ложиться — вон и Юшка уж спать пошёл.

А малые дети и даже те, которые стали подростками, они, увидя тихо бредущего старого Юшку, переставали играть на улице, бежали за Юшкой и кричали:

— Вон Юшка идёт! Вон Юшка!

Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку.

— Юшка! — кричали дети. — Ты правда Юшка?

Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шёл так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор.

Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердает на них. И они снова окликали старика:

— Юшка, ты правда или нет?

Затем дети снова бросали в него предметы с земли, подбегали к нему, трогали его и толкали, не понимая, почему он не пугает их, не возьмёт хворостину и не погонится за ними, как все большие люди делают. Дети

не знали другого такого человека, и они думали — вправду ли Юшка живой? Потрогав Юшку руками или ударив его, они видели, что он твёрдый и живой.

Тогда дети опять толкали Юшку и кидали в него комья земли, — пусть он лучше злится, раз он вправду живёт на свете. Но Юшка шёл и молчал. Тогда сами дети начинали сердать на Юшку. Им было скучно и нехорошо играть, если Юшка всегда молчит, не пугает их и не гонится за ними. И они ещё сильнее толкали старика и кричали вокруг него, чтоб он отозвался им злом и развеселил их. Тогда бы они отбежали от него и в испуге, в радости снова бы дразнили его издали и

П. Сведомский.
Юродивый. Конец XIX в.

звали к себе, убегая затем прятаться в сумрак вечера, в сени домов, в заросли садов и огородов. Но Юшка не трогал их и не отвечал им.

Когда же дети вовсе останавливали Юшку или делали ему слишком больно, он говорил им:

— Чего вы, рódные мои, чего вы, маленькие!.. Вы, должно быть, любите меня!.. Отчего я вам всем нужен?.. Обождите, не надо меня трогать, вы мне в глаза землёй попали, я не вижу.

Дети не слышали и не понимали его. Они по-прежнему толкали Юшку и смеялись над ним. Они радовались тому, что с ним можно всё делать, что хочешь, а он им ничего не делает.

Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его.

Дома отцы и матери упрекали детей, когда они плохо учились или не слушались родителей: «Вот ты будешь такой же, как Юшка! Вырастешь, и будешь ходить летом босой, а зимой в худых валенках, и все тебя будут мучить, и чаю с сахаром не будешь пить, а одну воду!»

Взрослые пожилые люди, встретив Юшку на улице, тоже иногда обижали его. У взрослых людей бывало злое горе или обида, или они были пьяными, тогда сердце их наполнялось лютой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кузницу или ко двору на ночлег, взрослый человек говорил ему:

— Да что ты такой блажнёй, непохожий ходишь тут? Чего ты думаешь такое особенное?

Юшка останавливался, слушал и молчал в ответ.

— Слов у тебя, что ли, нету, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай! Говори, будешь так жить, как надо? Не будешь? Ага!.. Ну ладно!

И после разговора, во время которого Юшка молчал, взрослый человек убеждался, что Юшка во всём виноват, и тут же бил его. От кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его больше, чем хотел сначала, и в этом зле забывал на время своё горе.

Юшка потом долго лежал в пыли на дороге. Очнувшись, он вставал сам, а иногда за ним приходила дочь хозяина кузницы, она подымала его и вводила с собой.

— Лучше бы ты умер, Юшка, — говорила хозяйская дочь. — Зачем ты живёшь?

Юшка глядел на неё с удивлением. Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить.

— Это отец-мать меня родили, их воля была, — отвечал Юшка, — мне нельзя помирать, и я отцу твоему в кузне помогаю.

— Другой бы на твоё место нашёлся, помощник какой!

— Меня, Даша, народ любит!

Даша смеялась.

— У тебя сейчас кровь на щеке, а на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь — народ тебя любит!..

— Он меня без понятия любит, — говорил Юшка. — Сердце в людях бывает слепое.

— Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! — произносила Даша. — Иди скорее, что ль! Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчёту.

— По расчёту они на меня серчают, это правда, — соглашался Юшка. — Они мне улицей ходить не велят и тело калечат.

— Эх ты, Юшка, Юшка! — вздыхала Даша. — А ты ведь, отец говорил, нестарый ещё!

— Какой я старый!.. Я грудью с детства страдаю, это я от болезни на вид оплошал и старым стал...

По этой своей болезни Юшка каждое лето уходил от хозяина на месяц. Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились.

Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живёт вдовья сестра, а в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что идёт в деревню, а в иной, что в самую Москву. А люди думали, что в дальней деревне живёт Юшкина любимая дочь, такая же незлобная и лишняя людям, как отец.

В июне или августе месяце Юшка надевал на плечи котомку с хлебом и уходил из нашего города. В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел на белые облака, рождающиеся в небе, плывущие и умирающие в светлой воздушной теплоте, слушал голос рек, бормочущих на каменных перекатах, и больная грудь Юшки отдыхала, он более не чувствовал своего недуга — чахотки. Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтоб они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим. Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве весёлые звуки, и поэтому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнувших влагой и солнечным светом.

По дороге Юшка отдыхал. Он садился в тень подорожного дерева и дремал в покое и тепле. Отдохнув, отдышавшись в поле, он не пом-

нил более о болезни и шёл весело дальше, как здоровый человек. Юшке было сорок лет от роду, но болезнь давно уже мучила его и состарила прежде времени, так что он всем казался ветхим. (...)

Через месяц Юшка обыкновенно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова начинал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную глупость и терзали его.

Юшка смирно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котомку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что заработал и накопил за год, всего рублей сто, вешал тот мешочек себе за пазуху на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому.

Но год от году Юшка всё более слабел, потому шло и проходило время его жизни и грудная болезнь мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже подходил срок отправляться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошёл. Он брёл, как обычно вечером, уже затемно из кузницы к хозяину на ночлег. Весёлый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним:

— Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хотя бы ты помер, что ли, может, веселее бы стало без тебя, а то я боюсь соскучиться...

И здесь Юшка осерчал в ответ — должно быть, первый раз в жизни.

— А чего я тебе, чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя...

Прохожий, не дослушав Юшку, рассердился на него:

— Да ты что! Ты чего заговорил? Как ты смеешь меня, самого меня с собой равнять, юрод негодный!

— Я не равняю, — сказал Юшка, — а по надобности мы все равны...

— Ты мне не мудрей! — закричал прохожий. — Я сам помудрей тебя! Ишь, разговорился, я тебя выучу уму!

Замахнувшись, прохожий с силой злобы толкнул Юшку в грудь, и тот упал навзничь.

— Отдохни, — сказал прохожий и ушёл домой пить чай.

Полежав, Юшка повернулся вниз лицом и более не пошевелился и не поднялся.

Вскоре проходил мимо один человек, столяр из мебельной мастерской. Он окликнул Юшку, потом переложил его на спину и увидел во тьме белые открытые неподвижные глаза Юшки. Рот его был чёрен; столяр вытер уста Юшки ладонью и понял, что это была спёкшаяся кровь. Он опробовал ещё место, где лежала голова Юшки лицом вниз, и почувствовал, что земля там была сырая, её залила кровь, хлынувшая горлом из Юшки.

— Помер, — вздохнул столяр. — Прощай, Юшка, и нас всех прости. Забраковали тебя люди, а кто тебе судья!..

Хозяин кузницы приготовил Юшку к погребению. Дочь хозяина Да-ша омыла тело Юшки, и его положили на стол в доме кузнеца. К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку и потешался над ним и мучил его при жизни.

Потом Юшку похоронили и забыли его. Однако без Юшки жить людям стало хуже. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство.

Снова вспомнили про Юшку лишь глубокой осенью. В один тёмный непогожий день в кузницу пришла юная девушка и спросила у хозяина-кузнеца: где ей найти Ефима Дмитриевича?

— Какого Ефима Дмитриевича? — удивился кузнец. — У нас такого сроду тут и не было.

Девушка, выслушав, не ушла, однако, и молча ожидала чего-то. Кузнец поглядел на неё: что за гостью ему принесла непогода. Девушка на вид была тщедушна и невелика ростом, но мягкое чистое лицо её было столь нежно и кротко, а большие серые глаза глядели так грустно, словно они готовы были вот-вот наполниться слезами, что кузнец подобрел сердцем, глядя на гостью, и вдруг догадался:

— Уж не Юшка ли он? Так и есть — по паспорту он писался Дмитричем...

— Юшка, — прошептала девушка. — Это правда. Сам себя он называл Юшкой.

Кузнец помолчал.

— А вы кто ему будете? Родственница, что ль?

— Я никто. Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионом... Каждый год он приходил проводить меня и приносил деньги на весь год, чтоб я жила и училась. Теперь я выросла, я уже окончила университет, а Ефим Дмитриевич в нынешнее лето не пришёл меня проведать. Скажите мне, где же он, — он говорил, что работал у вас двадцать пять лет...

— Половина полвека прошло, состарились вместе, — сказал кузнец.

Он закрыл кузницу и повёл гостью на кладбище. Там девушка припала к земле, в которой лежал мёртвый Юшка, человек, кормивший её с детства, никогда не евший сахара, чтоб она ела его.

Она знала, чем болел Юшка, и теперь сама окончила ученье на врача и приехала сюда, чтобы лечить того, кто её любил больше всего на свете и кого она сама любила всем теплом и светом своего сердца...

С тех пор прошло много времени. Девушка-врач осталась навсегда в нашем городе. Она стала работать в больнице для чахоточных, она ходила по домам, где были туберкулёзные больные, и ни с кого не брала платы за свой труд. Теперь она сама уже тоже состарилась, однако по-прежнему весь день она лечит и утешает больных людей, не утомляясь утешать страдание и отдалять смерть от ослабевших. И все её знают в городе, называя дочерью доброго Юшка, позабыв давно самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью.

Вопросы и задания

1. Как начинается рассказ «Юшка»? Какой фольклорный жанр имеет похожее начало?

2. О чём повествуется в рассказе? Где происходит его действие?

3. Что мы узнаём о главном герое из первого абзаца произведения?

4. Как жители города относились к Юшке? Как относились к нему дети? Как воспринимал такое отношение сам Юшка? Почему детей удивляла такая его реакция? Найдите в рассказе слова, где выражены мысли детей об этом, и прочитайте выразительно.

5. Как Юшка объяснял издевательства детей и взрослых? Прочитайте, как об этом написано в рассказе.

6. Объясните смысл выражения «*сердце бывает слепое*».

7. Как взрослые называли Юшку?

Выберите правильный ответ.

А тихий

Б блажной

В непохожий

Г добрый

Д себе на уме

8. Что чувствовал Юшка, когда уходил из города? Зачитайте этот отрывок из рассказа. Как влияли на Юшку звуки природы?

9. Способен ли был Юшка дать отпор своим обидчикам? Какими словами он себя защитил? Зачитайте из текста. Почему столяр попросил прощения у умершего?

10. Почему без Юшки стало хуже жить? Как девушке-врачу удалось сохранить в городе память о Юшке?

11. В рассказе у главного персонажа три имени: Ефим, Юшка, Ефим Дмитриевич. Кто его так называет? Какое отношение выражается в избираемом имени?

12. Охарактеризуйте главного героя рассказа и назовите мотивы его поведения.

13. Как вы понимаете выражение «*величие простых сердец*»? К кому из персонажей в рассказе «Юшка» оно относится?

14. Рассмотрите изображение картины П. Сведомского «Юродивый». Подумайте, что общего у героя картины с Юшкой.

Подготовьтесь к выразительному чтению рассказа «Юшка». Каково значение сочувствия и сострадания в жизни человека? Ответ запишите в тетрадь.

Теория литературы

Развитие понятия о рассказе

Вы уже изучали понятие о рассказе на примере замечательного произведения канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона «Лобо». Главным персонажем этого произведения является волк — сильный и благородный хищник. Э. Сетон-Томпсон привлёк наше внимание к тайнам природы и показал, сколько необыкновенного может увидеть заинтересованный наблюдатель в повадках животных. Жанровые особенности рассказа — занимательный сюжет, ограниченное время действия, несколько персонажей, выразительные детали — соответствуют замыслу писателя.

Теперь вы прочитали рассказ Андрея Платонова «Юшка». В нём повествуется о человеке, на первый взгляд, ничем не примечательном. Каждый может его обидеть, ведь главными чертами его характера являются кротость и смирение. Однако наступает минута, когда он защищает своё достоинство: «...Я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя». И когда он умер, все в городе поняли, что он был прав.

Прохожий в рассказе называет Юшку «юродом негодным». В «Словаре» В. Даля значение слова «юрод» объясняется так: «Безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ почитает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвиденье».

В более современном толковом словаре Т. Ефремовой приводятся и другие значения: «Чудаковатый, глуповатый, безумный человек; непрактичный, неприспособленный к жизни человек».

Краткий объём рассказа позволяет прочесть его полностью «за один раз» и подумать о влиянии, которое Юшка оказал на своих обидчиков. В этом рассказе автор сосредоточился не столько на внешних событиях в жизни своего героя — их немного, сколько на изменениях, им вызванных.

Вопросы и задания

1. Припомните, какие рассказы вы читали. Что у них общего?
2. Докажите, что произведение А. Платонова «Юшка» является рассказом.
3. Составьте устный словесный портрет писателя, используя иллюстрацию Н. Ромадина.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ (1924–2001)

Виктор Петрович Астафьев — истинно народный русский писатель, которого ещё при жизни называли классиком. Он родился в селе Овсянка Красноярского края, на берегу величественной сибирской реки Енисей. С этим живописным уголком сибирской природы у В. Астафьева связаны и светлые, и горькие воспоминания. Куда бы ни бросала его жизнь, писатель всегда возвращался в родные места. До последних дней Виктор Петрович не покидал свою малую родину, жители которой стали героями его произведений. Их судьбы — это отражение нелёгкого пути всего народа, неотъемлемой частью которого чувствовал себя писатель.

Детство В. Астафьева закончилось в семь лет, когда мальчик потерял мать: она утонула в Енисее. О своём отношении к матери он проникновенно напишет: «И лишь одно я попросил бы у судьбы — оставить со мной маму. Её мне не хватало всю жизнь... Берегите матерей... Они бывают только раз и никогда не возвращаются». Её памяти посвящена повесть *«Перевал»*. Заступницей и самым близким человеком стала бабушка Екатерина Петровна. Она научила внука любить природу, понимать и прощать людей, жить по законам добра и справедливости.

Когда отец женился вторично, у мальчика не сложились отношения с мачехой. Он лишился крова и средств к существованию, бродяжничал, а потом жил в детдоме. Его учитель — сибирский поэт Игнатий Рождественский, — заметив в подростке склонность к литературе, поддерживал и развивал эти способности. Из сочинения о любимом озере, напечатанного в школьном журнале, «вырос» первый рассказ В. Астафьева для детей — *«Васюткино озеро»*.

Окончив шесть классов в детском доме, будущий писатель начал «самостоятельную жизнь безо всякой подготовки», как напишет он впоследствии. Работал письмоводителем, конюхом при сельсовете, учился в фабрично-заводском училище. Окончив учёбу, получил профессию составителя поездов. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл добровольцем на фронт. Вернулся с несколькими ранениями, боевыми наградами и опытом военной жизни, который лёг в основу его будущих произведений.

Начало творческой деятельности В. Астафьева ознаменовано написанием произведений для детей. Это сборники рассказов *«Васюткино озеро»* (1956) и *«Дядя Кузя, куры, лиса и кот»* (1957). Большинство из

произведений автобиографичны. Они повествуют о родине писателя — Сибири, о простых людях, далёком деревенском детстве, которое, несмотря ни на что, было удивительным и прекрасным.

Литературный комментарий

Е. Мешков. Иллюстрация к рассказу В. Астафьева «Конь с розовой гривой». 1975 г.

Рассказ «*Конь с розовой гривой*» входит в сборник «*Последний поклон*», который писатель создавал на протяжении трёх десятилетий. «*Заветная книга*» — так называл её В. Астафьев. «Ни над одной из своих книг я не работал с такой упорной радостью, с удовольствием, как над «*Последним поклоном*» — книгой о своём детстве. Когда-то очень давно я написал рассказ «*Конь с розовой гривой*», а затем — рассказ «*Монах в новых штанах*», и понял, что из всего этого может получиться книга. Так я «заболел» темой детства и возвращался к своей «*Заветной книге*» более 30 лет. Животворящий свет детства согревал меня».

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребята собираются на увал¹ по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь туюсок². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём!³ Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые. Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бегать и слышать, как

¹ Увал — удлинённая возвышенность с плоской вершиной и пологими склонами.

² Туюсок, туюс — небольшой круглый короб с тугой крышкой для хранения и переноса мёда, икры, ягод и т. п., обычно берестяной или лубяной.

³ Пряники посыпали толчёным миндалём, цукатами, а затем выдерживали в печи. Они изображали тигров, верблюдов, коней, попугаев, клоунов.

конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял, — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться — тут он, тут конь-огонь!

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе так и этак ластятся, и в чижа¹ первому бить дают, и из рогатки стрелнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его. Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогах² вместе с Мишкой Коршуковым. Левонтий заготавливал лес на бадоги, пилил его, колот и сдавал на известковый завод, что был супротив села, по другую сторону Енисея. Один раз в десять дней, а может, и в пятнадцать — я точно не помню, — Левонтий получал деньги, и тогда в соседнем доме, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала тётка Васеня — жена дяди Левонтия, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долгот я принесла! — И тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да стой ты, чумовая! — окликата её бабушка. — Сосчитать ведь надо.

Тётка Васеня покорно возвращалась, и, пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглаживая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтыхе не давала, потому как весь этот «запас» состоял, кажется, из десятки. Но и при такой малой сумме заполошная³ Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а когда и на целый трояк.

— Ты как же с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напускалась бабушка на соседку. — Мне рупь, другому рупь! Что же это получится?

Но Васеня опять взмётывала юбкой вихрь и укатывалась.

¹ *Игра в чижа* — для этого требуется «чижик» — маленькая круглая палочка, заострённая с обоих концов, а также бита — плоская дощечка в виде лопаточки.

² *Бадога* — длинные поленя.

³ *Заполошная* — ветреная, беспокойная, опрометчивая, суматошная, безрассудная, взбалмошная.

Бабушка ещё долго поносила Левонтыху (...), я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни наличники, ни ставни. Даже бани у дяди Левонтия не было, и они, левонтьевские, мылись по соседям, чаще всего у нас, натаскав воды и подводу дров с известкового завода переправив.

В один благой день, а может быть, и вечер, дядя Левонтий качал зыбку¹ и, забывшись, затянул песню морских скитальцев, слышанную в плаваниях, — он когда-то был моряком:

Приплыл по акияну
Из Африки матрос,
Малютку облизьяну
Он в яшике привёз...

Семейство утихло, внимая голосу родителя, впитывая очень складную и жалостную песню. Село наше, кроме улиц, посадов и переулков, скроено и сложено ещё и попесенно — у всякой семьи, у фамилии была «своя», коронная песня, которая глубже и полнее выражала чувства именно этой и никакой другой родни. Я и поныне, как вспомню песню «Монах красотку полюбил», — так и вижу Бобровский переулок и всех бобровских, и мураши у меня по коже разбегаются от потрясённости. Дрожит, сжимается сердце от песни «шахматовского колена»: «Я у окошечка сидела, Боже мой, а дождик капал на меня». (...) Да где же все и всех-то упомнишь? Деревня большая была, народ голосистый, удалой, и родня в коленах глубокая и широкая.

Но все наши песни скользом пролетали над крышей поселенца дяди Левонтия — ни одна из них не могла растревожить закаменелую душу боевого семейства, и вот на тебе, дрогнули левонтьевские орлы, должно быть, капля-другая моряцкой, бродяжей крови путалась в жилах детей, и она-то размыла их стойкость, и когда дети были сыты, не дрались и ничего не истребляли, можно было слышать, как в разбитые окна, распахнутые двери выплёскивается дружный хор:

Сидит она, тоскует
Все ночи напролёт
И песенку такую
О родине поёт:
«На тёплом-тёплом юге,
На родине моей,
Живут, растут подруги
И нет совсем людей...»

¹ Зыбка — подвесная колыбель, люлька.

Дядя Левонтий подбуровливал песню басом, добавлял в неё рокоту, и оттого и песня, и ребята, и сам он как бы менялись обликом, красивше и сплочённой делались, и текла тогда река жизни в этом доме покойным, ровным руслом. Тётка Васеня, непереносимой чувствительности человек, оросив лицо и грудь слезьми, подвывая в старый прожжённый фартук, высказывалась насчёт безответственности человеческой — сгрёб вот какой-то пьяный охламон облизыянку, утащил её с родины невесть зачем и на чё? А она вот, бедная, сидит и тоскует все ночи напролёт... И, вскинувшись, вдруг впивалась мокрыми глазами в супруга — да уж не он ли, странствуя по белу свету, утворил это чёрно дело?! Не он ли свистнул облизыянку? (...)

Дядя Левонтий, покаянно (...) морщил лоб, тужась понять: когда и зачем он увёз из Африки обезьяну? И, коли увёз, умыкнул животную, то куда она впоследствии делась?

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печи (...).

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведенье:

— Зато как тятка шурунёт нас — бегишь и не запнёшша.

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, в бязевой рубашке, вовсе без пуговиц. Садился на истюканный топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и, если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий благодушно почёсывался.

— Я, Петровна, слободу люблю! — и обводил рукою вокруг себя, — Хорошо! Как на море! Ништо глаз не угнетат!

Дядя Левонтий любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была прорваться в дом Левонтия после его полочки, послушать песню про малютку обезьяну и, если потребуется, подтянуть могучему хору. Улизнуть не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки наперёд.

— Нечего куски выглядывать, — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане — вошь на аркане.

Но если мне удавалось ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, тут уж всё, тут уж я окружён бывал редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

— Выдь отсюдова! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И, пока кто-либо из них неохотно

вылезал из-за стола, пояснял детям своё строгое действие уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы всешки при родителях! — И, жалостно глянув на меня, взрывал: — Мать-то ты хоть помнишь ли? — Я утвердительно кивал. Дядя Левонтий горестно облокачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы, вспоминая: — Бадоги с ней по один год кололи-и-и! (...)

Тётка Васеня, ребятишки дяди Левонтия и я вместе с ними ударились в рёв, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол и все наперебой угощали меня, и сами ели уже через силу, потом затягивали песню, и слёзы лились рекой, и горемычная обезьяна после этого мне снилась долго.

Поздно вечером либо совсем уже ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» После чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хватали что попадало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня, и бабушка моя привечала её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он осколками стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол и, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре снова ходила по соседям и (...) снова занимала до получки денег, муки, картошек — чего придётся.

Вот с орлами-то дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку, берестяные туюски, кринки¹, обвязанные по горлу бечёвками, у кого ковшики без ручек были. Парнишки вольничали², боролись, бросали друг в друга посудой, ставили подножки, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремья³ луку-батуна, наелись до зелёной слюны, остатки побросали. Оставили несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали, приплясывали, под музыку шагалось нам весело, и мы скоро пришли на каменистый увал. Тут все перестали баловаться, рассыпались по лесу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туюска стаканом на два-три.

¹ *Кринка* — расширяющийся книзу удлинённый глиняный горшок для молока.

² *Вольничать* — вести себя нескромно, развязно, позволять вольности.

³ *Беремья* — охапка, сколько можно обнять руками.

Бабушка говорила: главное в ягодах — закрыть дно посуды. Вдохнул я с облегчением и стал собирать землянику скорее, да и попало её выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребята сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то тумака после каждого вопроса.

— А-га-га-гааа! — запела Танька. — Шанька шажрал, дак ничо-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды да и задумался: он для дома старается, а те вон, дармоеды, жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья богатырские, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки и у старшого опустили руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? (...) — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили спуститься к Фокинской речке, побрызгаться.

Мне тоже хотелось к речке, тоже бы побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому что ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх ты! — закривлялся Санька и назвал меня поганым словом. Он много знал таких слов. Я тоже знал, научился говорить их у левонтьевских ребят, но боялся, может, стеснялся употреблять поганство и несмело заявил:

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька, плюнул себе под ноги и тут же что-то смекнул: — Скажи уж лучше — боишься её и ещё жадный!

— Я?

Е. Меиков.

Иллюстрация к рассказу В. Астафьева «Конь с розовой гривой». 1975 г.

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — сказал я это и (...), понял, что попался на уду. Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо! — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо?! — повторял я гаснувшим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды на траву. — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, ягоды вмиг исчезли. (...) Жалко ягод. Грустно. Тоска на сердце — предчувствует оно встречу с бабушкой, отчёт и расчёт. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой — теперь уже всё равно. Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами под гору, к речке, и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Парни поощряли меня, действуй, мол, и не один калач носи, шанег¹ ещё прихвати либо пирог — ничего лишнее не будет. (...)

Бежали мы по мелкой речке, (...) забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька — его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, в глыбь побёг ба, да босый я, там змеёв гибель.

— Жмеёв?! — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подняла спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал Санька

— Хлопуша! Домовые на чердаке живут да под печкой! — срезал Саньку старшой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Дак тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерной. В мохе весь, серай, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовника худа-худа, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопает. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, чудилось — вот совсем близко в пещере кто-то всё стонет, стонет. Первой дёрнула от худого места Танька, следом за нею и остальные ребята с горы посыпались. Санька свистнул, поддавая нам жару.

¹ Шаньга — русское блюдо, ватрушка с творогом.

Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уже забыл про ягоды, но наступила пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели! (...) Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха!», а мне «хо-хо!». Бабушка моя, Катерина Петровна, не тётка Васеня, от неё враньём, слезами и разными отговорками не отделаешься. Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой (...).

— Знаешь чё? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, сверху ягод — и готово дело! Ой, дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособи-ил. (...)

Утихли голоса ребята под увалом, за огородами, жутко сделалось. Правда, село здесь слышно, а всё же тайга, пещера недалеко, в ней домовника с домовым, змеи кишмя кишат. Повздыхал я, повздыхал, чуть было не всплакнул, но надо было слушать лес, траву, домовые из пещеры не подбираются ли. Тут хныкать некогда. Тут ухо остро держи. Я рвал горстью траву, а сам озирался по сторонам. Набил травую туесок, на бычке, чтоб к свету ближе и дома видать, собрал несколько горсток ягодок, заложил ими траву — получилось земляники даже с копной.

— Дитятко ты моё! — запрочитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей посудину. — Восподь тебе пособил, воспо-одь! Уж куплю я тебе пряник, самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, прямо в этом туеске увезу...

(...) Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство. Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел, отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

А. Гудкова.

Моя прабабушка. 2008 г.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл! Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, (...) хотя бабушка, перекрестив на ночь, желала мне не какого-нибудь, а самого что ни на есть «андельского», тихого сна.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я. — Сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если слезть с полатей, забраться к бабушке под одеяло и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание старого человека. Жалко будить, устала бабушка. Ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скара улю бабушку, расскажу обо всём: и про тусок (...) и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немытая рожа, потом замелькал лес, трава, земляника, завалила она и Саньку, и всё, что виделось мне днём. (...)

Дедушка был на заимке¹, километрах в пяти от села, в устье реки Маны. Там у нас посеяна полоска ржи, полоска овса и гречи да большой загон посажен картошек.

О колхозах тогда ещё только начинались разговоры, и селяне наши жили пока одиночно. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно, никакого утеснения и надзора, бегай хоть до самой ночи. Дедушка никогда и ни на кого не шумел, работал неторопливо, но очень уёмисто и податливо.

Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда непреодолимым расстоянием. И Алёшки, моего братана, нет, чтоб с ним вместе умотать. Недавно приезжала тётка Августа и забрала Алёшку с собой на лесоучасток, куда она пошла работать.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не мог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна! — ухмыльнулся Санька и цыкнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться ещё один зуб, и мы были без ума от этой Санькиной дырки. (...)

¹ *Заимка* — земельный участок вдали от деревни, вспаханный его владельцем.

Санька собирался на рыбалку, распутывал леску. Малые его братья и сёстры толкались подле, бродили вокруг скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах. (...)

— Крючка нету, — сердито буркнул он, — проглотил, должно, который-то.

— Помрёт?

— Ништа-ак! — успокоил меня Санька. — Переварят. У тебя много крючков, дай. Я тебя с собой возьму. (...)

Я помчался домой, схватил удочки, хлеба в карман сунул, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину¹, спускающуюся прямо в Енисей по-за логом.

Старшого дома не было. Его взял с собой «на бадоги» отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уж не задирался зря и, мало того, усмирлял «народ», если тот начинал свалку.

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и «с руки» закинул лески, чтобы дальше закинулось, — всем известно: чем дальше и глубже, тем больше рыбы и крупней она.

— Ша! — вытаращил глаза Санька, и мы покорно замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, начали толкаться, хихикать, дразниться. Санька терпел, терпел и прогнал нас искать щавель, береговой чеснок, дикую редьку, (...) иначе он всем нам нашёлкает.

Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли», ели всё, что Бог пошлёт, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

(...) Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, он вытащил двух ершей, пескаря и белоглазого ельчика. Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб, приспособил их жарить, ребяташки окружили костерок и не спускали глаз с жарева. (...)

Ребята сцапали палочки с жареной рыбой, разорвали на лету и на лету же, постанывая от горячего, съели их почти сырыми, без соли и хлеба, съели и в недоумении огляделись: уже?! Столько ждали, столько терпели и только облизнулись. Хлеб мой ребяташки тоже незаметно смолотили и занялись кто чем (...), пробовали купаться, но вода была ещё холодная, быстро выскочили из реки — отогреться у костра. Отогрелись и упали в ещё низкую траву, чтоб не видать, как Санька жарит рыбу, теперь уже себе, теперь его черёд, и тут уж проси не проси — могила. Не даст, потому как сам пожрать любит пуше всех.

¹ *Поскóтина* — пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины башмачки¹. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника на обогретой земле лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомтел от жары, сосняк по увалам был весь в синем куреве. Над Енисеем солнечно мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Тени скал лежали недвижно на воде, и светом их размывало, рвало в клочья, будто старое тряпье. Железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, и, если долго смотреть на него, — кружевце истоньшалось и рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских? Вон как хорошо было жить. Ходи, бегай, играй и ни о чём не думай. А теперь что? Надеяться теперь не на что. Разве что на нечаянное какое избавление. Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет уж, лучше пусть не опрокидывается. Мама утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. Левонтий только пьяный жалеет да ещё дедушка — и всё, бабушка только кричит, ещё нет-нет да поддаст — у неё не задержится. Главное, дедушки нет. На заимке дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потатчик! Своих всю жизнь потачил, теперь этого!..» (...)

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — голосом я давал понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни.

— Ништя-ак! — утешит меня Санька. — Не ходи домой, и всё! Заройся в сено и притаись. Петровна видела у твоей матери глаз приоткрытый, когда её хоронили. Бойтся — ты тоже утонешь. Вот она как запричитает: «Утону-у-ул мой дитятко, спокинул меня, сиротиночка», — ты тут и вылезешь!..

— Не буду так делать! — запротестовала я. — И слушаться тебя не буду!..

— Ну и лешак с тобой! Об тебе же стараются... Во! Ключуло! У тебя ключуло!

¹ *Кукушкины башмачки* — народное название цветка семейства орхидных.

Я свалился с яра, переполошив береговушек в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали. (...)

Вдруг за ближним каменным бычком зашелкали по дну кованые шесты, из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны. Взмах шестов, перекидка рук, толчок — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе. Вот уж кормовой двинул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки и крестнакрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука по большим праздникам и по случаю поездки в город.

Я рванул от удочек к яру, подпрыгнул, ухватился за траву, засунув большой палец ноги в норку. Подлетела береговушка, ткнула меня по голове, я с перепугу упал на комья глины, подскочил и побежал по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда? Стой! Стой, говорю! — кричала бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-авишша, я-авишша домой, мошенник!

Мужики поддали жару.

— Держи его! — крикнули из лодки, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села, куда и одышка, всегда меня мучающая, девалась! Я долго отдыхивался и скоро обнаружил подступает вечер — волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кеше, дяди Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди Ваниного дома играли в лапту. Я вязался в игру и пробегал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя.

— Не-е, — ответил я как можно беспечнее. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала, а тонкошей Кеша попил варёного молока, и мать ему сказала с укором:

— Все на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, оттого и крепок, как гриб боровик. — Мне поглянулась тётя Фенина похвала, и я уже тихо надеяться стал, что она меня и ночевать оставит.

Но тётя Феня порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В нашей избе уже не было свету. Тётя Феня постучала к окну. «Не заперто!» — крикнула бабушка. Мы вошли в тёмный и тихий дом (...).

Тётя Феня оттеснила меня в сени, втокнула в пристроенную к сениям кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в половики, притих, слушая. Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе, но о чём — не разобрать. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, наткнутой во все щели и под потолком. Трава эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала. Госкливо было в кладовке. Темень была густа, шероховата, заполненная запахами и тайной жизнью. Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодающая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы да цветы под потолком, открывали коробочки, сорили во тьму семечки, два или три запутались в моих волосах, но я их не вытаскивал, страшась шевельнуться.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневною жарою собаки приходили в себя, вылазили из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста (...) пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт, пугает припозднившихся ребятишек и стеснительных девчонок (...)

Ушла тётя Феня, плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прощмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала. Не ближний путь в город-то! Восемнадцать вёрст, да с котомкой. Мне казалось, что, если я буду жалеть бабушку, думать про неё хорошо, она об этом догадается и всё мне простит. Придёт и простит. Ну разок и щёлкнет, так что за беда! За такое дело и не разок можно...

Однако бабушка не приходила. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и дышал себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, проснувшегося в мутное окошко кладовки и ткнувшегося мне в глаза. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашнею. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью. Красота!

На кухне бабушка кому-то обстоятельно рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. «Я эти вот ягодки все куплю». Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирает...

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог и не желал разбираться, что говорила она дальше, потому что закрылся полдубюком, забился в него, чтобы скорее помереть. Но сделалось жарко, глухо, стало нечем дышать, и я открылся.

— ... Своих вечно потачил! — гремела бабушка. — Теперь этого! А он уж мошенничат! Чё потом из него будет? (...) Я вот ещё левонтьевских, пятнай их, в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор, от греха подальше, чего-то тюкает под навесом. Бабушка долго одна не может, ей надо кому-то рассказывать о происшествии либо разносить вдребезги мошенника, стало быть меня, и она тихонько прошла по сеним, приоткрыла дверь в кладовку. Я едва успел крепко-накрепко сомкнуть глаза.

— Не спишь ведь, не спишь! Всё-о вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как «тета» сплавала в город. Бабушка сказала, что «сплавала, слава Тебе, Господи, ягодёнки продала сходно», и тут же принялась повествовать:

— Мой-то! Малой-то! Чего утворил!.. Послушай-ко, послушай-ко, девка!

В это утро к нам приходило много людей, и всех бабушка задерживала, чтоб поведать: «А мой-то! Малой-то!» И это ей нисколько не мешало исполнять домашние дела — она носилась взад-вперёд, доила корову, выгоняла её к пастуху, вытряхивала половики, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, не забывала напомнить:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-о вижу!

Но я твёрдо верил: управится по дому и уйдёт. Не вытерпит, чтобы не поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, которые свершились без неё на селе. И каждому встречному и поперечному бабушка с большой охотой будет твердить: «А мой-то! Малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: «Ничего, дескать, терпи и не робей!» — да ещё и по голове меня погладил. Я заширкал носом, и так долго копившиеся слёзы ягодой, крупной земляникой, сыпанули из моих глаз, и не было им никакого удержу.

— Ну, што ты, што ты? — успокаивал меня дед, обирая большой рукой слёзы с моего лица. — Чево голоднай-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, прижав другую локтём к глазам, я ступил в избу и завёл:

— Я больше... Я больше... Я больше... — и ничего не мог дальше сказать.

— Ладно уж, умывайся да садись трескаться! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы, без громов оборвала меня бабушка. Я покорно умылся, долго возил по лицу сырым рукотёрником и вспомнил, что ленивые люди, по заверению бабушки, всегда сырым утираются, потому что всех позднее встают. Надо было двигаться к столу, садиться, глядеть на людей. Ах ты, Господи! Да чтобы я ещё хоть раз сплутовал! Да я...

Сдрогаюсь от всё ещё не прошедших всхлипов, я прилепился к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку старую, совсем, понимал я, ненужную ему верёвку, чего-то доставал с полатей, вынул из-под курятника топор, попробовал пальцем остриё. Он ищет и находит заделье, чтоб только не оставлять горемычного внука один на один с «генералом» — так он в сердцах или в насмешку называет бабушку.

Чувствуя незримую, но надёжную поддержку деда, я взял со стола краюху и стал есть её всухомятку. Бабушка одним махом плеснула молока, со стуком поставила посудину передо мной и подбоченилась:

— Брюхо болит, на краюху глядит! Эшь ведь какой смирененькай! Эшь ведь какой тихонькай! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул — терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке, сделать чего не по её усмотрению. Она должна разрядиться и должна высказать всё, что у неё на сердце накопилось, душу отвести и успокоить должна.

И срамила же меня бабушка! И обличала же! Только теперь, поняв до конца, в какую бездонную пропасть ввергло меня плутовство и на какую «кривую дорожку» оно меня ещё уведёт, коли я так рано взялся шаромыжничать, коли за лихим человеком потянулся на разбой, я уж заревел не просто раскаиваясь, а испугавшись, что пропал, что ни прощенья, ни возврата нету...

Е. Мешков. Иллюстрация к рассказу В. Астафьева «Конь с розовой гривой». 1975 г.

Даже дед не выдержал бабушкиных речей и моего полного раскаяния. Ушёл. Ушёл, скрылся, задымив сигаркой, дескать, мне тут ни помочь, ни совладать, Бог пособляй тебе, внучек...

Бабушка устала, выдохлась, а может, и почувала, что уж того она, лишковато всё ж меня громила.

Было покойно в избе, однако всё ещё тяжело. Не зная, что делать, как дальше жить, я разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, будто по огромной земле, с пашнями, дугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, что смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвёл на вас этот рассказ?
2. Что особенно запомнилось и почему?
3. Что осталось непонятным? Какие вопросы хотелось бы обсудить на уроке?

4. Где и когда происходит действие в рассказе? Назовите его главных действующих лиц.
5. От чьего лица ведётся повествование?
6. Что привлекало героя рассказа в левонтьевском доме? Как вы думаете, почему песенка про обезьянку была их любимой и как это характеризует левонтьевское семейство? Свои мысли подтвердите текстом.
7. Поход за земляникой — один из ключевых эпизодов рассказа. С какой целью отправляется за ягодами герой рассказа? А была ли определённая цель у левонтьевских ребятишек? Как посуда в руках детей, отношение к сбору ягод их характеризует?
8. Как вы думаете, почему автор называет детей вначале «ребятишками дяди Левонтия», затем «левонтьевскими орлами» и, наконец, «левонтьевской ордой»?
9. Почему мальчик подался на провокацию Саньки? Согласны ли вы с его оценкой, что дети «интересно и весело провели день»? Какую правду открывает ему Санька?
10. Докажите, опираясь на текст рассказа, что зло рождается в очень простых и обычных обстоятельствах и что оно, заглушая голос совести, вытесняет добро.
11. Картина ясного, летнего дня представлена глазами мальчика. Какая красота ему открывается? Что он видит в природе? Можно ли говорить, что красота и гармония природы помогли ему осознать низость своих поступков? Подтвердите цитатами из текста.
12. Перескажите эпизод, который наиболее ярко показывает муки совести героя и его сожаление о совершенном проступке. Как вы думаете, почему бабушка, узнав об обмане внука, всё равно покупает ему пряник?

13. Прочитайте заключительные слова рассказа. Объясните их смысл.
14. Автор пишет, что, рассказывая о бабушке, он хочет, «чтобы в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскали её, и была бы жизнь моей бабушки беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта». Как, по-вашему, достиг он поставленной цели?
15. Определите тему и идею рассказа.

16. В рассказе автор выстраивает цепочку ситуаций: искушение — преступление — муки совести — наказание — прощение, каждая из которых служит герою жизненным уроком. Подготовьте небольшой связный рассказ на одну из тем, исходя из текста рассказа. Озаглавьте свой рассказ, а в выводе подчеркните, какой урок получил герой рассказа.

Напишите сочинение о ваших бабушках или дедушках. Наверняка вам есть что рассказать об их мудрости и доброте.

Виктор Астафьев — лауреат нескольких премий (1978, 1991, 1994, 1995). Свою первую премию в 1978 г. он получил за повествование в рассказах «Царь-рыба». Эта книга, подвергшаяся жёсткой цензуре и злой критике, принесла автору всенародное признание и остаётся по сей день одной из любимых у ценителей русской литературы. Это повествование об ответственности человека за всё живое вокруг, о трудном и мучительном стремлении его к миру и гармонии в природе и в собственной душе.

Памятник «Царь-рыбе» на родине писателя В. Астафьева. с. Овсянка Красноярского края (автор проекта Е. Пащенко). 2004 г.

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

При слове *фантастика* вспоминаются произведения о далёких космических пространствах и невероятных технических открытиях. Сущностью фантастики являются не столько эти и другие образы, мгновенно всплывающие в сознании, сколько само воображение. Ведь в переводе с греческого языка слово *фантастика* дословно обозначает искусство воображать. Только человек, обладающий воображением, фантазией, способен творить — создавать что-то новое.

Фантастическая литература не обязательно повествует о будущем, в ней может изображаться и прошлое.

Одним из предвестников современной научной фантастики считают французского писателя Жюль Верна, автора более 60 романов. Его воображение поражает, он предсказал многое из того, чем сейчас пользуется человек, например телевидение и акваланг.

В этом разделе представлены научно-фантастические рассказы Рея Брэдбери и Роберта Шекли. В них изображены нереальные события из далёкого будущего, происходящие как на Земле, так и на других планетах. Однако отношения между героями этих произведений совсем не фантастические. Они любят солнце и красоту, боятся насилия и неизвестности так же, как и мы с вами. Когда будете читать эти рассказы, подумайте о том, что помогает человеку сохранить человечность в любых обстоятельствах — даже самых невероятных.

Г. Покровский. Город будущего.
Вторая половина XX в.

РЕЙ БРЭДБЕРИ (1920–2012)

Довольно сложно представить человека, который живёт в начале XXI в. и сознательно отказывается от автомобиля, компьютера или Интернета. Однако такой человек был, и это американский писатель-фантаст Рей Дуглас Брэдбери. Так он пытался противостоять бездуховности, потере личного обаяния, которые неизбежны в процессе массового потребления различных технических устройств.

Рей Брэдбери родился в штате Иллинойс (США). Детство будущего писателя прошло в дружной семье. Его родители любили кинематограф, поэтому первый кинофильм Рей посмотрел в три года.

В 1930-х годах родители переехали в Лос-Анджелес. В этом городе Рей окончил среднюю школу. Хотел учиться дальше, но у семьи не было на это средств. Вместо учёбы юноше пришлось заняться продажей газет. Как остроумно заметил сам Р. Брэдбери, он закончил не колледж или университет, а... библиотеку. В течение нескольких лет он 3–4 дня в неделю ходил в библиотеку и читал книги. Среди его любимых писателей были Марк Твен и Чарльз Диккенс.

Писать Рей начал с двенадцати лет. Его первым произведением стало продолжение «Великого война Марса» Э. Бэрроуза¹. Мальчик не мог купить очередной роман известного писателя, поэтому решил вообразить, как может сложиться судьба марсианского война. Уже взрослым Р. Брэдбери вернулся к теме «красной планеты»² в сборнике рассказов «*Марсианские хроники*» (1950).

На протяжении всей жизни Р. Брэдбери интересовался наукой и писал о недостатках человечества, способных привести его к самоуничтожению. Это является отличительной чертой фантастики Р. Брэдбери. Наиболее известные его произведения — «*451 градус по Фаренгейту*» и «*Марсианские хроники*». Своими живыми, волнующими воображение рассказами Р. Брэдбери сумел популяризовать жанр научной фантастики.

О чём бы ни писал Р. Брэдбери, он утверждал, что в жизни человека самое главное — любовь, красота, доброта и мечта.

¹ *Эдгар Райс Бэрроуз* (1875–1950) — известный американский писатель, оказавший влияние на развитие фантастической литературы.

² «*Красная планета*» — так называют Марс в честь древнеримского бога войны Марса. Причиной поэтического названия стал красноватый оттенок поверхности планеты.

Леонардо да Винчи (1452–1519) писал картину «Мона Лиза» около четырёх лет, и всё-таки работа осталась незаконченной. Предполагают, что на ней изображена жена флорентийского торговца шёлком Франческо дель Джокондо, поэтому картину называют ещё «Джоконда». Этот портрет считается самым загадочным в мире, его пытались постичь искусствоведы и художники, поэты и философы, но пока загадка продолжает существовать...

Совершенство и достоинство «Моны Лизы» порой противопоставляют безумию войны, запечатлённому Леонардо да Винчи в работе «Битва при Ангиари». Возможно, Р. Брэдбери также обратился к «Джоконде», чтобы выразить ужас от военных разрушений не только строений, дорог, но и человеческих душ.

*Леонардо да Винчи.
Мона Лиза
(Джоконда). 1503 г.*

УЛЫБКА

На главной площади очередь установилась ещё в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далёкие петухи и нигде не было огня. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди ещё люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче.

Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это моё место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы своё место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стянул её. — Просто подумал: чудно! Это — ребёнок, такая рань, а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костёр и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни¹ чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдаётся мне, что она не подлинная. Та, настоящая, я слышал, была на доске нарисована в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трёхтысячный! Или пятитысячный! Почём мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия² была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперёд по холодным камням мостовой.

— Скоро мы её увидим? — уныло протянул Том.

— Ещё несколько минут, не больше. Они огородили её, повесили на четыре латунных столбика бархатную верёвку, всё честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в неё камни.

— Ладно, сэр.

Солнце поднималось всё выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

¹ Пенни — старинная английская монета.

² Катавасия (перен.) — беспорядок, сумятица.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — Тут всё дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, дороги от бомбёжек — словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такая человеческая природа.

— А есть хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! А всё эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами — новые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утешки, кроме этих наших праздников, Том. (...)

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливички могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

— Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло — стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, — продолжал вспоминать Григсби, — было в тот раз, когда громили завод, который ещё пытался выпускать самолёты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

— Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

— Сэр, это больше никогда не вернётся?

— Что — цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!

— А я так готов её терпеть, — сказал один из очереди. — Не всё, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби. — Всё равно впустую.

— Э, — упорствовал один из очереди, — не торопитесь. Вот увидите: ещё появится башковитый человек, который её подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

— Не будет того, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернёт нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз всё будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперёд — шли, изготавившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских (...) с жёлтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того, — уже напоследок объяснил Григсби, — чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на неё.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

— Том, давай! Живее!

— Но, — медленно произнёс Том, — она же красивая!

— Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на её взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Иди уж, пока полиция...

— Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал как пень! — а теперь все повернулись к верховому.

— Как её звать, сэр? — тихо спросил Том.

— Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно: «Мона Лиза».

— Слушайте объявление, — сказал верховой. — Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении.

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутёк. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дёрнул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жёсткие доскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно прижала к груди кусок холста, пряча его.

— Эй, Том, ты что же! — крикнул Григсби.

Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещрённую воронками дорогу, через поле, (...) он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через неё. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лёг, часто дыша. (...)

— Где ты болтался? — рявкнул отец. — погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

— Ложись! — негромко прикрикнула на него мать. (...)

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, замурив глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял её. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок покрашенного холста.

Мир спал, освещённый луной.

А на его ладони лежала Улыбка. Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он всё ещё видел её, даже после того, как осторожно сложил её и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

(Перевод Л. Жданова)

В 1982 г. во «Всемирном центре отдыха Уолта Диснея» в г. Орландо (Флорида, США) был открыт тематический парк Ерсот. Название парка расширяется, как «экспериментальный прототип сообщества будущего». В первые годы работы Ерсот часто называли «постоянной всемирной выставкой». Поражает воображение посетителей 18-этажный «Космический корабль “Земля”». В разработке макета этого аттракциона принимал участие Рей Брэдбери. В сферическом сооружении посетители могут путешествовать на «машине времени», «поезде привидений». Перед ними разворачивается история развития цивилизации от первобытных времён до начала XXI в. Желающие могут создать на сенсорном экране свой вариант будущего.

Космический корабль «Земля» в парке Ерсот (США)

Вопросы и задания

1. Какие сказочные элементы присутствуют в рассказе «Улыбка»?

2. О чём этот рассказ? Когда происходит его действие? Какие детали свидетельствуют о постигших людей бедствиях?

3. Сколько в рассказе действующих лиц? Какое чувство объединяет людей, собравшихся на площади? Почему Григсби защищает Тома от нападок других мужчин?

4. Что Григсби называет *праздником*? Совпадает ли ваше представление о празднике с описанным в произведении?

5. Что в рассказе обозначено словом *цивилизация*? Что является условием её возрождения? Какими качествами должен обладать человек для утверждения мира на земле? Как об этом написано в рассказе?

6. Когда в тексте впервые упоминается картина, ради которой все собрались? Почему мальчик замер, когда увидел картину? Что почувствовал Том при взгляде на неё? Почему название картины упомянуто в тексте непосредственно перед её уничтожением?

7. Как вы думаете, почему люди уничтожили картину с таким остервенением?

8. Создайте словесную иллюстрацию к ситуации, изображённой такими словами: «Мир спал, освещённый луной. А на его ладони лежала Улыбка». Почему слово *Улыбка* написано в этом случае с большой буквы?
9. Рассмотрите изображение картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Подумайте, почему многие люди восхищаются портретом этой женщины.

Теория литературы

Понятие о фантастической и научно-фантастической литературе

Фантастикой называют что-то несуществующее, созданное воображением. Основой фантастических событий являются впечатления от действительности, их необычное сочетание (например, в древнегреческой мифологии кентавр — существо с туловищем человека и ногами коня) либо преувеличение (нечеловеческая сила Геракла). Литература, в которой изображены несуществующие в действительности события, существа, предметы, называется **фантастической**. Если к изображению привлекаются научные и технические открытия, прогнозы развития человеческого общества в будущем, то такую литературу называют **научно-фантастической**.

Рей Брэдбери ценил в научно-фантастической литературе прежде всего Историю Идеи. Он называл первыми фантастами пещерных людей, которые «пытались проникнуть в глубины первой науки... о добычании огня». Научная фантастика для Р. Брэдбери — это поиск решения определённой проблемы. Когда такое решение найдено, оно становится научным фактом.

Рей Брэдбери называл своим любимым писателем-фантастом Жюль Верна, потому что в его книгах ценится умение трудиться, «пыливый ум, зоркий глаз и меткая рука».

Фантастической называется литература, в которой изображены несуществующие в действительности события, существа, предметы.

В **научно-фантастической литературе**, кроме несуществующих в действительности образов, изображаются научные и технические открытия, прогнозы развития человеческого общества в будущем.

Вопросы и задания

1. Какую литературу называют *фантастической*? Какие фантастические события и существа изображались в сказках, в мифах?
2. Чем научно-фантастическая литература отличается от фантастической?
3. Какие признаки позволяют считать рассказ «Улыбка» научно-фантастическим?

ВСЁ ЛЕТО В ОДИН ДЕНЬ

- Готовы?
- Да!
- Уже?
- Скоро!
- А учёные верно знают? Это правда будет сегодня?
- Смотри, смотри, сам увидишь!

Теснясь, точно цветы и сорные травы в саду, все вперемешку, дети старались выглянуть наружу — где там запрятано солнце? Лил дождь. Он лил не переставая семь лет подряд; тысячи и тысячи дней, с утра до ночи, без передышки дождь лил, шумел, барабанил, звенел хрустальными брызгами, низвергался сплошными потоками, так что кругом ходили волны, заливая островки суши. Ливнями повалило тысячи лесов, и тысячи раз они вырастали вновь и снова падали под тяжестью вод. Так навеки повелось здесь, на Венере, а в классе было полно детей, чьи отцы и матери прилетели застраивать и обживать эту дикую дождливую планету.

- Перестает! Перестает!
- Да, да!

Марго стояла в стороне от них, от всех этих ребят, которые только и знали, что вечный дождь, дождь, дождь. Им всем было по девять лет, и если выдался семь лет назад такой день, когда солнце всё-таки выглянуло, показалось на час изумлённому миру, они этого не помнили. Иногда по ночам Марго слышала, как они ворочаются, вспоминая, и знала: во сне они видят и вспоминают золото, яркий жёлтый карандаш, монету — такую большую, что можно купить целый мир. Она знала, им чудится, будто они помнят тепло, когда вспыхивает лицо и всё тело — руки, ноги, дрожащие пальцы. А потом они просыпаются — и опять барабанит дождь, без конца сыплются звонкие прозрачные буры на крышу, на дорожку, на сад и лес, и сны разлетаются как дым.

Накануне они весь день читали в классе про солнце. Какое оно жёлтое, совсем как лимон, и какое жаркое. И писали про него маленькие рассказы и стихи.

Мне кажется, солнце — это цветок,
Цветёт оно только один часок.

Такие стихи сочинила Марго и негромко прочитала их перед притихшим классом. А за окнами лил дождь.

- Ну, ты это не сама сочинила! — крикнул один мальчик.
- Нет, сама, — сказала Марго. — Сама.
- Уильям! — остановила мальчика учительница.

Но то было вчера. А сейчас дождь утихал, и дети теснились к большому окнам с толстыми стёклами.

— Где же учительница?

— Сейчас придёт.

— Скорей бы, а то мы всё пропустим!

Они вертелись на одном месте, точно пёстрая беспокойная карусель. Марго одна стояла поодаль. Она была слабенькая, и казалось, когда-то давно она заблудилась и долго-долго бродила под дождём, и дождь смыл с неё все краски: голубые глаза, розовые губы, рыжие волосы — всё вылиняло. Она была точно старая поблёкшая фотография, которую вынули из забытого альбома, и всё молчала, а если и случалось ей заговорить, голос её шелестел еле слышно. Сейчас она одиноко стояла в сторонке и смотрела на дождь, на шумный мокрый мир за толстым стеклом.

— Ты-то чего смотришь? — сказал Уильям.

Марго молчала.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

Уильям толкнул её. Но она не пошевелилась; покачнулась — и только. Все её сторонятся, даже и не смотрят на неё. Вот и сейчас бросили её одну. Потому что она не хочет играть с ними в гулких туннелях того города-подвала. Если кто-нибудь осалит её и кинется бежать, она только с недоумением поглядит вслед, но догонять не станет. И когда они всем классом поют песни о том, как хорошо жить на свете и как весело играть в разные игры, она еле шевелит губами. Только когда поют про солнце, про лето, она тоже тихонько подпевает, глядя в заплаканные окна.

Ну а самое большое её преступление, конечно, в том, что она прилетела сюда с Земли всего лишь пять лет назад, и она помнит солнце, помнит, какое оно, солнце, и какое небо она видела в Огайо, когда ей было четыре года. А они — они всю жизнь живут на Венере; когда здесь в последний раз светило солнце, им было только по два года, и они давно уже забыли, какое оно, и какого цвета, и как жарко греет. А Марго помнит.

— Оно большое, как медяк, — сказала она однажды и зажмурилась.

— Неправда! — закричали ребята.

— Оно — как огонь в очаге, — сказала Марго.

— Врёшь, врешь, ты не помнишь! — кричали ей.

Фотография Земли из космоса

Но она помнила и, тихо отойдя в сторону, стала смотреть в окно, по которому сбегали струи дождя. А один раз, месяц назад, когда всех повели в душевую, она ни за что не хотела стать под душ и, прикрывая макушку, зажимая уши ладонями, кричала — пускай вода не льется на голову! И после того у неё появилось странное, смутное чувство: она не такая, как все. И другие дети тоже это чувствовали и сторонились её.

Говорили, что на будущий год отец с матерью отвезут её назад на Землю — это обойдётся им во много тысяч долларов, но иначе она, видимо, зачахнет. И вот за все эти грехи, большие и малые, в классе её невзлюбили. Противная эта Марго, противно, что она такая бледная немочь, и такая худощая, и вечно молчит и ждёт чего-то, и, наверно, улетит на Землю...

— Убирайся! — Уильям опять её толкнул. — Чего ты ещё ждешь?

Тут она впервые обернулась и посмотрела на него. И по глазам было видно, чего она ждёт. Мальчишка взбеленился.

— Нечего тебе здесь торчать! — закричал он. — Не дождёшься, ничего не будет!

Марго беззвучно пошевелила губами.

— Ничего не будет! — кричал Уильям. — Это просто для смеха, мы тебя разыграли. Он обернулся к остальным: — Ведь сегодня ничего не будет, верно?

Все поглядели на него с недоумением, а потом поняли, и засмеялись, и покачали головами: верно, ничего не будет!

— Но ведь... — Марго смотрела беспомощно. — Ведь сегодня тот самый день, — прошептала она. — Учёные предсказывали, они говорят, они ведь знают... Солнце...

— Разыграли, разыграли! — сказал Уильям и вдруг схватил её: — Эй, ребята, давайте закроем её в чулан, пока учительницы нет!

— Не надо, — сказала Марго и попятилась.

Все кинулись к ней, схватили и поволокли, — она отбивалась, потом просила, потом заплакала, но её притащили по туннелю в дальнюю комнату, втолкнули в чулан и заперли дверь на засов. Дверь тряслась: Марго колотила в неё кулаками и кидалась на неё всем телом. Приглушённо доносились крики. Ребята постояли, послушали, а потом улыбнулись и пошли прочь — и как раз вовремя: в конце туннеля показалась учительница.

— Готовы, дети? — она поглядела на часы. — Все здесь?

— Да!

Дождь стихал. Они столпились у огромной массивной двери. Дождь перестал. Как будто посреди кинофильма про лавины, ураганы, смерчи, извержения вулканов что-то случилось со звуком, аппарат испортился, — шум стал глуше, а потом и вовсе оборвался, смолкли

удары, грохот, раскаты грома... А потом кто-то выдернул плёнку и на место её вставил спокойный диапозитив — мирную тропическую картинку. Всё замерло — не вздохнёт, не шелохнётся. Такая настала огромная, неправдоподобная тишина, будто вам заткнули уши или вы совсем оглохли. Дети недоверчиво подносили руки к ушам. Толпа распалась, каждый стоял сам по себе. Дверь отошла в сторону, и на них пахло свежестью мира, замершего в ожидании.

И солнце явилось. Оно пламенело, яркое, как бронза, и оно было очень большое. А небо вокруг сверкало, точно ярко-голубая черепица. И джунгли так и пылали в солнечных лучах, и дети, очнувшись, с криком выбежали в весну.

— Только не убегайте далеко! — крикнула вдогонку учительница. — Помните, у вас всего два часа. Не то вы не успеете укрыться!

Но они уже не слышали, они бегали и запрокидывали голову, и солнце гладило их по щекам, точно тёплым утюгом; они скинули куртки, и солнце жгло их голые руки.

— Это лучше наших искусственных солнц, верно?

— Ясно, лучше!

Они уже не бегали, а стояли посреди джунглей, что сплошь покрывали Венеру и росли, росли бурно, непрерывно, прямо на глазах. Джунгли были точно стая осьминогов, к небу пучками тянулись гигантские щупальца мясистых ветвей, раскачивались, мгновенно покрывались цветами — ведь весна здесь такая короткая. Они были серые, как пепел, как резина, эти заросли, оттого что долгие годы они не видели солнца. Они были цвета камней, и цвета сыра, и цвета чернил, и были здесь растения цвета луны.

Ребята со смехом кидались на сплошную поросль, точно на живой упругий матрац, который вздыхал под ними, и скрипел, и пружинил. Они носились меж деревьев, скользили и падали, толкались, играли в прятки

и в салки, но главное — опять и опять, жмурясь, глядели на солнце, пока не потекут слёзы, и тянули руки к золотому сиянию и к невиданной синеве, и вдыхали эту удивительную свежесть, и слушали, слушали тишину, что обнимала их словно море, блаженно спокойное, беззвучное и недвижимое. Они на всё смотрели и всем наслаждались. А потом, будто зверьки, вырвавшиеся из глубоких нор, снова неистово бегали кругом, бегали и кричали. Целый час бегали и никак не могли уговориться. И вдруг... Посреди весёлой беготни одна девочка громко, жалобно закричала. Все остановились. Девочка протянула руку ладонью вверх.

— Смотрите, — сказала она и вздрогнула: — Ой, смотрите!

Все медленно подошли поближе. На раскрытой ладони, по самой серёдке, лежала большая круглая дождевая капля. Девочка посмотрела на неё и заплакала. Дети молча посмотрели на небо.

— О-о...

Редкие холодные капли упали на нос, на щёки, на губы. Солнце затянуло туманная дымка. Подул холодный ветер. Ребята повернулись и пошли к своему дому-подвалу, руки их вяло повисли, они больше не улыбались.

Загремел гром, и дети в испуге, толкая друг дружку, бросились бежать, словно листья, гонимые ураганом. Блеснула молния — за десять миль от них, потом за пять, в миле, в полумиле. И небо почернело, будто разом настала непроглядная ночь. Минуту они постояли на пороге глубинного убежища, а потом дождь полил вовсю. Тогда дверь закрыли, и все стояли и слушали, как с оглушительным шумом рушатся с неба тонны, потоки воды — без просвета, без конца.

— И так опять будет целых семь лет?

— Да. Семь лет.

И вдруг кто-то вскрикнул:

— А Марго?

— Что?

— Мы ведь её заперли, она так и сидит в чулане.

— Марго...

Они застыли, будто ноги у них примёрзли к полу. Переглянулись и отвели взгляды. Посмотрели за окно — там лил дождь, лил упрямо, не устанно. Они не смели посмотреть друг другу в глаза. Лица у всех стали серьёзные, бледные. Все потупились, кто разглядывал свои руки, кто уставился в пол.

— Марго...

Наконец одна девочка сказала:

— Ну что же мы?..

Никто не шелохнулся.

— Пойдём... — прошептала девочка.

Под холодный шум дождя они медленно прошли по коридору. Под рёв бури и раскаты грома перешагнули порог и вошли в ту дальнюю комнату, яростные синие молнии озаряли их лица. Медленно подошли они к чулану и стали у двери.

За дверью было тихо. Медленно, медленно они отодвинули засов и выпустили Марго.

(Перевод Н. Галь)

Вопросы и задания

1. Докажите, что рассказ «Всё лето в один день» является научно-фантастическим.

2. О чём этот рассказ?

3. Чем отличалась жизнь на Венере от жизни на Земле? Почему детям больше всего не хватало солнца? Как это выражено в тексте?

4. Как выглядела Марго? Найдите её портрет в тексте и зачитайте. Почему и сама Марго, и дети чувствовали, что она не похожа на других? Чем Марго больше всего раздражала детей? Как они к ней относились?

5. Как дети поступили с Марго? В чём заключается жестокость их поступка? Поняли ли они, что поступили жестоко? Как это показано в тексте?

6. Назовите эпизоды в рассказе, поразившие вас больше всего, сошдайте к ним словесные иллюстрации.

Литературный комментарий

Рей Брэдбери в статье «Сумерки в механическом музее: возрождение воображения» (1980) определил: «Задача фантастики — решать настоящие проблемы, как бы не обращая при этом на них внимания». Он сравнил фантастику «с мифом о Персее, встретившем Медузу Горгону. Глядя на её отражение в медном щите и делая вид, что смотрит он вовсе в другую сторону, Персей заводит руку с мечом за спину и срубает Медузе голову. Так же и фантастика — притязает на будущее, чтобы облегчить жизнь больной собаке, встреченной сегодня на дороге. Окольный путь — самый прямой».

В своих произведениях Р. Брэдбери часто проводил литературные параллели. Он считал, что чтение книг может уберечь человечество от многих бед. Среди своих любимых писателей он называл Чарльза Дикенса, Марка Твена, Томаса Вулфа, Бернарда Шоу, Мольера и др.

Дополнительные сведения о жизни и творчестве Р. Брэдбери можно найти на сайте <http://raybradbury.ru/>. Здесь также размещены сведения о кинофильмах, снятых по его произведениям, о музыке к ним.

РОБЕРТ ШЕКЛИ (1928–2005)

Роберт Шекли — известный американский писатель-фантаст. Он родился в в Нью-Йорке (США). В детстве много и с удовольствием читал, что побудило его к собственному творчеству. Первый рассказ Роберт написал в восемь лет.

После окончания школы на несколько месяцев уехал в другой город. За это время успел поработать в различных местах: разносчиком молока, рабочим на складе, буфетчиком, садовником. После возвращения домой был призван в армию. Там он тоже сменил несколько занятий: редактор газеты, писарь, гитарист в военном ансамбле. Демобилизовавшись, поступил в Нью-Йоркский университет. Окончив его, недолго поработал на заводе и захотел стать только писателем.

Шекли довольно быстро обрёл известность. Его любили в Америке, но гораздо лучше принимали за рубежом. Писатель неоднократно приезжал в Россию, охотно встречался с читателями и прессой. В 2005 г. он побывал в Украине. Ему понравился тёплый климат, Чёрное море и чувство свободы, необходимое для творчества. Шекли предполагал, что мог бы жить в нашей стране, но вследствие болезни и последовавшего за ней ухода из жизни эти планы не осуществились.

Специалисты считают Роберта Шекли мастером короткого фантастического рассказа. Сам он тоже отдавал предпочтение этому жанру, потому что был убеждён, что только фантастика «дарит творцу полную свободу». Всего он написал около двадцати романов и более четырёхсот рассказов. Его произведения написаны с юмором. Он изображал путешествия своих героев по чужим необычным мирам и создавал для них такие ситуации, когда требуется огромная смелость,

Роберт Шекли в Украине.
г. Харьков. 2005 г.

изворотливый ум и вся сила духа, чтобы выжить. Картины будущего в произведениях Роберта Шекли интересны не столько научно-техническими прогнозами, сколько проблемами существования человека и общества. Созданные им фантастические ситуации побуждают пристальнее присмотреться к современности.

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вёл почтолёт-243 по неосвоенному звёздному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвёздного почталёна: старый корабль, изъязвлённые трубы, невыветренные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор вёлся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, всё прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, стёр пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчинённому.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся: — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, и корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приёмника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскалённым добела шлаком. Четвёртый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернётся.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплениях Пророкоугольника. В этой группе звёзд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода,

никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил приём.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскалённым приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения! Почтолёт-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов¹ от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силится не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже тёмно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка, почтовая сумка по-прежнему была прочно пристёгнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал ещё два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришёл в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобождённый, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом: разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверёк величиной с белку, но с тёмно-зелёным мехом.

Когда зверёк приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей. Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой чёрт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зелёного цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трёх футов он, по-видимому,

¹ Один фут равняется 0,3048 м.

потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

«Слепой охотится на слепца», — подумал Кливи, и эти слова показали ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

«Какие у волков большие зубы», — безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

«Теперь он съест меня», — подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств. Очнувшись он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Всё было цело.

Он привстал на одно колено, ещё пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчёт в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад, корабль сторел, он отошёл поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зелёный хвостик белки, а чуть поодаль — её голову. Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей? Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

«Проклятый зверинец», — подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации? Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера... Едва он дошёл в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

— Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. — Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишённое глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере, перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чём-нибудь другом.

Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолётах, о планетах и опять о девушках, и о космолётах, и обо всём, кроме пантеры.

Пантера придвинулась ещё на пять футов.

«Чёрт возьми, — подумал он, — как можно не думать о чём-то?» Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от неё и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай ещё раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она всё же приближается.

Пытаться о чём-то не думать — всё равно что пытаться остановить лавину голыми руками.

Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддаётся бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и

практика. Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детёнышах (берегись!), панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно восемь футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, всё ещё напрягаясь для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая её? Он подумал о своих (тьфу, чёрт, самкиных!) детёнышах, о тёплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улёгся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и всё вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь, и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера ещё на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьёзно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чём особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной, чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождём-увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удаётся... однажды.

Кливи лёг навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтёками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К чёрту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!
Он уснул.

Утром он удивился, что всё ещё жив. Пока всё идёт хорошо. В конце концов, денёк может выдаться недурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолёта-243 осталась лишь груда искорёженного металла на оплавленной почве. Кливи нашёл металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но всё-таки придаёт уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счёл, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалёку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, дерево или пещеру. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотой в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстрое спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое. Если Почтмейстер правильно указал планету. В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полёт. Птица поразительно смахивала на стервятника. Кливи пошёл дальше. Ещё через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь, по крайней мере, с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть. Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал приём, к которому прибегают канануне.

Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зелёный, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детёнышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку. Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперёд, волки попытались, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутёк, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понёсся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается всё шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закужились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над

планетой, взмывая всё выше и выше, и в то же время медленно пятится назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил ещё один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придёт спасательное судно?

Когда стемнело, он долго ещё не мог заснуть и всё смотрел в небо. Однако там виднелись только звёзды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рёв пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, — решил Кливи. — Почему их ещё нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошёл подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к рёву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-жёлтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперёд. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому, намеренные удовольствоваться остатками её трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь. Кливи

попытился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порождённой отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил. Теперь он цвёл. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но всё же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь неплохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, (...) фыркнула и склонила голову набок.

«Ну право же, — подумал Кливи, — кому придёт в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поела кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамы. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода».

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чём он теперь должен думать? (...) О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка. «Ну не мило ли, — подумал Кливи, — она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти».

Птичка легонько клюнула Кливи в шею. «Полегче, — подумал Кливи, — не надо рубить сук, на котором сидишь...»

Птичка клюнула ещё раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

«Проклятый дятел», — подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгрёб птичку и швырнул её в пантеру.

Пантера щёлкнула зубами, но опоздала. Оскорблённая птичка произвела разведочный полёт вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп. Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мёртвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения ещё на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убеждён — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасён! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донёсся подлинный запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле её называли бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошёл к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на её глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он польхнул пантере огнём в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришёл его черёд! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнём! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся лёгкий ветерок и разнёс его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел всё, что происходит вокруг, и всё ощу-

шал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая всё на своём пути. И чувствовал страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царём природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеёк в трёх милях от старта, воспламенил группу кустов, запытал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он всё горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

«Это просто нечестно», — подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на её условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия всё погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берёг почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолёта. Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Ещё немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22.

Шатаясь, он подошёл к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зелёную поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зелёный ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел ещё раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Вопросы и задания

1. Определите тему рассказа «Запах мысли». Сколько в нём действующих лиц? Какое у вас сложилось представление об их характере?
2. Почему Кливи был вынужден сделать посадку на планете З-М-22? Какой он увидел эту планету? Каких животных он встретил? Какие испытания довелось пережить Кливи на планете З-М-22? Что свидетельствует о способности Кливи не сдаваться в экстремальных ситуациях? Какие эпизоды рассказа утверждают силу и мощь человеческого разума?
3. Спасаясь от волков, Кливи мысленно превращался в различных животных. Установите последовательность его превращений.

- А змея
- Б пантера
- В птичка
- Г волчица

4. Что в этом рассказе фантастического? Что кажется вполне правдоподобным?
5. Прочитайте выразительно концовку рассказа. Почему выражение лица Почтмейстера напомнило Кливи обманутую пантеру?

6. Создайте словесную иллюстрацию к эпизоду, когда Кливи представил себя пожаром. Передайте в описании нарастание силы пожара.
7. Докажите, что рассказ «Запах мысли» является фантастическим.
8. Объясните смысл названия рассказа.

Литературный комментарий

В рассказе Р. Шекли «Запах мысли» главный персонаж Кливи спасается на планете З-М-22 от диких зверей, мысленно примеряя на себя различные образы. Лучшим воплощением такого образа стал пожар: «Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах...» Своеобразие превращений Кливи в том, что они не настоящие, а, как определено в рассказе, телепатические. Он совершает их силой мысли, но другие персонажи видят их как реальные.

Мотив превращений в мировой литературе является очень распространённым. Вы уже наблюдали за превращениями героев в русской народной сказке «Марья Моревна», сказке О. Уайльда «Мальчик-Звезда», в романе Дж. Ролинг «Гарри Поттер и философский камень». Своеобразное превращение происходит со Скруджем из повести-сказки Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». Превращение героя — мысленное или материальное — всегда оживляет произведение, вносит элемент неожиданности в его сюжет. Оно вызывает тем самым внимание читателя и привлекает его к решению важных проблем.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Аллего́рия (от греч. *allos* — иной и *agoreuo* — говорю) — изображение отвлечённого понятия или явления через конкретный образ (например, лиса — аллегория хитрости, заяц — трусости).

Ба́сня — это краткий рассказ, чаще стихотворный, который отличается иносказательным сюжетом и высмеивает пороки человека или недостатки общества.

Иро́ния (от греч. *eironeia*) — это отрицательная оценка предмета через его осмеяние: истинный смысл события маскируется автором, говорится прямо противоположное тому, что подразумевается.

Литерату́ра (от латин. *literatura* — рукопись, произведение) — вид искусства, отражающий жизнь при помощи слова, письменного или устного.

Миф (от греч. *mythos* — слово, речь) — чувственные образы и представления о мире и человеке, связанные со своеобразным мироощущением древних людей и их стремлением дать образные ответы на конкретные рациональные вопросы.

Мифоло́гия — это совокупность мифов, возникших в представлении того или иного народа.

Мора́ль ба́сни — меткий вывод, который завершает сюжет басни. Мораль, как правило, располагается в конце басни, как бы подытоживая её.

Нау́чно-фантасти́ческая литерату́ра — воплощенное в художественных образах изображение жизни человека и общества, которое сопровождается описанием научных и технических открытий, прогнозами развития человеческого общества в будущем.

Пейза́ж (франц. *paysage* от *pays* — страна, местность) — описание природы в художественном произведении, образ природы в литературе или живописи. Он может быть одним из средств характеристики героя.

По́весть — прозаическое произведение, которое по объёму больше, чем рассказ, и меньше, чем *роман*. В повести описывается цепь событий, в которых раскрывается определённый период в жизни главного

героя, и детально изображаются связанные с этими событиями второстепенные персонажи.

Послание — произведение, написанное в форме письма или обращения к реальному или воображаемому адресату.

Приключённый, или авантюрный, роман (от франц. *aventure* — приключение) — произведение, насыщенное необычными (реальными или вымышленными) событиями и приключениями, которые развиваются динамически. Сюжет такого романа характеризуется неожиданными поворотами в развитии действия. Для приключенческого романа характерны мотивы похищения, преследования, ситуации загадочности и таинственности.

Притча — небольшой рассказ, содержащий поучение в иносказательной форме. В буквальном переводе с греческого притча означает «сравнение явлений и вещей». Это история, в которой за бытовым сюжетом скрывается глубокий мудрый смысл.

Ритм (от греч. *rhythmos* — плавность, соразмерность) в стихотворении основывается на равномерном чередовании ударных и безударных слогов. Ударный слог произносится более энергично, а безударный — менее отчётливо. В зависимости от такого чередования выделяют двусложные и трёхсложные размеры (с трёхсложными размерами — дактилем, амфибрахием и анапестом — вы ознакомитесь позже).

Рифма — созвучие окончаний стихотворных строк.

Робинзонада — разновидность приключенческого произведения, в котором изображается жизнь персонажа на необитаемом острове. Классическим образцом робинзонады стал роман Д. Дефо «Робинзон Крузо».

Роман (от франц. *roman*) — большое по объёму и сложное по построению, как правило, прозаическое произведение, в котором широко охвачены жизненные события, детально раскрываются характеры персонажей. Автор романа сосредоточивает внимание на жизни отдельной личности, показывает процесс её становления и развития в определённом пространстве и времени.

Стопа́ — это повторяющаяся группа слогов. В двусложных размерах стопа состоит из одного ударного и примыкающего к нему безударного слога. Среди двусложных стоп различают *ямб* и *хорей*.

Строфа́ (от греч. *strophe* — поворот) — группа стихотворных строк с определённым расположением рифм, обычно повторяющихся в других группах.

Фантастическая литература — произведения, в которых изображены несуществующие в действительности события, существа, предметы.

Хорей (от греч. *choros* — хор) — двусложный размер с ударением в стопе на первом слоге, а в стихе в целом — на первом, третьем, пятом, седьмом и т. д. слоге.

Эзопов язык — своеобразный способ формулирования двусмысленных мыслей с намёками, недомолвками, иронией, фигурами умолчания, аллегориями.

Экспозиция (от латин. *expositio* — изложение, объяснение) — изображение положения действующих лиц, обстоятельств и обстановки, в которой они находятся до начала действия.

Юмор (от англ. *humour* — комизм, причуда, нрав) — особый вид комического, изображение героев в смешном виде. В отличие от сатиры, юмористический смех весёлый, добродушный, доброжелательный. Такой смех не обличает, а указывает или намекает на недостатки, которые не имеют характера пороков.

Ямб (от греч. *jambos* — название музыкального инструмента) — двусложный размер с ударением в стопе на втором слоге, а в стихе в целом — на втором, четвёртом, шестом, восьмом и т. д. слоге.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература как часть мировой культуры	4
--	---

МИФЫ И ПРЕДАНИЯ НАРОДОВ МИРА

Из греческой мифологии	9
Миф о Прометее	14
Скотный двор царя Авгия, или Авгиевы конюшни (шестой подвиг)	21
Яблоки Гесперид (двенадцатый подвиг)	22
Освобождение Прометея Гераклом	23
Из славянской мифологии	26
Миф о солнце	27
Библейские предания и притчи	31
Притча о блудном сыне	33
Притча о добром самарянине	35

БАСНИ

Эзоп	38
Ворон и лисица	40
Волк и ягнёнок	40
Иван Крылов	42
Ворона и лисица	44
Волк и Ягнёнок	45

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Александр Пушкин	48
Зимнее утро	51
Няне	54
Песнь о вещем Олеге	56
Михаил Лермонтов	61
Парус	62

Три пальмы (Восточное сказание)	64
«На севере диком стоит одиноко...»	68
«Горные вершины...»	69

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ИСПЫТАНИЙ

Николай Гоголь	
Ночь перед Рождеством	96
Чарльз Диккенс	96
Рождественская песнь о прозе	97
Даниель Дефо	127
Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо <i>(В сокращении)</i>	130
Джек Лондон	160
Любовь к жизни	162

УРОКИ ДОБРОТЫ

Андрей Платонов	180
Юшка	181
Виктор Астафьев	189
Конь с розовой гривой	190

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Рей Брэдбери	201
Улыбка	209
Всё лето в один день	216
Роберт Шекли	222
Запах мысли	223
Словарь литературных терминов	235

Навчальне видання

*Бондарева Олена Євгенівна,
Гльїнська Ніна Гльїнчна,
Мацатура Валентина Іванівна,
Бітківська Галина Володимирівна*

ІНТЕГРОВАНІЙ КУРС

ЛІТЕРАТУРА

(російська і світова)

(російською мовою)

Підручник для 6 класу
загальноосвітніх навчальних закладів
з навчанням російською мовою

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України

Видано за рахунок державних коштів. Продаж заборонено

Підручник відповідає чинній програмі з літератури для загальноосвітніх навчальних закладів. Він містить художні твори, теоретичні відомості, теоретико-літературні поняття, методичний апарат. Для ефективнішого використання навчального матеріалу, у підручнику передбачені тематичні рубрики.

У підручнику були використані ілюстрації художників

Редактор *Т. Мусієнко*

Художні редактори *Н. Михайличенко, Ю. Ясінська*

Технічне редагування та комп'ютерна верстка *Л. Ткаченко*

Коректори *І. Барвінок, Т. Мельничук*

Підписано в друк 25.06.2014 р.

Формат 70х100/16. Папір офс. № 1.

Гарнітура Петербург. Друк офс. Ум. друк. арк. 19,44.

Обл.-вид. арк. 19,678-0,54. Умовн. фарбовідб. 77,76.

Тираж прим.

Зам. №

Видавництво «Грамота»

вул. Паньківська, 25, оф. 15. м. Київ, 01133

тел./факс: (044) 287-11-44, 287-11-66, 287-11-88,

(044) 253-92-64, 253-90-17

E-mail: gramotanew@bigmir.net

Віддруковано з готових діапозитів видавництва «Грамота»
у ТОВ «ПЕТ»

61024, м. Харків, вул. Ольгінського, 17.

Свідоцтво ДК № 4526 від 18.04.2013 р.